

84(2Рос-Рге)6
К В55

ВЫШНЯКОВ П. А.

РАССКАЗЫ

К 65-летию Октябрьского района

ВИШНЯКОВ П. А.

РАССКАЗЫ

Ханты-Мансийская
государственная
окружная библиотека

обяза-
тельный
экз.
ХМАО

Ханты-Мансийская
государственная
окружная библиотека

КО

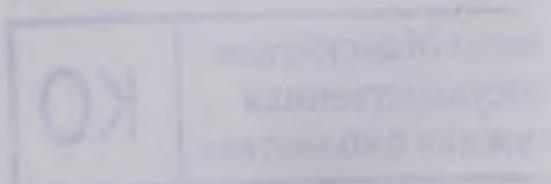
- 70081-2

К84(2Рос=Рус)6
Б55

ВЛШННКОВ П. А.

**Книга издана по инициативе
и на средства МО «Октябрьский район» ХМАО**

РАССКАЗЫ

5-1004

ВИШНЯКОВ ПЕТР АЛЕКСАНДРОВИЧ

25.06.1924 г.—

08.10.1991 г.

Суровое время 30—40-х годов выпало на детство и юность П.А. Вишнякова.

В 1930 году его родители были репрессированы, и семья сослана из Челябинской области в с. Заречное Микояновского района (ныне Октябрьского района). В 1939 году, получив разрешение на выезд из Заречного, поступил в Остяко-Вогульское педучилище. Было огромное желание учиться. Учиться, чтобы стать учителем. Но все

планы разрушила война. В августе 1942 года получил повестку, прошел военную подготовку в Омске и Новосибирске, и уже пулеметчиком попал на Южный фронт. Медаль «За отвагу» — его первая боевая награда и, конечно, самая дорогая.

После войны вернулся в теперь уже ставшие родные места. Работал в Зареченском детском доме сначала воспитателем, затем завучем до ноября 1949 года. Переведен в с. Кеушки, а в 1957 году получил направление в Перегребинскую школу директором. В Перегребное приехал вместе с женой Анной Александровной и четырьмя детьми.

За безупречный труд и огромную общественную работу был награжден районными почетными грамотами, а также грамотами окружного комитета КПСС, областного комитета образования. В 1959 году был делегирован, как один из лучших директоров школ района, на III областной съезд учителей в г. Тюмень.

Несомненно, для каждого своего ученика он был Учителем с большой буквы. Учить и воспитывать детей — было его истинным призванием. Недаром, преподаваемые им предметы, история и рисование, были самыми любимыми, самыми яркими и запоминающимися. Петр

Александрович не расставался с фотоаппаратом и блокнотом, много рисовал, поэтому теперь школьный музей имеет богатый материал по истории края и школы.

Атмосфера Перегребинской школы, которая формировалась еще при Вишнякове, бережно сохраняется и в наши дни. С большим уважением вспоминают бывшие ученики, родители и учителя своего директора.

Из записной книжки Петра Александровича:

«Идут годы, но все так же тепло сердце и мудрость учительского слова лечат и детские шалости, и ребячью лень, и семейные неурядицы родителей. А как это порой бывает нелегко... Из года в год, изо дня в день идет упорная борьба за знания, за ум и сердце каждого ученика — и в этом мои коллеги впереди».

У Петра Александровича и его жены Анны Александровны была большая прекрасная семья. Они вырастили и воспитали пятерых детей, имеют 14 внуков.

Последнее время, после ухода на пенсию в 1977 году, он жил в г. Обнинске, где вел огромную общественную работу, был бесконечно и бескорыстно предан людям, проявлял постоянное внимание, теплоту, заботу — никогда не считался со временем, относился ответственно к каждому делу во имя людей — был абсолютно обязателен к себе и внимателен к людям.

Сердце педагога остановилось 8 октября 1991 года.

Коллектив Перегребинской средней школы.

Страницы детства

Воспоминания свои и рассказы родителей

до февраля 1930 г.

Заимка — это хутор, а не название. Не знаю, когда имели его наши предки-казаки, почему поселились на хуторе, можно догадываться. Семья разрослась, из деревни на поля, луга, в лес и на разные другие уголья ездить стало далеко, времени надо много терять, да и не каждый час выскочишь, т. е. пользоваться землей неудобно. А землю давали на мужиков-казаков. В семье были: прадед, дед, отец и его братья — к концу века четверо с ним. Вот вероятно и получили разрешение на землю — хутор. Когда были живы отец и мать, я этим плохо интересовался, а зря — теперь только кусочки сведений остались в памяти.

Спасибо Зое Федоровне Журбе, она пробудила интерес к родословной нашей, дала немалый материал по «древу» нашему, а так же воспоминания ценные о Михаиле Игнатьевиче Вишнякове — прадеду нашему. Род наш рассеялся широко — причины для этого были разные. Но главные — мировая война 1914—17 г.г., революция и гражданская война; коллективизация и Отечественная война 1941—45 годов; изменение социальной демографии в стране — никто из Вишняковых теперь не живет в селе, не занимается никто и сельским хозяйством, не производит продукцию на рынок ни единолично, ни коллективно... Всех надо кормить...

Опишу, что из себя представляла заимка к началу тридцатых годов. Это не только воспоминания, я как бы вижу это — такова сила зрительного восприятия в детстве...

Она усилена еще и тем, что круг зрительных впечатлений был однообразен, а близких людей — ограничен. К концу двадцатых годов на хуторе жила только наша семья и брата отца — дяди Анатолия Поликарповича Вишнякова. Каждый вел свое хозяйство, помогая друг другу.

Хутор располагался верстах в двух-трех от деревни Круглое, отделенный редкими, небольшими перелесками-вырубками, полями. С дороги от Круглого при подъезде к хутору видим слева впереди озерко. Дальний берег зарос камышом и ольхой. Озерко искусственное. Где-то там «слань» — перегорожена низина, сделана запруда. Вода чистая, в озерке водились караси — развели сами... Ближний берег низкий, безлесый. Ближе к дому дяди Анатолия на берегу пруда и в воде — загородки для уток и гусей, и молодняка... Тут и воду берут, носят домой на коромысле. Тут и лодочка плоскодоночка. Ездил на ней смотреть морды у камышей моя мать Олимпиада Федоровна, ловко управлялась двухлопастным веслом. Уха и жареные караси на сковородке, а также караси в пироге известное блюдо было для нас и для гостей, приезжающих на заимку в гости. В базарные дни при хорошем вечернем и утреннем улове укладывали карасиков в корзину, устилая дно и бока тиной, и увозили с другой провизией — яйцами, маслом, сбитым на самодельной маслобойке, сметаной и прочим — на базар в Челябинск. А туда езда — путь верст десять было. Ездил отец, иногда с матерью.

Справа от озерка новый дом дяди Анатолия, построили его, как он вернулся с гражданской войны и отделился от семьи. За воротами и забором видны хозяйственные постройки — навес, конюшни, коровник. Два окна весело смотрят на дорогу — одно из горницы, второе из прихожей. Дом стоит высоко, фундамент в сторону озера на склоне. Из окна в сторону озерка видна вся ширь водоема, а за ней дорога, по которой то и дело снуют туда-сюда подводы. Это, пожалуй, километров в полтора от заимки. Есть окно с прихожей (кухни) и во двор все хозяйство на виду — тете Поле все видно, когда она у печи.

Правее дядя Анатолия и чуть уступом вперед, к югу наш дом: серый невидный пятистенник, крытый дерновыми пластинами. Это первое жильё для большой семьи при заселении на хутор. Четыре окна невысоко над землей смотрят на юг, сюда к дороге на Круглое, на ворота и поскотину... Правее от угла дома калитка и ворота. Еще правее изба-малуха. Там держат разную хозяйственную утварь, молодняк овец, птицы. Складывают для сушки картофель; есть печь русская — зимой подтопят — тепло. За малухой сараи, навесы для скотины. Стены плетеные, полутеплые, иногда насыпные (старая мякина, солома). Навесы жердяные покрыты полусгнившей соломой на зиму. Впереди малухи небольшой огород, а еще ближе к югу какие-то ямы, заросшие чертополохом, лебедой, там тоже были жилые постройки, но их после гражданской перевезли в Челябинск — родственники обосновались там.

Перед нашим домом нет ни садика, ни деревьев. Только метрах в десяти глыбы камней. Думаю, были припасены для фундамента еще до мировой войны — семья росла, и поговаривали, что дом надо перестраивать (из разговоров моей матери). Зато из окон в южную сторону видно все далеко — поскотина (изгородь), за которой начинаются поля, дорога на Круглое, дальше место для колки, левее кузня и баня, дорога с хутора на дорогу за озеро...

Войдем во двор. Из конуры за крылечком выскакивает Кукла, она на цепи; за конурой вдоль забора, разделяющего дворы — наш и дяди Анатолия — поленница дров; справа конюшня — вход с торца, от калитки ее видно. Между конюшней и навесами двора дяди Анатолия — тоже постройки: амбары с навесом, покрытые железом. Я помню, летом отец подсаживал меня на навес, и я ходил босиком по нагретым крашеным (а может ржавым) листам, а они прогибались и глухо погромыхивали. С навеса был виден весь двор... Под навесами стояли сани — дровни, телеги, ходок (легкая телега для поездки в гости)...

В амбаре насыпью на полу хранилось зерно, по стенам развешаны разные снасти, старые тулупы, шубы, зипуны...

Двор по краям зарос травой-муравой, но середина выбита — тут всегда движение, здесь запрягают-выпрягают, роются куры, выгоняют овец, телят на выпас... Наконец, после поездки лошади любят поваляться на ровном местечке в пыли, разминку сделать, хоть зимой, хоть летом...

За конюшней и малухой в плетеных навесах овцы, телята, коровы, а между задним торцом конюшни и навесом — подполье саманное, за ним курятник, низенький и темный...

Бабушка Ольга — отцова мать — рассказывала, что в худые години через плетеные стены ночью забирались воры, забирали овец, даже, кажется, уводили лошадь...

Я не помню, сколько было в последние годы пашни, скота, птицы, но слышал, что в большие работы устраивали «помочь». Съезжались родня и соседи из Круглого и Челябинска. Прихватывали и работников: время не ждало. Жалею, ох жалею, что не проявил интереса к этому по молодости, считая прошлым, ушедшим, запретным...

Зайдем в дом. Невысокое крылечко из плах на чурках на земле. Заходим в сени. Прямо кладовая (я там бывал редко и не один, боялся — оттуда даже летом несло холодом, неуютом, сумраком, окошечка не было). Из сеней дверь в прихожую: она же кухня и столовая; она же для отдыха в дневное время на часок... Справа от дверей умывальник, слева вешалка для верхней одежды: под ней обувь, тут разувались, присев на скамейку. Портянки и валенки зимой укладывали на печку — печь была всегда горячей, топили все время, еду готовили здесь. Поверху от печи до стены — полати, под самым потолком. Сидеть там только на коленях — голову надо сгибать. Зимой это излюбленное место: на кошме сухо, тепло и оттуда все видно. Заберемся с Шурой — играем или что-то рассказываем друг другу. И днем там спали. На печке зачастую что-то сушится на веревках — белье, портянки, носки; на печи сухари в мешках; лук по стенкам вязками...

Мать и бабушка Ольга управляют у печи — варят, жарят, пекут хлеб, калачи, пироги и разные постряпушки, мать была на это великая мастерица. В «вольном жару»

варилось молоко, простокваша превращалась в творог, топили масло, кулагу, делали сусло...

Помню, в зимнее время старшая сестра Зоенька, Маша, еще женщины устанавливали растяжки на крестовинах, натягивали полотно — и начинали «стегать» одеяло. Сидели с обеих сторон, работали иглами, распевали песни или разговаривали. Я крутился тут же. Бабушка Ольга иногда ткала половики — станок находился в малухе, работала иногда там, а иногда отец все заносил в избу, убирали кровать и работа шла здесь. Смотреть было занятно: туда-сюда бойко бегал челнок, протягивая за собой полоски свитых тряпичных ленточек из рваного, изношенного материала — юбок, кофт, штанов, нижнего белья. Бойко — тук-тук — хлопало бердо, подбивая нити поплотнее друг к другу; ноги по очереди нажимали внизу рычаги — нити перестраивались, переплетая подбитую ленту, — и вот маленький шажок в длину половика... А я играю с кубиками разного цвета, они лежат в корзине. Бабушка Ольга строго смотрит на меня из-под очков — я распустил один из клубков, а кошка загнала его под лавку...

После свадьбы сестры Маши (Маруся или Маня — звали ее иногда со стороны) с Павлом Михайловичем Щелкуновым в Челябинске ранней осенью 1929 года в доме остались отец с матерью, бабушка Ольга да мы с Шурой. Шура уехала учиться в первый класс в Челябинск. Жила у Николаевых. Но вскоре заболела корью, и ее привезли домой. Мать хлопотала над ней, меня не пускали в горнице к ее кровати. Но после ее выздоровления заболел корью и я. Не знаю, кто лечил и как лечили. Осталось ощущение — рука трогает что-то неопределенное, мягкое-мягкое. От этих прикосновений даже мутило... И вдруг это что-то делается неприятно корявым, цепляющимся за кожу, и нет силы оттолкнуть от себя. Ощущение пропадает на некоторое время, и снова с педантичным постоянством все сначала. Уже школьником на севере, бывало, болел, и такие ощущения в меньшей мере, но повторялись.

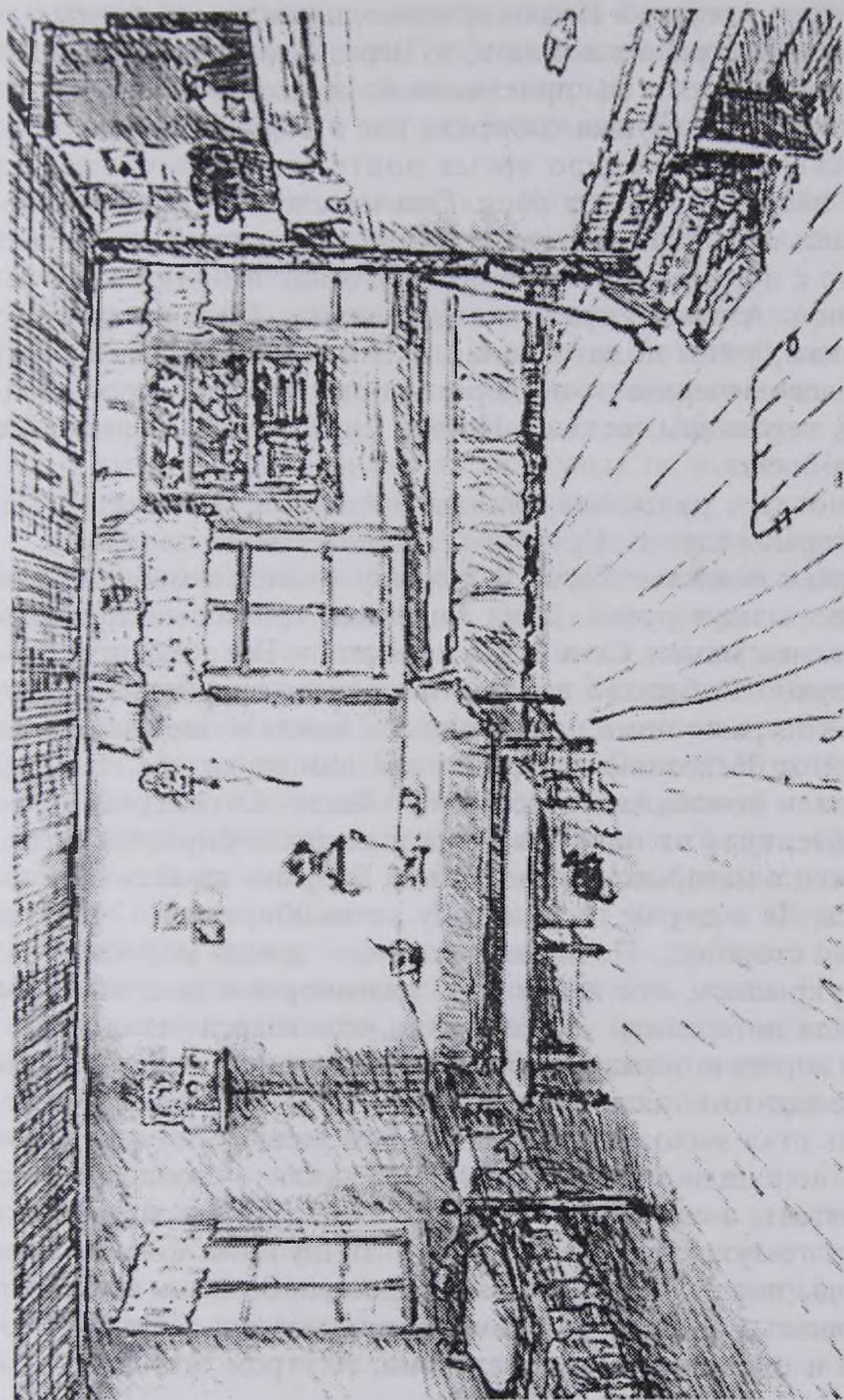
Часто бабушка Ольга оставалась с нами одна, а то и дядя Анатолий с женой уезжали в Круглое или в Челябинск,

Заимка Вишняковых 1928—1929.

Набросок.

Рисунок 7 апр. 1989

Общая комната в доме на заимке — 1929 г.

С наброска. 3 апр. 1989 г.

и дочерей Августу и Нюрочку приводили к нам на присмотр. Мы вместе играли в комнате, то перед домом около камней.

К вечеру, если не приезжали ко времени, как обещали, «гостеваны», бабушка собирала нас в горницу и никуда не отпускала. Подходило время поить, кормить скотину... А от нас не уйдешь на двор. Она металась из окна в окно. Или нас посылала. «Идите в горницу, смотрите, не свернет ли кто с портнягинской дороги... Это наши будут, крикните мне». А сама управлялась у печи... Готовила поило коровам, ужин подогревала... А мы сидим у окна и смотрим, дело вечернее — по дороге вправо и влево снуют подводы, тарантасы, ходки... Но все мимо, никто к заимке не сворачивает.

Иногда с радостью кричим: «Авочка, Нюрочка, отец с матерью едут с Круглого. Видно к своим заезжали...». Сестры с радостью бегут за калитку — отец с матерью уже близко, машут рукой. Дядя Анатолий кричит матери: «Задержались, мама... Саня скоро приедет...». Все обходится благополучно. А бывало всякое. Часто мать вспоминала историю, которая с ними приключилась, когда возвращались из гостей от Загвоздиных. Приехали к ним на ходках, телегах. Загуляли допоздна, гостей много было. Отговаривали — ночуйте, куда на ночь глядя, да и дождь собирается вроде. Но отец с матерью — надо домой, бабушка на весь дом осталась. Да и другие гости к тому же засобирались — поедем в одну сторону... Поехали!.. Темно — дождь моросить начал; укрылись, кто как мог. С разговорами да с весельем сначала потерялись — кто отстал, кто вперед уехал. А потом и дорогу потеряли — сбились с дороги, нет дороги... Наши и еще кто-то поняли — дело плохо, надо держаться вместе. Хмель стал выходить. Поискали-поискали дорогу в темноте — не нашли... Остановились... Решили — лошадей надо выпрягать, а самим под телегами спастись до рассвета.

Где-то тут должны быть ямы — глину в них копали. Они от воды полные были — дожди прошли. Заедешь в темноте — лошадь утопишь, да и сам утонуть можешь... Так до рассвета и продрожали под телегами. А утром огляделись —

вот они, ямы, раскопы — совсем рядом. Все были рады, что хватило ума остановиться. От беды совсем близко были. Заявились на заимку на рассвете — мокрые, грязные, продрогшие... Бабушка Ольга ворота открыла, всех пропускает, а сама в слезах.

«Уж не думала вас увидеть... Как вас угораздило? Оставили бы на старости лет с сиротами». Мать и женщины к ней с плачем — натерпелись страху.

Дома все переоделись в сухое. Сушили после, замывали свою одежду. Бабушка Ольга готовила большой самовар — пить чай с малиновым вареньем, прогреться надо... Для мужиков, наверное, было и горячительное. Мужчины были рады, что по дороге никто из знакомых не попал. Позор! По пьянке в степи переночевать пришлось.

...Гуляли и по зимам. Гости добирались на лошадях. За Николаевыми ездили. Наверное, вечеринки были по праздникам. Большой праздник был Ильин день (в разгар лета). С утра ездили в Петровское в церковь, а потом уж по гостям. Собирались за столом в горнице. Тут бывали Николаевы. Беринцева Мария Поликарповна — сестра отца, вдова с детьми, Загвоздины, Щелкуновы — Павел Михайлович и Маша. дядя Анатолий с женой, дядя Артемий — единственный брат моей матери. К гостям готовили брагу. Наверное, была и водка, и вино — конусообразные темные бутылки бывали в чулане... Выпивали... Хорошо закусывали... Рыбные, свежие карасевые пироги — любимое блюдо на заимке, караси в сметане... Любили петь песни. Помню такие мотивы: «Бывали дни веселые, гулял я, молодец». «Поехал казак на чужбину далеку на верном своем на коне вороном...». «По Дону гуляет...». «На склоне тюремного замка зеленая липа стоит».

Когда мужики захмелеют, пели группами, любимая на веселый лад — «Сошлись русский с немцем, зашли они в кабак...». Женщины пели «На муромской дорожке стояли три сосны...». Кто помоложе «Кирпичики...». К концу вечера все смешается после выпивки, закуски, танцев и пляски, песен и шуток; кого-то увели на кровать — надо передохнуть;

кто ушел лошадей посмотреть — напоить, накормить; кто остался на ночь прибрать свое и хозяйское. Александру Поликарповичу не до скотины сегодня — с гостями надо быть. Перед чаем поют разухабисто — веселое и грустное-грустное: «Говорила, говорила: не ходи! Говорила, говорила: не люби!», «Как на кладбище Митрофановском...», «Вы не вейтесь, русые кудри...». Мать любила песню «Что ты жадно глядишь на дорогу за промчавшейся тройкой во след...», и кто-нибудь предлагал: «Бабы, давайте споем Липину любимую!» — И затягивали... После долгого чая уже в сумерках кто не оставался ночевать — начинали разъезжаться. Прощались во дворе — обнимались, хлопали руками, желали друг другу всего хорошего... Кто оставался — укладывались спать. Летом уходили в амбары или на сеновал. Бабушка наказывала: «Мужики, курите во дворе, а на сеновале не смейте!». А те отвечали: «Бог с вами, Ольга Лукьяновна, или мы маленькие...». А в горнице укладывались на полу. И бывали ссоры, даже из-за места. Было это летом. Дядя Артемий — брат мамы — решил спать под столом у простенка, где висело зеркало. Там одному только, калачиком свернувшись, места хватит, а тут еще претендент нашелся: в крайнем случае вдвоем уляжемся... Но места мало. Началось со спора. Кончилось руганью, уж до потасовки дело начало доходить. Жены давай растаскивать — ведь оба были изрядно навеселе. Так и проспали в разных углах. А утром хохот — кто где ночевал.

В гости родители иногда брали и нас — Шуру и меня — пообщаться с братьями и сестрами, на заимке шла замкнутая жизнь. Ровни было мало, только Августа и Нюрочка тети Поли и дяди Анатолия. Помню, что были у Загвоздиных, Николаевых, Беринцевых — родителей тети Поли. К тете Мане — сестре отца, мы заезжали в Круглом часто. Что запомнилось из этих поездок? У Загвоздиных во дворе мне понравились сделанные дедушкой маленькие грабельцы; головка и зубья смазаны смолой или дегтем. Грабельцы были сделаны для младших детей... Когда ехали в Баландино и выехали на бугор — открылся широкий простор — река Миасс, за ней поля и лес, а под склоном — деревня...

В гостях у Маруси — сестры — вечером ходили в городской сад. Павел Михайлович держал меня на плече, когда на открытой эстраде показывали фильм. Показ кино видел впервые. Ничего не понял. А когда играла музыка — духовой оркестр, — я оглядывался: где он? музыкантов с трубами не было видно. Да и труб-то я не видел никогда. Когда возвращались домой — я уснул на руках.

А у Николаевых были на новогодней елке. Видимо, на 1930 год. Все дети веселились, пели, водили хоровод, рассказывали стихи. Там я услышал песню «В лесу родилась елочка...». Запомнилось электричество. Заинтересовал выключатель на стене над кроватью. Все хотелось пощелкать им — видел, как это делали взрослые.

Хорошо помню уборку урожая 1929 г. В хозяйстве была сноповязалка — пока тащат по полю, потрескивает передача, машут-крутятся над площадкой рейки горизонтальной вертушки. А может иначе называлась эта машина — в памяти встает слово «самосброска». На молотьбу и перевозку снопов съезжались родичи — Николаевы из Челябинска, тетя Маня из Круглого, еще кто-то. На «задах» расчищена площадка — это ток. Сюда свозят снопы, и растет кладь. Высокая, кажется мне. Недалеко установлена молотилка на конной передаче. Впереди — от молотилки метрах в 15—20 — веялка. Ее вращают вручную. Впряженные лошади ходят по кругу; передача усилия с вала на шкив молотилки — ременная. Запомнилось: лошади, вращаясь по кругу, перешагивают привычно вал; я боюсь, чтобы они не запнулись — вал-то вращается... Ремень хлопает на передаче на вал барабана. Кто-то ловко хватает с полу сноп и всовывает его в молотилку. Зубья вырывают сноп из рук. Из молотильной камеры веером летит солома, зерно, пыль. Женщины отгребают солому в сторону, а зерно лопатами отгребают ближе к веялке. Там зерно начисто освобождается от пыли, соломы, земли... Я уже видел — в эту веялку под навесом поставят решета и будут сортировать зерно, но это позднее, когда схлынет главная забота — убрать с поля урожай... Жарко, погода сухая, безветренная. Работа идет сла-

женно, дружно. С поля в редких с боков телегах везут снопы. Не раз и меня брали с собой постарше ребята Николаевы, Беринцевы. Сижу наверху, крепко ухватившись за перевязь снопа. Высоко! Все хорошо видно. Лошадь спокойно тянет телегу-редван... На току делают небольшие перерывы. Надо передохнуть, ополоснуть пот, попить холодного кваску; лошади на передаче тоже устают... Мужчины прочищают узлы, подливают масла в шестерни; вал в это время отключен.

В обед перерыв. Лошади отпряжены, поставлены на кормежку во двор, там прохладно, там сено, водопой из колодца и овес.

А все, кто работает, умываются, идут за кладь, в тень. Там на пологе приготовлена посуда, еда, питье... Смех, шутки... После еды — недолгий отдых тут же в тени. А потом — до сумерек. Время не терпит...

Здесь молотили урожай всех, чьи поля были поблизости — наш, дяди Анатолия, Беринцевых, и тех, кто арендовал землю из горожан.

Помню, была и сеялка. Отец во дворе насыпает в ящик зерно — поедет сеять. Я кручусь тут же. Вижу в зерне какие-то зеленовато-синие мелкие-мелкие крупички. Тяну руку достать, а отец говорит — нельзя, умрешь. Руку отдергиваю...

Помню: летом отец уводил лошадей в ночное, на луга, на свежую траву, и сам оставался до утра, ночуя на телеге: лошади спутаны, ходят, помахивая хвостами по холкам — отпугивают комаров. Несколько раз и меня брал с собой. Лежу на старой шубе калачиком, укрытый зипуном, поглядываю в щелочку у глаз. Отец сидит рядом, курит. Слышно, как фыркают лошади; как передвигаются с места на место, иногда подпрыгивая спутанными передними ногами. Иногда слышен крик внезапный и неожиданный. Я встрепенулся, выглянул из зипуна...

— Тятя, кто это? — В голосе тревога...

— Это птица взлетела с гнезда — лошади испугнулись, до болота добрались... Лежи, спи...

Я закрываюсь плотно зипуном, прислушиваюсь к звону комаров и засыпаю... Просыпаюсь: солнце еще не показалось — заря расплылась по горизонту. В телегу впряжена лошадь, и сзади на уздах кобылы, на шеях — путы. Едем домой. Мать встречает нас, и я, полусонный, укладываюсь досыпать.

Один раз после заката солнца поехали за травой — кормить лошадей в конюшне. Поехали за «стлань», т. е. по дороге через болотистое место. Телегу потряхивает, отец поддерживает меня левой рукой, я лежу в зипуне, прижимаюсь к нему. На лугу косим траву. Слышно, как «литовка» (коса) поет при каждом взмахе: вжик! вжик!

Уже несколько копен под моим боком. Еще! Еще! Лошадь фыркает, топает ногами, бьет хвостом — комары не дают покою... Готово! Кобыла припускает от комаров, но отец сдерживает ее: под травой коса, не перевернулась бы... Во дворе отец говорит матери: ночью дождь будет, комаров — не продохнуть...

В начале зимы мать оденет меня, и я с отцом во дворе, у лошадей, коров, овец, иногда в кузне. Она стояла у озерка перед домом слева от дороги из Круглого. Перед кузней — станок дляковки лошадей. Кругом у стенок — старые колеса без ободьев. В углу кузни — уголь; наковальня; развешаны щипцы с длинными железными ручками, клюки, молотки, бродки; кадушка с водой для закалки изделий. Но больше всего интересен горн и меха — это как непонятный зверь: дых-х-х! Пламя упруго клонится в одну сторону, летят искры, погасая в черноте потолка. Из горящих углей выхватывается раскаленная пластина, выкладывается на наковальню, и пошла работа: бух-бух! бух-бух! бух-бух! Стоит ритмичный перезвон. Отец ловко щипцами ворочает деталь, успевая между ударами поставить в нужное положение. Пластина меняет форму на глазах; тускнеет... Еще подправляет редкими ударами. Готова! И вмиг — в воду... Зашипело, вверх поднимается пар.

Пока нагревается следующий кусок металла — помощники отдыхают. Чаще всего это были соседи, жители Круглого...

Я с интересом наблюдал, как ставят на колеса кольца на ступицы, шины на колеса; как готовят лошадь к ковке: лошади упираются, не хотят заходить в станок. Но вот прихвачена нога дляковки, туловище подтянуто. Нагретая подкова прикладывается к копыту — лошадь бьется, храпит... Мне жалко ее. А уже по расчищенному копыту и подкове бьют молотком. Светленькие, плоские гвозди с прямоугольными шляпками вонзаются в копыто... Уже срезаны остатки гвоздей, зачищена роговица рашпилем. Только слышно — рррык! рррык!!!

Но чаще отец в кузне был один — ремонтировал плуг, ставил заклепки. Или с братом — дядей Анатолием...

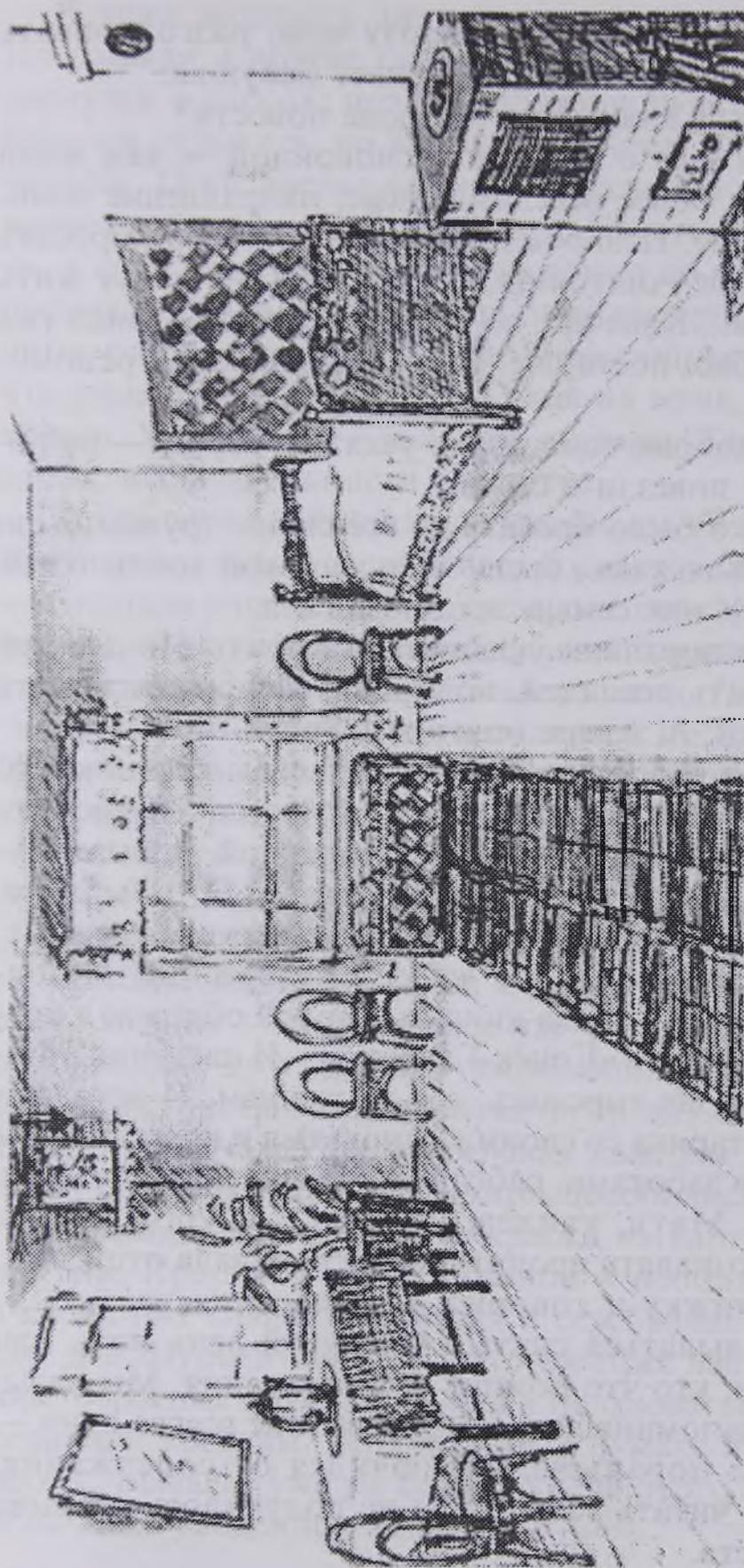
В зиму на тридцатый год отец рано уезжал на санях в город, кто-то переезжал в Челябинск, перевозили и дом, приспособлялись к городской жизни. Отец помогал в перевозке. Возвращался поздно, и мы всей семьей ждали его возвращения. Мать и бабушка заглядывали в окно, отгораживаясь от света лампы платком или ладонью. Мы с Шурой тоже старались увидеть.

— Знать-то едет Саня, — кричала бабушка Ольга. — Липа, иди открывать ворота!

Мы уже у второго окна, во двор. Лошади фыркают, встряхивая иней с ноздрей; после выпряжки катаются на хребте, переваливаясь с боку на бок; встают и отряхиваются, послушно идут в конюшню. Отец связывает и уносит сбрую в избу-малуху. Мать или бабушка Ольга её еще днем подтопили, и сбруя за ночь просохнет. Оглобли дровней приподняты и стянуты чересседельником и положены под навес... Мать выходит из конюшни — лошади поставлены в стойло, задано сено.

И вот отец с матерью у порога. Мы бросаемся к нему. Он снимает с себя шубу, шапку, приглаживает рукой вспотевшие волосы, берёт меня на руки, поднимает и целует... Усы мокрые, холодные, щекочут... А потом очередь Шуры. Идет умываться — умывальник тут же, справа от дверей печки.

А бабушка Ольга уже все на стол поставила... Еда и чай в самоваре дышат паром. Ужинаем все вместе. Отец неразго-

Горница в доме на заимке. 1929 г.

Набросок — 7 апр. 1988 г.

Рисунок — 3 апр. 1989 г.

ворчив — пока не напьётся с морозу чаю, разговаривать лишнего не любил. Молчание нарушает бабушка:

— Ну, что там, Саня, какие в городе новости?

Конечно, речь шла о новости беспокойной — там жили Николаевы, люди более осведомленные, направление политики улавливающие. Недаром знакомые советовали бросить заимку отцу и дяде Анатолию, говаривали: не дадут жить своим хозяйством... Конечно, об этих разговорах я узнал уже в ссылке, когда был постарше. Мать обыкновенно резюмировала:

— Вот люди добрые советовали уехать в город — не слушали... Вот и повезли в ссылку.

Конечно, жалко было бросать — всё своим трудом было нажито. Семьица-то какая была — до мировой войны четыре брата да дед. У них семьи, дети помогали.

В такие вечера пораньше укладывались спать. Ночью ещё надо было напоить лошадей, подбросить корм, заглянуть в другие стаюшки. А завтра опять в дорогу.

Но иногда — в свободные дни — садились читать книги после ужина. Бабушка Ольга и мама тут же занимались делом — вязали, пряли или занимались починкой. А мы с Шурой — рядом, поближе к отцу — слушать... Это были небольшие детские книжечки, смотренные-пересмотренные, слушанные-переслушанные, но всё ещё интересные. Но однажды отец привез из города книгу в твердой обложке с красочными картинками — «Конёк-Горбунок». И наступил праздник. Отец читал, не торопясь, с выражением. И вставляли картины жизни старика со своими сыновьями и крестьянским бытом, со своими заботами, работами. Чтение продолжалось много вечеров. Мать, увидев, что мы с Шурой устали и не успеваем осознавать прочитанного, подавала отцу знак. Он закрывал книжку и говорил: «На сегодня хватит...». И мы шли укладываться спать. На другой день мать или отец спрашивали, кто что помнит из содержания. Мы называли последние запомнившиеся картины, и не всегда одни — кто-то задремал пораньше, отключился от содержания. И отец начинал читать так, чтобы не получилось разрыва содержания текста.

Я знал наизусть значительную часть начала сказки. Но бывали и другие случаи с чтением книг. Однажды отец вернулся с работы поздно, поужинали все вместе, отец собирался отдохнуть, но я пристал к нему: «Тятя, почитай, почитай!». Отец достал книжку «Рассказы» А.П. Чехова, что привез из города и начал читать. Читать начал с выражением, с грустью в голосе, а когда дошел до чтения Ванькиного письма, и голос его задрожал, я не вытерпел и грянул горячими слезами, и заревел... Всё произошло так неожиданно, что родители растерялись. Глядя на меня, и Шура расплакалась. Успокоился я только в постели. Такова бывает сила слова, выразительности в детстве.

Когда перед войной шел кинофильм «Учитель» в Остяково-Вогульске и нам в педучилище посоветовали его посмотреть — будущие учителя! — то на экране повторилось что-то подобное, хотя ученики в классе были старше, чем я в детстве.

Из города привозили разные книжки. Помню книжку-загадку с синим, красным и зеленым прозрачным листом. Наложив красный лист, видишь одну картинку с вопросом, находишь ответ. На эту же положил желтый лист, видишь совсем иное изображение. Было интересно это превращение. А после этого не видел таких книжек ни разу.

Однажды привезли толстую из упругих листов книжечку — «Живые картинки». На концах листочков от первой до последней — схематичные изображения двух человечков, догоняющих друг друга, кувыркающихся, дерущихся, наконец, один тонет в реке, пробегая по бревну. Впечатление было сильное. Вначале отец показывал нам, как «двигаются» человечки, а затем мы и сами приспособились смотреть.

Наконец дома появились краски на картонках в детскую ладонь. Краски были величиной в небольшую пуговицу, а среди них сияли золотистая и серебряная. Картонок было две: для Шуры и меня. И кисточек тоже две. Это был праздник. Взрослые научили, как ими пользоваться. Любовь к рисованию, краскам, карандашам и бумаге пронес через всю жизнь. Бывало, уже на севере, когда этого не было — снилось даже увиденное в детстве.

А когда в тридцатых годах мы получили посылки от Николаевых (там были подшитые валенки, кое-что из одежды, мелочь — пуговицы, нитки, иголки, гребни, мыло, вязаные носки и шарфы, шапки. Ребята уже вырастать из них стали — Евгений, Алёша, Лидочка), вложены были журналы «Ёж», несколько номеров; цветные карандаши и тетрадная бумага с не полностью исписанными страницами: мать и отец смотрели почерк и сказали — писал Леонид (старший сын тёти Анюты), его почерк. Там было что-то вроде календарного плана. Слова были мало понятны. Но когда в шестидесятых годах мы стали получать от Л. А. письма и открытки из Москвы, я сразу вспомнил эту вязь письма — почерк не изменился. Это была лучшая часть посланного — можно рисовать, читать о Гаргантюа и Пантагрюэле, об их аппетитах и похождениях, в журнале были хорошие рисунки и гравюры, рассказы. Главы из журнала я так хорошо знал, что рассказывал в школе товарищам, и они слушали с удовольствием. После войны я видел книгу Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль»; просмотрел её замечательные иллюстрации гравюрного типа, понял аллегорический смысл образов и событий, но первое впечатление от содержания гравюр в журнале «Ёж» было дороже. Давно нет дяди Сани Николаева и тети Анюты, его супруги и сестры отца моего. Трагически умер Леонид в Москве. Погиб под Сталинградом осенью 1942 г. Алёша; Лидочка — медик закончила войну на западе, а потом на востоке, вернулась домой и умерла от восточной болезни мозга. А признание семьи и благодарность ко всем Николаевым крепко держится в душе. Я с трепетом встречаюсь хоть изредка со сродной сестрой Тонечкой и её братом Евгением Александровичем и его семьёй.

В ссылку

с февраля 1930 г. по август 1932 г.

Пункты следования: заимка (хутор) — д. Круглое — ст. Полетаево — ст. Тюмень — Тобольск — Аремзяны Верхние — Брошиково — пристань — Сотшиково — Большой Атлым — пос. Заречное.

В доме поселилось беспокойство. Это я знаю по рассказам матери. Отец часто уезжал в Петровское — вызывали в Совет. Приезжал угрюмый, неразговорчивый. Мамаша и мать спрашивали — чо там говорят?

— Что говорят... Налог набавили — хлеба надо. Лишнего нет уже. Осталось на еду, на посев... Грозят приехать с обыском...

Видимо в конце января — начале февраля отца и дядю Анатолия снова вызвали в Круглое или Петровское. Наделись вернуться к обеду, но не приехали. Забеспокоились: дядя Анатолий уже сидел в Петровском в каталажке — из-за неспдачи дополнительного налога. Поди, посадили обоих.

А после обеда с круглянской дороги показалось две подводы. Чужие, узнали наши... Остановились у ворот. Зашли в дом. Мать и бабушка Ольга почувствовали недоброе. Не садясь на лавки, объявили, что с хутора нас будут выселять, раскулачивать. А пока приедут мужья, начнут опись имущества. Приезжие (а среди них были и круглянские) разделились — часть пошла в дом дяди Анатолия — дома была тётя Поля с детьми — Августа, Нюра, Ваня...

Началась опись с горницы. Заставили раскрыть сундуки — вынимали сложенную одежду: платья, кофты, пиджаки, брюки выходные, скатерти, полотенца. Мать и бабушка были в растерянности вначале, но потом опомнились и на-

чали кое-что выхватывать — для семьи одежонку, пальтишки, нижнее бельё, носки, чулки. На дне сундука у бабушки Ольги лежали бумажные деньги: николаевские (царские), керенки — очень много, советские — первых лет... Не успели члены комиссии опомниться — бабушка метнулась к сундуку, открыла какое-то покрывало, сгребла бумажки-денежки в охапку и кинулась к камину. Благо он топился. Раскрыла дверку и затолкала охапку в огонь... Деньги такие были уже хламом...

— Не дам, не дам, всё своим трудом было нажито...

Описали тулупы, кошмы, кровати, стулья; оставили часть верхней одежды. Мать плакала, а бабушка Ольга держалась. Кричала на них: «Ироды, на чужое обзарились...». Описанную одежду завернули в скатерти и вынесли на розвальни... Мы с Шурой были тут же, не понимая смысла происходившего.

Во дворе — мать открыла амбары — началась пересыпка пудовкой (цинковая ёмкость — входит пуд зерна приблизительно) зерна: пшеницы, овса... Описали сбрую, висевшую под навесом, а также телеги, ходок. Во дворе — коров, овец, лошадей...

К вечеру приехали отец и дядя Анатолий... Подъезжая к заимке, поняли, что дома «гости» — началось раскулачивание. Без хозяев... Всё это время, пока шла опись имущества и снаряжения, бабушка Ольга складывала в сундук, свёртывала в одеяла одежду, обувь — сапожки и валенки, посуду, еду — мука, крупа, готовый хлеб.

Сказали, что сегодня же вывезут в Круглое, когда приедут мужья.

Как было у дяди Анатолия, я не слышал, но, видимо, то же самое... Не знаю, ночевали ли мы семьёй ещё вместе на заимке, но помню, как привезли нас на двух подводах с барахлом и едой в Круглое и разместили на краю села в землянке, освободившейся от какого-то хозяина-бедняка... Как я помню, размещались на постоянно, раскладывали всё по местам... Ничего не было сказано, что предстоит выселка в дальние края... Мать уже собиралась наводить порядок — подмазать стенки, печь; побелить потолок и стены; от-

скрести стол, лавки и полы... Помню, в окна яркий солнечный свет шёл откуда-то непривычно сверху... Мы с Шурой чаще сидели на печке — на полу было сыро и непривычно прохладно, на дворе стоял февраль.

Через несколько дней сообщили — поданы подводы, собирайтесь: повезут на ст. Полетаево и дальше в ссылку на север... Женщины — в рёв... Из того, что было взято с заимки, и то не всё удалось взять, — дали одну лошадь, на санях-дровнях короб. Вот туда-то и уместились, одевшись по-зимнему, бабушка, мама и мы с Шурой. И вся одежда, обувь, бельё — тут же... Отец, когда собрался обоз, шёл рядом с лошадью... В этом обозе на двух подводах был и дядя Анатолий с женой и детьми. Все эти дни они жили у отца тёти Поли...

До Полетаево обоз пополнялся из других деревень. Кулаки-переселенцы узнавали друг друга, здоровались, грустно шутили... На вокзале было тепло, из высоких окон лился солнечный свет. Посредине зала были сложены пожитки всех, кто готовился к посадке на поезд. Семья дяди Анатолия была тут же. А тёти Поли не было. В дороге мы увидели, что люди едут с хорошей поклажей, значит, можно было по-человечески обойтись с раскулаченными... Она была помоложе, побойчее. Переложили всё на один воз, частью — на наш, и она погнала в Круглое. Начальство было в отъезде. Еле-еле нашли ключи от склада, куда было сложено конфискованное имущество. Добрые люди помогли уговорить отдать часть — ведь едут в дальнюю дорогу. Похватали, похватали — искала своё, но уже, видимо, разобрано было. Тётки говорят — бери, что потеплее. Наложили в сани (часть своё и наше нашли, часть чужое положили), и тётя Пелагея скорее в Полетаево. Так и приехала. Распределили на семьи... Помню, отец ходил в станционный буфет и купил бутерброды с красной, крупной икрой. Как красная смородинка блестели они.

Ночью подали состав товарных вагонов — «телятники». В них — нары на две стороны, а посредине — печка-буржуйка. Началась погрузка — шум, гам, крики, слезы... Многих

приехали родственники провожать... Куда везут — точно не знали. На север... Когда погрузка закончилась, в вагоне растопили печки — стало тепло. Фонарь тускло освещал лица измученных людей — старых и молодых, мужиков и женщин... Дети спали вповалку на нарах... Уже стало известно — повезут на Тюмень... Вагоны охранялись — чтобы никто не скрылся... Для детей мочиться и освободиться было ведро. Женщины как-то тоже устраивались. А мужики ждали до остановок, или на ходу рассеивали, отодвинув двери...

В Тюмени разместили в вокзале и по квартирам — временно... Выдавали хлеб и ещё какие-то продукты для питания. Наконец мобилизованные для извоза до Тобольска подводы были собраны, и нас повезли в Тобольск. Было холодно. Под полозьями скрипело, от лошадей шёл пар — поклажи были тяжёлые. Мужики шли пешком, удерживая возки на раскатах, спусках. Несколько ночей переспали в крупных сёлах на тракте. Там уже знали, что везут раскулаченных. Крепко топили печи, варили еду для постояльцев... В большинстве случаев жители относились участливо, насмотревшись, как целые семьи (чаще 5—6—7 человек) зимой везут под охраной неизвестно куда.

А мне было интересно смотреть с возка. Я просил мать:

— Мама, открой воротник, смотреть хочу... А бабушка Ольга говорила матери:

— Смотри, Липа, не простуди парнишку. В дороге некому лечить...

...Когда стали подъезжать к Тобольску, открылся вид на гору, на собор, на красного кирпича строение у самого обрыва (эта была тобольская знаменитая тюрьма). Обоз медленно втягивался в улицы города. Стало теплее. Мимо церквей, деревянных строений, всё ближе к обрыву горы. Вот уже мимо неё едем. Лошади идут по крутому спуску — дороге на верхнюю часть города, что была видна издали...

Наши семьи разместили в трёхэтажном здании училища. Располагались прямо на полу вдоль стен помещений, спали семьями вповалку на полу. Помню — спускаюсь с матерью на нижний этаж по лестнице с металлической оградой. Мать

крепко держит меня за руку. И вдруг — один пролётик пустой... Мать рассказывает, что здесь разбилась насмерть девочка — выпала со второго этажа на пол каменный...

А многих разместили в церковные здания. Там были построены нары в два и три этажа. Был случай нары обвалились: кого-то придавило насмерть, кого-то искалечило... Спрашивать было не с кого...

Дни становились теплее, на солнцепёке пригревало. Нас стали развозить по деревням. А дядя Анатолий с семьёй остались в Тобольске — у них заболели дети, было подозрение на тиф... Мы оказались в Аремзянах (или Балугеве?) на берегу Иртыша. Встретились с дядей Анатолием и семьёй только весной — были рады все... В этой же деревне были на постое и Пчелины — три брата и сестра с отцом и матерью. Старший — Михаил — был женат на Ефросинье Ивановне, с ними — сын, моя ровня, звали Юрием. Пчелины жили недалеко от нашей заимки, у них был хороший кирпичный дом и хуторское же хозяйство. Дед Пчелин был грамотным кузнецом. Он участвовал в мировой войне на турецком фронте, был ранен — не сгибалась в колене нога... Дружил он с моим отцом.

И в этих местах наступила весна. Взбухла река Иртыш, с горы хорошо было видно серый лёд, а потом ледоход... Всё это я видел впервые. На обрыве за деревней стояла банька, и в неё собирались деревенские подростки, молодые мужчины и играли в карты. А мы бегали по обсохшим полянам...

Однажды бабушка Ольга, мать и хозяйка дома, ещё молодая женщина, пошли в лес, на старую вырубку. И мы с Шурой — с ними. Редкий кедрач, зелёный пахучий; веточки с длинными иглами, совсем не колются... Кое-где ещё и снежок сохранился, но талая вода ещё не сошла, и, настоящая на хвое и листьях, была чиста... Бабушка нарвала веток кедрача и пихты... Изредка попадали кедровые шишки с орешками... За этим собрались в лес, хозяйка посоветовала. Мы были рады этой прогулке — повидали лес ранней весной, пташек...

Хозяин дома, кряжистый сибиряк, несколько лет назад отслужил в армии, а теперь занимался хозяйством. Мать как-то под сараем заметила в мешке калину-ягоду. Она уже начала оттаивать, и красный сок капал на солому под ногами. Что думают делать с ягодами? Узнала, что были приготовлены для охоты зимой, для подкормки... А что осталось — не нужно, решил хозяин. Мать решила настряпать пирогов из калины. А когда стряпала, хозяйка все удивлялась: пироги из калины сроду здесь никто не готовит. Узнают — засмеют... Но вот пироги, пирожки готовы, и все за столом... Пьем чай. Пироги хозяину и хозяйке понравились. Выйдя из-за стола и обращаясь к жене, сказал с усмешкой:

— Эх, вы, тоболяки — картовное брюхо! Добро рядом, а сделать не умеете... Учись, Мария, у добрых людей, пока живут у нас...

Однажды после ледохода, когда рыба на ночь пристаивается к берегу, хозяин пригласил отца порыбачить накидкой. Порыбачили и к полночи пришли с рыбой: щучки, чебаки, пескари... Отец несложный способ порыбачить освоил и однажды пошёл с матерью на рыбалку накидкой. Походили с полчаса по берегу рыба та же, как и раньше... Берег стал более крутой. Отец набросил накидку, тянет к берегу... Фу, какая-то коряга-чурка попала. Только стал приподнимать, чтобы выкинуть, как коряга оказалась рыбиной, огромной щукой! В полутемноте затащили накидку повыше, подальше от берега. Давай вытаскивать и засовывать в мешок. А щука бьётся, упирается, скользкая ведь, не даётся в руки... Еле управились. Обрадовались, и айда домой. Принесли, показывают хозяевам. Те тоже ахают. Живут у реки, но и здесь такая редкость. Утром из неё набрали полную чашку икры. Эх, хороша она просоленная. Икру и рыбину разделили пополам, как полагается... Долго мать и отец вспоминали об этом случае. В Заречном у нас была своя накидка, и мы во второй половине лета были с рыбой - мелочь (щучки, пескари, окуньки, налимчики, чебаки)...

Подошёл конец мая. Всех переселенцев свезли на пристань Бронниково. Семьи со своим имуществом ночевали на берегу, было сравнительно тепло уже. Грузились ночью при све-

те огней через оба бортовых пролёта парохода «Карл Либкнехт». Часть семей разместились в грузовых трюмных отсеках, широких — от борта до борта. Спускались по широкой, железной лестнице. Часть семей в общем, помещении III класса — в носовой части первой палубы, многие — в пролётах, на кормовой палубе для дров... Пароход мы с Шурой, да и мать с бабушкой видели впервые... Впечатление снаружи — чистое, белое, светящееся живое существо... Доброе и могучее... Когда поехали, в дороге уже, отец показал мне через окно машинное отделение. Огромные светящиеся, блестящие рычаги двигали вал гребных колес. Внизу что-то шипело, посвистывало, стучало... Внизу, по железной палубе ходили люди — ловко подливали масло из маслёнок с неестественно длинным носиком... А в целом вся машина как бы тяжело вздыхала: ух-ах...ух-ах.., как что-то таинственное и грозное. В кормовом пролёте — люк с ограждением в кочегарку. Люк всегда открыт. Из него дышит жаром... Кочегары, голые до пояса, «шуруют» топки — подбрасывают в топки двух печей огромные дровяные чурки... длинной кочергой проталкивают их вглубь печи, прочищают колосники от золы... А потом идут в сторону и из больших медных чайников пьют воду...

На пароходе внизу — в грузовом отсеке — под вечер я впервые услышал песню, печальную и простую по содержанию до наивности. Кто-то запевал, и постепенно её подхватывали многие женщины, девчонки... Песня, как тяжёлое раздумье...

Свеча в каюте догорает,
Матросы спят — спокойным сном.
Корабль несётся полным ходом
И раздаётся тихий стон.
Одна из спутниц, всех моложе,
Склонила голову на грудь,
С тоской по родине далёкой
Не может бедная заснуть.
«Зачем ты, мать, меня родила,

Зачем на свет произвела?..
Судьбой несчастной наградила,
Буржуйки имя мне дала.

Теперь буржуев презирают,
Нигде проходу не дают...
И нами тюрьмы наполняют,
В Сибирь на высылку везут...».

Уже к концу пути песню петь запретили, но она среди переселенцев имела широкое распространение. Мне не раз приходилось её слышать и от матери, и в других семьях...

По дороге приставали к местам, где брали для парохода дрова... На ходу молодёжь, да и постарше кто, ходили по верхней палубе — присматривались к незнакомым местам. За Самарово правый берег — высокий, обрывистый. Редкие селения русского типа с крепкими постройками. Население дружно встречало пароход — один из первых в сезоне, идущий «вниз», т. е. по течению реки... Кое-где начали высаживать по 15—20 семей... Так что эту печальную картину я видел несколько раз и с палубы и с берега... И вот пароход делает поворот, протяжный гудок разносится над Обью, широкой и тихой. Это пристань Сотниково, недалеко от Большого Атлыма — хантэйского села, центра Совета. Уже было объявлено, кому здесь оставаться... Пришла и наша и дяди Анатолия очередь...

Как только вышли семьи, детей и женщин, старушек и стариков направили пешком по береговой тропе, по откосу в селение — в двух-трёх километрах от устья реки Атлымки. Пошли и мы с бабушкой Ольгой и Шурой и тётя Поля с детьми. А отцы остались выгружать вещи, а мать — досматривать выгруженное на берегу. К вечеру на лодках должны были всё привезти в Атлым... Перед самым селением тропка отклонилась от реки, и мы вышли в лог, поросший кедрачом и пихтой. Прозван лог был Шайтанским. Перебрались через ручеёк и стали подниматься к селу. Тут, на окраине леса, мы увидели удивительное: на деревьях, на сучьях,

на кольях висели вещи — полуистлевшие платки, шнурки, бубенчики, цветные стекляшки, остатки олсньих шкур... Как-то сразу повеяло страхом — вспомнилась баба-яга и её избушка с разбросанными вокруг по траве останками ее жертв... Позднее мы узнали — это для туземцев «святое место», место приношения жертв духам...

В Батлыме мы жили в небольшой амбарушке у большого дома с хорошим двором. Вскоре отца и дядю Анатолия «угнали», как говорили в то время, с другими мужчинами и парнями в Лорбу — на полуденной стороне (левый берег Оби) — строить бараки для житья семьям. Там, в районе Лорбы — национального селения — должны были начаться лесозаготовки. Мать была беременна, должна была родить в конце сентября... Она, как старый рыбак, ходила на «пугор» — ставила перемёты и ловила хороших окуней в реке. Там и многие ребята рыбачили на удочку. Многие меняли одежду местному населению на хлеб, рыбу, сахар. Продукты выдавали, кажется, по сходной норме в магазине за свои деньги. Мы с другими ребятами начали осваиваться. Среди жителей Атлыма было много и русских... Они хорошо понимали язык коренных жителей. Интересен, необычен был и внешний облик туземцев — волосы на голове увязаны в две косички, туго переплетены шнуром... Одежда имела украшения, отличные от привычных с детства... Мальчишки и девчонки водили нас в лог к спуску на берег. Там на низу откоса в песке, хламе, земле находили бисеринки разного цвета. Занятие это было давним. Говорили, что очень богатая женщина просыпала здесь кулёк с бисером, или у ней с шеи порвалась нитка с украшением, там были бисеринки и более крупные...

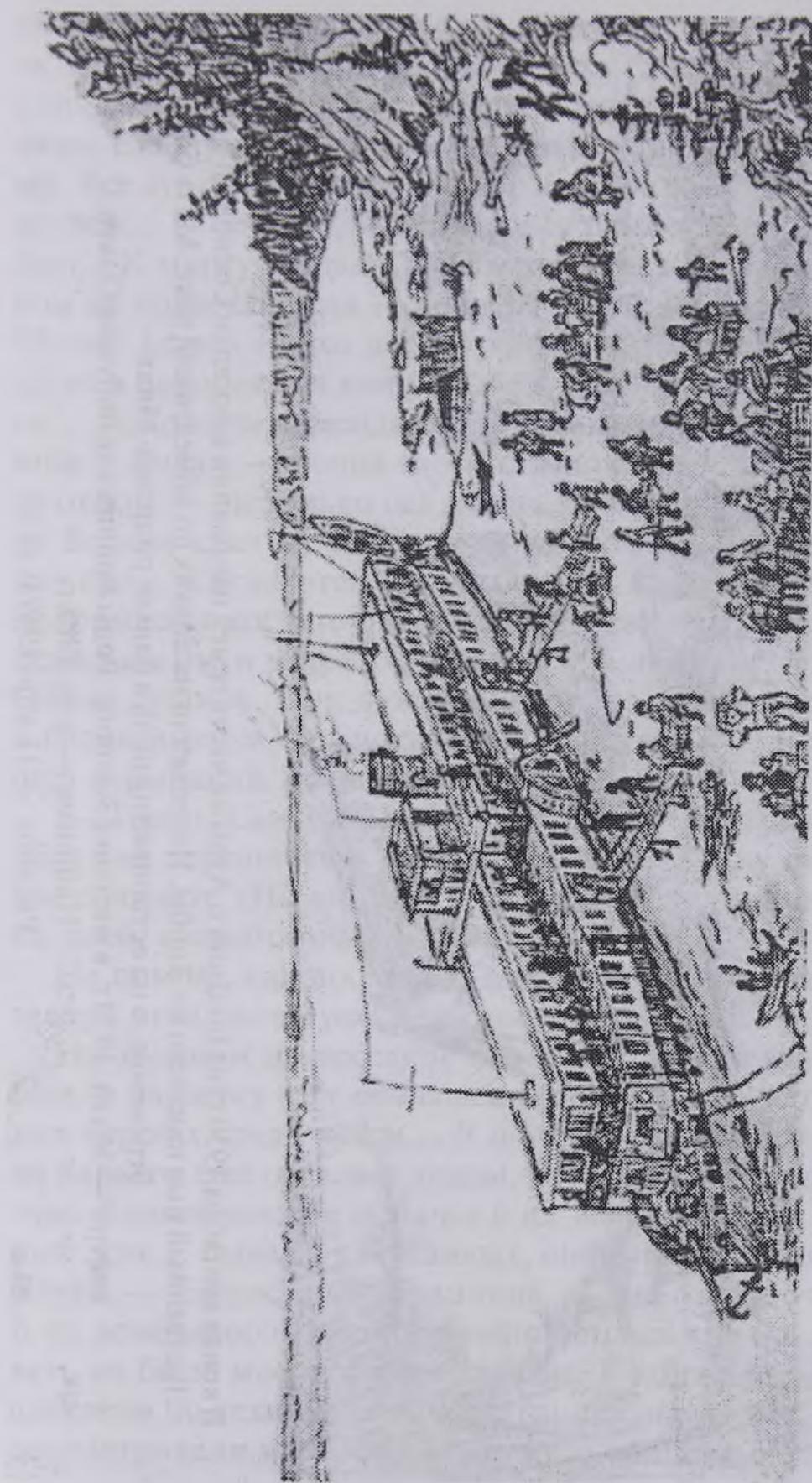
Мы, ребятами, часто бегали на бугор над рекой. Оттуда открывался вид в южную сторону: вдали видна была Обь, идущие пароходы; левее на мысу начали строить посёлок — его называли позднее Подгорное. Низина от Большого Атлыма до мыса была вначале лета заливной, к осени вода спала... В конце августа узнали новое лакомство: чернику, бруснику, а потом и кедровые орешки...

В конце сентября на Лиственном мысу бараки были сделаны: крыши были закрыты корьем и берестой, с небольшим скатом, внутри — битые печи (кирпич было некогда делать). Нас повезли туда — несколько семей — на лодках. Реки-протоки уже обмелели так, что образовались «перекаты», где лодки надо было частично облегчать; люди выходили на берег и шли пешком с детьми, а два-три человека протаскивали лодку через мелкое место. По речке продвигались медленно: перекаты были часто, берега топкие — «няша», река извилиста... Ночевали на участке Ай-пост. Там мать и родила Милю: люди битком ночевали в избушке рыбаков, а ее увели в баньку по-черному, предварительно протопив слегка и вымыв там... Это было 30 сентября 1930 года. На другой день часть семей добралась до места, а нас доставили пешком через день-два... По ночам подмерзало — бывал иней, ледок, но днём было солнечно, тепло...

Нас разместили в бараке, считай, семей шесть-семь. Нар в два этажа не было. Окна — на южную сторону, и днём было светло и тепло. Дома-бараки разместили в один ряд на неширокой песчаной полоске мыса, за ним — на север — шло кочковатое болото; тайга вплотную подходила и к болоту... На улице было две-три глинобитных печи — там пекли хлеб (до заморозков), когда строили посёлок в июне-августе. Мужчин снова «угнали» в тайгу за Лорбу — ставили среди тайги у р. Лорбы бараки для лесозаготовителей и семей в зиму 1930—1931 годов. Место называлось Потомец. Там было к зиме поставлено 7—8 барачков, без крыш, по верху жердяного потолочного перекрытия, по моху, была навалена земля-глина. Посредине барака — глинобитная печь на срубчике (отапливать, варить еду, печь хлеб...). По обе стороны от печи — нары в два этажа, где размещались 6—8 семей...

В середине зимы в эти бараки и привезли семьи Лиственного, Соснового мыса (тоже посёлок); включили в работы и девчат постарше, женщин детных. Ходила на работу и мать — что-то помогала в бараке «общего котла»... Миля была на попечении бабушки Ольги.

Отец возил сено, заготовленное летом в пойме р. Лорбы. Для вывозки леса «на плотбище» — место где лес складыва-

Спецпереселенцы (раскулаченные) выгружаются с парохода «Карл Либкнехт» на пристани Сотниково в конце мая 1930 г. Погрузка сделана на пристани Бронниково севернее г. Тобольска.
Рисунок 7 — 9.04.1989 г.

В конце сентября 1930 г. из Большого Атлыма часть семей направили в поселки Сосновый мыс и Лиственный мыс недалеко от Лорбы. Перезжали на лодках по обмелевшей реке. Мать была беременна, и на остановке на ночь в баньке родилась Миля — сестра — 30 сен. 1930 г. в местечке Ай-пост. Роды принимала бабушка Ольга.

Набросок — апр. 1988 г.

Рисунок — 11 апр. 1989 г.

ли а весной скатывали в реку, самосплавом бревна плыли «к запани», где делали плоты из них... Лошадей держали «на конюшне». На каркас накиданы жерди, а на них ветки — лапы елей, кедра, бока уставлены сплошь молодыми елками. Все это зимой занесло снегом, спасало не от холода, а от ветров... К сену добавляли и овес немного, но он не всегда был... К марту лошади ослабели. Однажды отец с напарником не привезли сена — лошади встали на дороге, не идут... Может конюх плохо досматривал, недодал корма... Привели их в поводьях на конный двор, возы остались на полдороги... Доложили коменданту по фамилии Волков, по отношению к людям — родня своей фамилии. Из конторы сбегали за отцом — он только сел поесть. Пошел быстро... В конторе Волков стал на отца кричать, грозить посадить «в каталажку»... Когда отец сказал, что за ночь лошади не были покормлены достаточно, комендант так разошелся, что подбежал к отцу и ударил его ладонью в лицо... Отец молчал... Обида душила. При людях опозорил... Когда отец пришел в барак и рассказал потихоньку матери — не мог сдержать слез и рыданий... Мать успокаивала его:

— Терпи, Саня... Семья у нас... Что сделаешь — плетью обуха не перешибешь. Вон людей в каталажку садят, с нормы снимают. (Не выдают продукты полностью на несколько дней, своеобразный штраф).

Не помню, как доставили в эту ночь возы с сеном, но на завтра отец снова уехал за сеном с напарником...

Ни в одном из поселков школ еще не было, и мы днями бегали на речку (тут она совсем узкая, 10—15 метров) в крутых берегах среди тайги... В поселке всегда было тихо, среди бараков еще остались кедры, да и тайга подступала вплотную. Только снежок сыпался с их вершин, когда был ветренный день... Бывал я у Пчелиных, они жили при конторе, мать Юрки — Ефросиния Ивановна — работала счетоводом. В их доме много было привезено детских книг, и рассматривать их было мое любимое занятие. В конторе висело много плакатов по технике безопасности лесозаготовок, и мы тоже рассматривали их. Помню листки с надписями, типичными

для тех лет, и выразительными рисунками «Смычка города и деревни», «Союз серпа и молота»...:

Привычки работать на повале леса у женщин не было, и были несчастные случаи. Лес заготовливали почти рядом, и мы иногда убегали туда. Нас дальше не пускали. Было видно, как протаптывают в лесу дорожку к дереву, как подрубают и пилят; как дерево толкают вагой-шестом, упершись в ствол, чтобы наклон усилить при окончании запиливания... Вот дерево клонится медленно, хрустит у основания, ломается недопиленная часть ствола, который, убыстряясь, падает на вершины других деревьев, ломая сучья, ухает в снег... Снежная пыль сыплется еще долго и оседает... Начинается очистка ствола от сучьев, вершины, ветвей. Все это стаскивается в кучу.

Сжечь сучья — особое искусство: ветви не ложатся плотно, сыры, вспыхнет хвоя, прополыхает ярко и потухла... Чуть обожженные ветви торчат в немыслимом переплетении...

Лес вывозят на дровнях с подсанками. С места заготовки на дорогу вывозят по бревну, а на дороге два-три бревна накатывают на дровни и подсанки и везут на плотбище. Была норма выработки — сколько спилить леса и очистить, сколько вывезти из леса к дороге, сколько ездов доставить с лесом на плотбище...

Вечером, когда в барак возвращались отцы и матери, братья и сестры, которые постарше, усталые, вспотевшие, часто в промокшей от снега одежде, отсыревших валенках, в промокших варежках и кожанках, все это надо было снять, просушить к утру. И все это в одном бараке, своем уголке, закутке. Наконец на ночь на веревках и шнурах на гвоздях висела одежда, а в печи и на печи просушивались валенки. И все это в полутьме, при тусклом и робком фитильке-огоньке в двух-трех местах.

В конце марта дороги развезло, лес из делян вывозить стало невозможно, и семьи снова увезли в поселок на Лиственный и Сосновый мыс.

Еще в начале декабря, до отъезда на Потомец, мы чуть не лишились мамы. Пошла она к отцу на Потомец, навести-

ла его, а потом пошла на Лорбу, надо было получить пашк. Все получила, увязала в мешок, положила на саночки и двинулась домой. А погода начала портиться, пошел снег с ветром, было видно, что погода испортится. Отговаривали ее в Лорбе знакомые бабы:

— Куда ты, Липа, к вечеру идешь в такую непогоду? Собьешься с дороги, не дай бог.

Но мать пошла. Одна. Дома осталась Милюшка с бабушкой Ольгой, как она с ней — кормить ее надо. Ветер задул крепче, началась вьюга, дорогу перемело. А идти надо было через сор — голое место. И заблудилась. Нет дороги. Днем, а не найдешь. Таскала саночки с поклажей туда-сюда. Кричать стала, совсем из сил выбилась. «Погибать придется, — рассказывала потом в бараке. — Думаю, сама-то погибну, итак семью без продуктов оставлю — заметет, не найдут ни меня, ни санок. А ветер так и сечет снегом. И тут заметила — коряга, корень, дерево торчит, метра полтора. Подошла к нему, подтянула к корню санки. Уж снегу у коряги нанесло. Привязала верёвку повыше, чтобы видно было. А сама села на санки и плачу... Детей жалко. А Людмилка так мать и не увидит, если вырастет. Как отец управляться с ними станет? Уж помирать, замерзать приготовилась. И вдруг слышу собачий лай. Приближается. По ветру лучше слышно стало. И вот как в тумане — сквозь снежную завесу — вижу: охотник на лыжах идет и на собак покрикивает. Я — кричать, да разве услышит... Подумала: а ведь он домой идет, может по дороге. Решила его догнать, или по следу пойду. С санками не успеть. Если жива буду, может и отыщу корягу с веревкой. И быстрехонько на место, где охотник шел. И вышла на дорогу. Думаю про себя: Только бы сор перейти успеть по следу, а в лесу на дороге не потеряюсь. Без санок, да доползу до людей. И пошла. Силы сразу прибавились. Только бы до темна с сору выйти». И вышла еще засветло к Лиственному мысу... Как зашла в барак — все ахнули, баба Ольга в слезы: «Бог с тобой, Липа, ведь я тебя живой-то не считала... Знала, что ты пойдешь в такую погоду...». Мы все были рады возвращению матери, еще не сознавая,

что с ней было... Отогрелась, накормила Милюшку, а уж потом-то рассказывать начала, как все произошло... Мы с Шурой прижались к ней — так были рады, что у нас есть мать...

За ночь вьюга улеглась. И мать собралась за поклажей с санками. Рассчитывала найти по коряге, не так далеко от дороги... Бабы отговаривали — не найдешь, такая метель была. Проживете, как-нибудь. Мать и говорит:

— А отец как? Он чем питаться будет — там мука и крупа на всю семью на полмесяца... Пойду, бабы... Должна найти...

Потом рассказывала: «Иду смотрю — где же коряга? Место где-то тут, а высокой коряги не видно. Увидела — торчит какая-то, но меньше, но в той же стороне... Подошла и вижу: торчит конец веревки — вот сколько за ночь набило снегу к корневищу... Еле выдергала санки из-под сугроба. Разгребаю снег, а сама думаю: видно бог сжалился над моими детишками, не дал погибнуть с голоду».

На обратной дороге передохнула у рыбаков-ханты, они смотрели ловушки-морды. Они набросали ей щурят-мелочи, так с подарками и вернулась домой. Эти жареные с мукой-болтушкой рыбки на сковороде были в то время самая лакомая еда, какую я помню...

Летом 1931 года заболела бабушка Ольга — опухла сама, ноги... и не поправилась, умерла. На похороны приезжал дядя Анатолий — её младший сын. Отца не было, он был на работе в Батлымской речке. Похоронили её в простеньком гробу на кладбище — на краю леса у кочковатого болота... Переселенцы заняли здесь уже и эту часть неприветливой таёжной земли... Воспоминания о ней всегда жили с нами: строгая и заботливая, умная и умелая, она пронесла свой крест после смерти мужа стойко ради детей и внуков... К сожалению, фотографий с неё (до выселки), кажется, не осталось, разве у Вишняковых — детей дяди Анатолия. А я их помню, они были у нас в ссылке...

Во второй половине лета приехал на лодке (за моторкой на канате-буксире) отец; мы погрузились со своим немудрёным имуществом в лодку; отец, мать и я с Шурой сходили

на могилу к бабушке Ольге — попрощались. И уехали в Батлымку, там организовался лесоучасток ещё прошлой зимой, его перевели туда... Помню: около Поснокорта у запоров местные рыбаки только что притонили невод и выбирали рыбу промысловую, а щучки и мелочь выбрасывали в реку. Мать попросила рыбы у них и набрала щук...

Пока ехали на причале за моторкой, мать рыбу выпорола и подсолила — получился приличный запас еды...

В лесоучастке выгрузились, а до Антарепа шли пешком по зимней дороге; попадались старые гари, там уже вырос сосняк стройный, в лесу было сухо, чисто и светло. Попадались какие-то грибы, но мы их не брали — съедобны ли? А вот в низинных местах, в еловом-берёзовом лесу попадались грибы съедобные, и мы их собирали. Милюшку несли на руках по очереди мать и отец.

На левом, обрывистом берегу Атлымки расположился Антареп — старое поселение казымцев-оленеводов, охотников и рыбаков. Небольшие избушки из нетолстого леса, двускатные, под заросшим земляным покрытием стояли редко — 50—100 м друг от друга по окраине огромной чистой поляны. Эта поляна была окружена молодым соснячком, и это всей местности придавало нарядный вид... Здесь на поляне стояло несколько амбарчиков на подставках — там когда-то хранили припасы (рыба сушёная-вяленая, мясо)... Ближе к реке — два барака: один — общежитие лесозаготовителей прошлого сезона, а во втором была контора и жило начальство... Это здание и теперь было занято: в большей половине ремонтировали к сезону сбрую — хомуты, сёделки, шлеи, узды; выделывали сыромять из конских кож и делали гужи и другую упряжь. Здесь жили Крюковы, Подковыркины и еще какая-то семья... Да, вспомнил — Кузнецовы, Зоя с дочерью Ираидой... Когда мы приехали на Антареп — они уже жили там. Из местного населения никто не жил — все они обитали выше по реке, в Мойме и Пахре...

Мы разместились в одинокой избушке. Нары за чувалом-камином, столик у окна, пол из тёсаных деревьев; низкий двухскатный закопченный потолок. Удивительное дело —

даже зимой было сравнительно тепло: стены заметены снегом выше окошечка; на крыше — слой снега; чувальную трубу на крыше прикрывали после топки, когда оставались одни угли и горячая зола; воздух и стены, потолок прогревались ещё при топке чувала.

Мы, ребяташки и девчонки, вместе играли, ходили по берегу реки, на поворот, где было два островочка («релка»). Заглядывали в амбарушки, там висела рыба вяленая — чебаки... В лесу было полно брусники, грибов — собирали, а родители сушили на зиму. Изредка по вечерам на окраину выходили один-два оленя. Это были домашние олени, они паслись летом...

Наступила зима. Шуре всё чаще пришлось быть с Милушкой, ей уже пошёл второй годик. Она была худенькой — за всё время это почти не пила коровьего молока... Не ходила ещё... У детворы появились новые занятия — охота на куропаток. Ставили в кусты волосяные петельки (из хвостов лошадей волос вырезали), натягивали шнур с петельками между кустами на берегу реки на другой стороне... Куропатки беленькие стаяй опускались на снег. Передвигались в поисках почек на ветках тальника... и попадали в петельку. И мы с Шурой решили попытаться поймать куропаток. И однажды поймали одну... Что-то видно не так было у нас сделано.

Мать иногда ездила к отцу на лесоучасток. Однажды с ней случилась такая история. Знакомая женщина просила передать мужу кожанки с варежками: кожанки она починила, а варежки связала новые. И письмо передала — тут всё написано. Мать всё это передала мужу, когда вечером с работы приехали. Он письмо прочитал и говорит: «Олимпиада Фёдоровна, жена пишет, что 25 рублей послала, а я не получил их от Вас». Мать опешила: «Как же так? Денег она мне не передавала, да и ничего про деньги не говорила...». «Ну, что же, напишу ей, что денег не получил, может, забыла отдать».

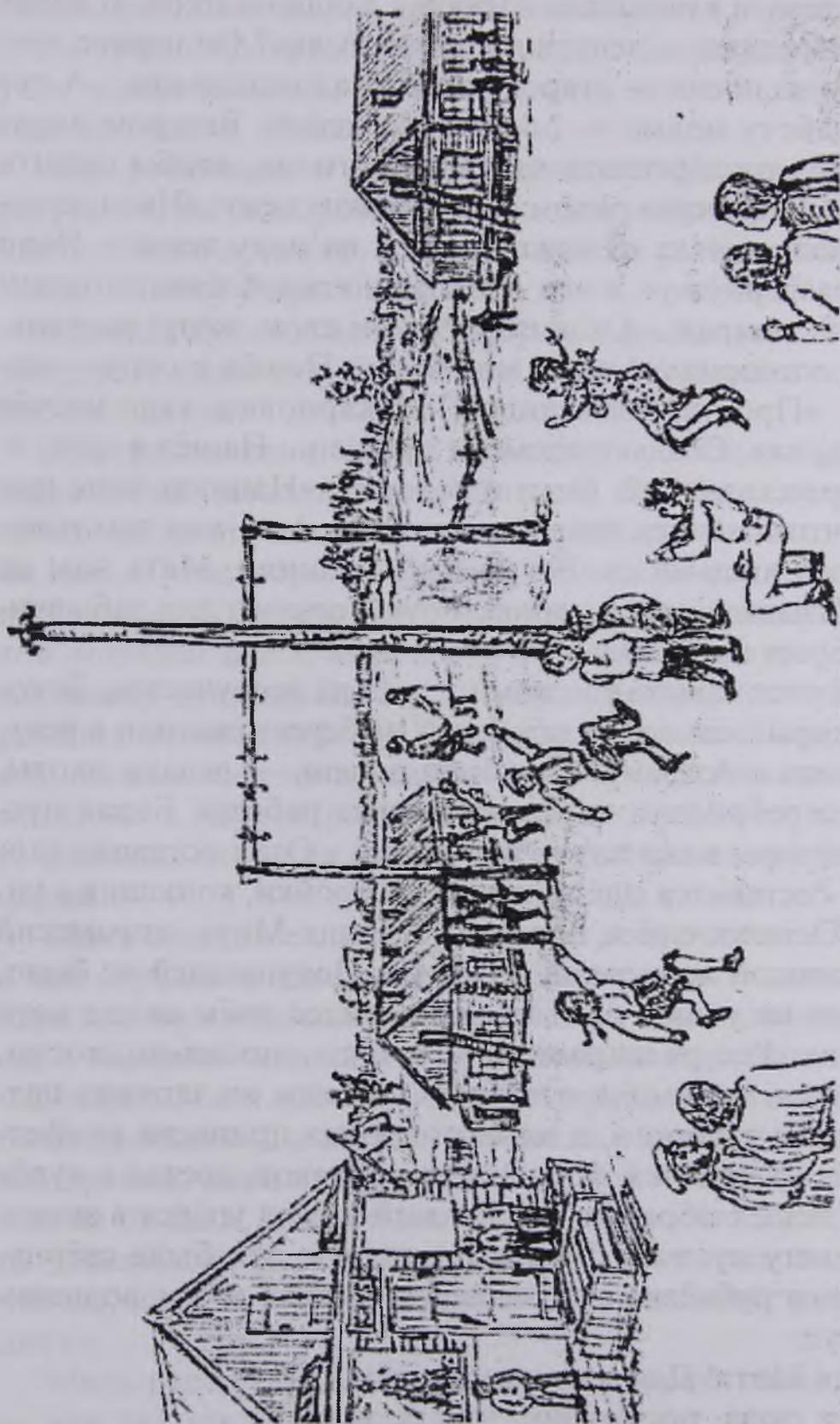
Мать расстроилась, рассказала отцу, тот тоже не в себе — как так могло получиться?

Прошло какое-то время. На матери пятно. Женщина говорит ей: деньги я посылала с тобой... Тошно матери. И вдруг от мужа передали — деньги нашлись. А как? Он первое время голицы не носил — старое донашивал недели две... А тут одел на работу новые — посланные женой. Вечером после работы стал раздёргивать варежки из голиц, чтобы сушить положить. А мужчина рядом был и крикнул ему: «Иван, красная бумажка выпала из кожанки, вон на полу лежит». Иван поднял, развернул — а это двадцатипятирублёвка, посланная женой... сырая... Ох и поругал он свою жену: растяпа, женщину опозорила, а сама виновата... Пошёл к отцу — извиняться: «Прости, Александр Поликарпович, худо насчёт Липы подумал. Столько времени прошло... Нашёл я деньги-то...». И рассказал всё. Отец и говорит: «Напиши жене или передай, что нашлись деньги в кожанке. А то моя там изводится перед людьми...». На том и порешили. Мать нам не раз рассказывала эту историю, поучительную для забывчивых и спорых на выводы...

Весной отец приехал за нами и увёз на лесоучасток. Вскоре река вскрылась, лес из штабелей на берегу скатили в реку, и он поплыл к Атлыму. Там была запань — делали плоты. Рабочих перебросили на лесосплавные работы. Барак пустел, из конторы тоже почти все уехали... Отца оставили сторожить — оставался ещё магазин, постройки, конюшня с упряжью... Остался ещё и продавец — дядя Митя, атлымский ханты, молодой невысокий мужчина. Покупателей не было, и он ходил на уток с ружьём. Я крутился днём около него в магазине. Всё расспрашивал, что-то уносил-подносил, он готовился, видимо, к отчёту... Однажды он заряжал патрон на лавке у порога, а меня попросил принести конфет-подушечек из ларчика. Я пошёл за прилавок, достал в кулёк конфет и пошёл обратно... И тут мой взгляд упёрся в знакомый по цвету кусочек бумаги на полу — это была свёрнутая пополам рублёвка... Я нагнулся, поднял её и с волнением крикнул:

— Дядя Митя! Денежку на полу нашёл!

— Неси сюда, посмотрим, что за денежка...

Поселок Заречный — переселенческий поселок на р. Обь. В праздник 1 мая у клуба (слева). Справа — семилетняя школа. Слева вдали — бараки «сороковики» — 40 метров длиной. Качели и спортивные мероприятия переселенцы накануне праздника в день Пасхи (антирелигиозное мероприятие). Справа вдали на горке кладбище. Май 1937 г. Рис. не окончен.

Я отдал ему денежку-рублёвку и кулёк с конфетами.

— Молодец, Петрушка, что денежку нашёл. Вот давай теперь конфетами побалуемся...

Дома я родителям рассказал, как нашёл рублёвку за прилавком и как отдал дяде Мите. Отец с матерью пересглянулись и похвалили меня... Позднее мать говорила, что Дмитрий, видимо, проверял меня, не воришка ли я. Ведь в магазине с ним крутился целыми днями...

Вскоре магазин и склад опечатали, дядя Митя уехал в Атлым. Мы остались одни на лесоучастке и жили в конторе. В лесу на вырубках уже не было снега, а в логах — до таивал...

По вечерам иногда собирались в пустом холодном бараке — играли в прятки. А иногда забирались в угол и рассказывали сказки. Было страшно, но интересно... Там я услышал и час-тушки от ребят постарше — 10—11 лет... Среди них и эти:

Сидит Сталин на берёзе,
Плетёт лапти коробком,
Чтобы наши активисты
Не ходили босиком.

Дали нам такую программу:
Надо срать по килограмму.
Хлеб дают по триста грамм
Как насерешь килограмм?

Вечером я похвастал матери, что знаю частушки, и пропел. Мать строго посмотрела на меня, присела на нары и сказала мне: «Петя! Никогда и нигде не пой её. Если узнают, что ты её пел — отца посадят. Кто нас кормить будет? Понял? Это нехорошие частушки...». Я кивнул головой и в тревоге прижался к матери...

После рекостава по дороге в Атлым заехали на оленьих упряжках казымцы. Передохнуть оленям, да и что-то обменять можно. Олени были сытые, красивые, с большими рогами, в добротных упряжках. Навязаны красные, синие, зелёные лоскуты, бляхи блестящие... На нартах — постелены олени шкуры, у спинки — поклажа привязана ремнями... Сами казымцы одеты в меховые одежды, «гуси» олени. Одевают их на себя через голову, как огромную до пят рубаху... А на теле лёгкая меховая одежда на материале. Всё это

расшито, украшено меховыми лоскутами, бисером... Особенно красочен наряд женщин. Они носили яркие, цветастые шали... На ногах — оленье меховые мягкие кисты, расшитые до колен узорами из разных оттенков кожи с цветными суконными вставками. Красиво, удобно, легко, прочно... Шили это в основном женщины...

Как приедут — у нас праздник, крутимся тут же. Рассматриваем упряжь, украшения; косы заплетенные у мужчин; смотрим на серьги в ушах, на длинный шест с набалдашником — хорей, которым ездок управляет оленями, притормаживает нарты при спуске с горы; тормозит при остановке... А переселенцы уже начали обмен: кто пуговицы, ленты, зеркала тащит, кто одежду, посуду — чугушки, сковородки, кружки; а мастера-ремонтники предлагают сыромятные ремни для упряжи... А в обмен — рыба, мясо, крупа... Так что с местными жителями установились добрые отношения. Мужики уговорили однажды старшего из казымцев — присадистого, крепкого и уже седоватого мужчину — сходить в баню, помыться, попариться... И раз, и два уговаривали, и баньку по-чёрному показали — не идёт. Однажды приехал и сам попросил истопить. Женщины истопили. С мужчинами вымылся, выпарился, вылежался у них дома... И остался доволен... И зачастил в баню. А рассчитывался за это щедро.

Однажды и мать упросила тех женщин уступить ей топку бани. Тоже вымылся, выпарился, отдохнул в мастерской — и к себе, тоже хорошо рассчитался мясом, крупой...

А мастера договорились с казымцами готовить им сыромятную кожу из оленьих шкур, а потом резали на ремни, продавливали на ремнях продольные бороздки — красиво получалось. И шнуров разных нарежут... А те им — муки (за работу и на закваску для выделки кожи) крупы, мяса... Обе стороны были довольны...

А вскоре и отец и мать заболели — кровоточили десна, расшатывались зубы, начали отекают ноги... С трудом ходили по конторе, больше лежали или сидели на топчанах. Еда у нас была, но это была цинга, не знакомая для переселен-

цев болезнь до высылки... Уже умерло от неё немало в зиму и весной на Потомце, на Лиственном мысу...

Как лечиться — не знали... А ведь рядом хвойный лес; брусничник, брусника, не опавшая после зимы. Наконец, веточки лозняка, почки вербы — всё так или иначе могло помочь... Мы с Шурой почти каждый день ходили на вырубку и там собирали бруснику, не опавшую ещё и не лопнувшую ещё. Сами наедались на месте, приносили стакан и кружку брусники помятой, с соком для родителей и Мили... Может, это задерживало болезнь, но было тяжело им. Мы ещё не понимали всей угрозы.

Однажды на участок заезжали рабочие за какими-то снастями, и родители упросили передать — оба больны цингой, дети одни с ними, ходить некому... Вскоре за нами приехали на неводнике. Всё погрузили, перенесли отца, мать и Милю в лодку, усадили и хорошо укрыли ноги сверху — путь предстоял не ближний. По дороге останавливались, обедали — грели чай, варили рыбу... Погода стала портиться — накрапывал дождичек. Миновали Атлым, и к вечеру подъехали к Подгорному. Вода стояла большая. В ближайшем в сторону Атлыма доме-бараке мы переночевали. Женщины-переселенцы поили родителей настоем травы, шиповника сушёного. Здесь уже знали, что помогает при цинге... А утром повезли дальше — в Заречное. Помню, проехали мимо посёлка Половинка (на полпути от Подгорного до Заречного). Нас высадили на том посёлке — подъехали к берегу с сора — в последний дом во втором ряду от реки... там жил дядя Анатолий с семьёй, туда же поместили и нас. А мать с отцом, кажется, увезли в больницу в Заречное же. Так мы снова встретились с тётёй Полей, дядей Анатолием и их детьми — Августой, Нюрой и Иваном... Так мы стали жить в Заречном. И прожили там до середины сентября 1949 года.

Там мы с Шурой в 1932 году пошли в школу в первый класс; там закончили семилетку в 1939 году. Из Заречного уехали в том же году учиться: Шура — в Тобольский медтехникум, а я в Остяко-Вогульское педучилище (на русском отделении). В Заречном выросла и сестра Людмила, окончи-

ла семилетку, но учиться не пришлось — опоздала на вступительные экзамены, пришлось работать в промартели.

После войны — в начале июня 1946 года — я вернулся с войны, демобилизовался по специальности «учитель» и проработал в Зареченском детском доме № 77 воспитателем (до XII/1946 г.), завучем (до IX/1949 г.). В Заречном мы похоронили отца в начале января 1948 года... А за месяц-полтора он успел насмотреться на внуку — Надюшку. В Заречном — в ноябре 1946 года — я познакомился с соседкой Ефимовой Анной Александровной (Нюсей), и мы составили семью... Отец-мать были рады — единственный сын вернулся живой с войны, женился, есть внука; зарабатывает на семью — работает по специальности...

О жизни в Заречном в период 1932—1939 годов думаю писать отдельно: о школе, учителях, жителях и моих товарищах и друзьях; об хозяйственных делах сельхозартели, а потом — промартели «Стахановец», об общественной жизни, особенностях проживания спецпереселенцев.

16 апреля 1989 года.

Как мы ездили кротов ловить

Было это весной после окончания четвертого класса. Ледоход уже закончился, полая вода заливала на луговой стороне сора и гривы. Было самое время ловить кротов. Школа должна была сдать какое-то количество кротовых шкурок. Право, мне не приходилось их ловить самому, но кротов я видел по берегам.

Евгений Филиппович объявил нам о поездке, и мы с радостью начали собираться. Нам предстояло на луговой стороне Оби провести ночь, и каждый прихватил с собой еды, какую-то одежду (по ночам было холодно, в логах на горной стороне еще лежал снег, но дни стояли теплые — был конец мая). Когда часам к двенадцати собрались к лодке-неводнику на четыре гребни, — нас оказалось человек двенадцать. Из старших был наш учитель Евгений Филиппович и еще кто-то. Оба были с ружьями, патронташи ладно опоясывали их фуфайки, на ногах — высокие бродни. Из ребят были Колька Устинов, Гоша Щербаков, Юрка Пчелин, еще кто-то. Из девчонок — сестра Шура, Райка Подковыркина, Нина Благодарева...

На реке было тихо. Половодье было в разгаре — несло бревна, щепу, разные ветки — все, что вода подняла своей силой с берегов.

На корме — Евгений Филиппович. Сначала поднялись до Матлыма вдоль низины, по которой тянулась телеграфная линия. На гребях сменялись по очереди. Все были довольны предстоящей прогулкой, и, кажется, мы меньше всего думали об охоте на кротов. Миновали село и поднялись к избушке бакенщика. Отсюда начиналась перевалка Оби. Мальчишки сели на гребни, и мы пошли на перевалку. Гребли с усерди-

ем: река здесь широка, и чтобы попасть в протоку, идущую на Поснокорт, надо было нажимать на гребни.

На середине реки открывался вид: за изгибом удаляющийся правый берег от Матлыма до Белой горы ниже Заречного; еще дальше виднелся лесистый мыс, за которым лежал пос. Подгорный — километрах в двенадцати; водная гладь реки в сторону севера сливалась на горизонте...

Левый берег приближался; протока своим течением уже втягивала нас и увлекала — грести стало легче. Мы перевалили Обь. С носов и лбов мы стряхнули капельки пота. Девчонки ободряюще смотрели на нас. Мы были довольны — сделано нелегкое дело... Сменились на веслах. Дальше плыли уже по течению, а через час были уже на Пономаревских островах — место покосов зареченской артели «Северный огородник». Вдали на гриве показалось прошлогоднее становище покосников — стожок сена, кучка сучьев у огнища, покосившиеся вешала для сетей...

С шутками-прибаутками выгрузились на берег. По усохшей и примятой прошлогодней траве затащили лодку повыше. В нос лодки сложили весло и гребни, а к вбитому колу лодку привязали веревкой. То, что с воды казалось стожком сена — оказалось стоговидным шалашом. Внутри его — толстый слой сухого слежавшегося сена, здесь спали покосники. Мы рассчитали — вповалку мы разместимся здесь почти все. В изголовье по периметру девчонки быстро уложили свои вещи; учителя положили свои походные сумки — в них запасы охотничьи: пища и запасные заряженные патроны.

Мы с Колькой Устиновым выбрали себе маленький шалашик — поодаль под кустом, влезли в него и растянулись от удовольствия — у нас свое жилище, мы независимы...

Позвали к огнищу. Евгений Филиппович распределил нас: трое остаются на месте — разводят костер, кипятят чай... Остальные идут вдоль берега протоки в обе стороны от стана и... бьют кротов, если мы их увидим и выгоним из норок.

— А мы пойдем на сор (вдали была видна низина, заливаемая вешней водой), посмотрим уток. Может скрадок сделаем для охоты. Часа через два вернемся. — И пошли, удаляясь, парой.

Стояла удивительная тишина. Солнце уже клонилось к закату, горизонт был затянут легкой дымкой, где-то горела трава на гривах, шли палы, воздух чуть отдавал горечью и дымом, на реке ни всплеска, ни уток... Было тепло. Колька решил, что так бывает перед грозой... Но я сомневался в его предположениях, ничто не говорило об ее приближении.

Одевшись полегче и вооружившись палкой, мы вместе со всеми шли по берегу, ковыряли норки (их было хорошо заметно — земля лежала рядом куском), кричали неистово, но кротов не было почти. Уже отошли от становища метров триста и вдруг услышали крики с той стороны. Видим — горит балаган, а вокруг бегают в растерянности девчонки...

Бегом, бегом к ним!!!

Когда прибежали, балаган уже пылал со всех сторон, но повара все же успели-таки выбросить часть вещей, что лежали на виду, вытащили мешок с патронами...

Все бросились разыскивать свои вещи, но многого не доставало... Плач, восклицания... Навзрыд плакала Райка Подковыркина — у ней сторела старенькая шуба с лисьим воротником — смех и слезы...

Вдруг со стороны сора донесся звук выстрела из ружья. Вдали стояли и смотрели в нашу сторону учителя. Мы стали кричать... Огонь уже притих — догорали рухнувшие палки остова балагана. Взрослые, вероятно посчитав, что делу не поможешь, — махнули рукой, повернулись и пошли дальше. Мы остались одни.

Вечерело. Солнце скрылось в долине. Что будем делать? Все кричали, предлагали свое, стоял гвалт, потом как-то разом притихли. Еды почти не осталось; одежда теплая, верхняя сохранилась не у всех. Где проведем ночь? Сами решили: надо начинать делать балаган на всех. К счастью, недалеко виднелось остожье. Принялись таскать, делали остов из палок, но сноровки соорудить надежнее не было. Вместо того, чтобы делать балаган двухскатным — сооружали типа навеса, крытого сверху и с боков. Торопились, и в общей работе беда как бы отступала в сторону. Уже закрыли пло-

скую крышу внаброс. Закладывали сеном бока... И вдруг мы услышали отдаленное гроыхание — это приближалась гроза. Но мы еще не представляли, что это может для нас значить.

Через час вернулись учителя без уток, к всеобщему сожалению. Наперебой рассказывали им о происшедшем. Они осмотрели наше сооружение и похвалили за сообразительность и общую работу. Делать нечего — надо готовиться к ночевке основательно. Собрали все, что осталось съестного. Мы с Колькой из своего балагана принесли сухари, хлеб и пятнадцать вяленых чебаков! Ура! — на зубах что-то будет. Все были обрадованы этому взносу в общий котел, а Колька ходил королем — выручил!

Торопливо таскали еще сена от остожья, разобрали и наш балаганчик на общее дело; учителя укрепили стойки балагана — вес все увеличивался. Ветра не было; становилось все пасмурнее и свежее — погроыхивало все чаще. Наскоро поужинав, чем пришлось, стали занимать места в балагане: в нем было уже тепловато; сумрак на воле стал плотнее. Улеглись и учителя — в ночь ехать в грозу нельзя, решили утром пораньше отправиться.

А между тем гроза приближалась. Налетел вихрь, зашевелились опоры балагана, часть сена с шумом сорвало, кое-где проглядывало серое ночное небо. Мы притихли. И вдруг после вспышки молнии и удара грома по крыше дружно ударили крупные капли — полил дождь и вскоре закапало... А дождь все лил и лил и через полчаса так же внезапно закончился. Евгений Филиппович и его товарищ встали, осмотрели балаган снаружи: на ночь оставаться в таком было нельзя, надо набросать на верх еще сена. Выбираться наружу не хотелось, но надо было. Почти все по разу, по два сходили к остожью. Сено было мокрым. Собрали и то, что свалило ветром. Все это учителя набросили на верх балагана, а часть на бока, где осело. И снова на свои места, на лежанки, вплотную друг к другу.

Ночь прошла беспокойно, почти без сна. Дождя больше не было. К утру (весной светает рано) стало видно изнутри наше бедное жилище: оно еле держалось на ветках-перекла-

динах, готовое рухнуть под тяжестью мокрого снега. Учителя поднялись, развели огнище, вскипятили воду, и мы нехотя, поодиночке стали выбираться, чтобы обогреться и обсушиться. Снова слышались шутки и смех. Вспоминали, как отважно действовали повара, вытаскивая из горящего шалаша пожитки; как всех выручили пятнадцать чебачков... Девчонки шептались: что дома скажут о сгоревших вещах...

Солнце уже взошло. Начало обогрывать. Пора было собираться домой — без кротов, без дичи, даже налегке: утром пожевать почти ничего не осталось...

Да, наш обратный путь был менее весел.

Когда подплыли к берегу у Заречного, перевалив Обь, Евгений Филиппович сказал нам: «Дома расскажите все, как было, без утайки. Родители обрадуются, что вы живы-здоровы и ругать вас не будут...».

Долго еще мы вспоминали об этой поездке. Магическим ключом, который создавал настроение, были слова: «А помните, как ездили кротов ловить?».

29 марта 1987 г.

Как я узнал про начало войны

В 1941 году весной я заканчивал второй курс педучилища. Дело шло подходяще — испытания сдавал сходно. С марта жил в общежитии педучилища около городского базара, привыкал к новым порядкам и беспорядкам. На Перековке у дяди Анатолия бывал редко, письма писал еще реже, наверное. В свободное время бегал в окружную библиотеку, просматривал журналы, читал — просматривал книги по военной технике. Например, книга «Артиллерия» была на 200—300 страниц, с многочисленными иллюстрациями, схемами, таблицами; начало книги — с истории артиллерийского оружия; к концу книги была дана разнообразная цифровая и иллюстративная информация об артиллерийском оружии буржуазных государств Европы, Америки... Военной тематикой увлекались многие — время было такое.

Снабжали нас по норме. В городе продукты выдавали по спискам на число едоков в семье. После уроков и мы получали свою норму хлеба — 500 г. В школьном буфете на большой перемене можно было купить грамм 100—150 хлеба с повидлом. Или пряники, конфеты.

По международной обстановке на первом этаже линейки проводили. Чаще сообщения делал наш классный руководитель Аверин Юрий Михайлович, подвижный, худощавый, светловолосый. Говорил громко, резковато, четко. Война шла на севере и юго-востоке Европы.

Помню последнее сообщение в середине июня незадолго до отъезда домой. Оно было обнадеживающим: зарубежные агентства сообщают о передвижении наших войск к западным границам для сосредоточения их. А наше сообщение —

это не соответствует действительности, так как Германия соблюдает Пакт о ненападении, условия его договора...

Закончились последние испытания. На классном собрании получил оценки за 2-й курс педучилища. Я был готов ехать домой. Стояли погожие дни. В Самарово около пристани между прикованных лодок плескались в воде пацаны. В городском парке около пруда недалеко от Перековки по вечерам играл духовой оркестр. Натужные трубные звуки разносились окрест. Мимо педучилища двигались парами молодые — ребята, девушки, помахивая веточками для отпугивания комаров. Но нас это не волновало. Домой, домой, домой...

В пятницу — 20 июня я был дома, в Заречном. Отец, мать и Шура с Милей — здоровы. Впереди целое лето. Знакомые ребята, девушки, которые учились в Тобольске, еще не приехали, ждали их на днях. В субботу вечером на лодке увез на ферму артельную против Половинки сестру — она там пасла овец. Луговая сторона встретила зеленым ковром трав, комарами, гладью залитых водой соров, ручьев и проток. Когда выспался, сестры — уже не было — ушла со стадом овец на луг. В бараке, блестя боками стояли вверх дном с откинутыми крышками бидоны из-под молока; сушились марлевые тряпки; большой общий стол на крестовинах сиял чистотой скобленных досок.

Я спросил у женщины, как найти сестру и отправился, не торопясь, вслед на выпас, т. к. делать мне было нечего. День выдался тихий, ясный и жаркий. Пробитые годами в траве тропки в низинах были уже затоплены водой. Вода прибывала. Посидев пяток минут на тропе у кромки наступающей воды, можно было заметить ее движение. Тончайший ее слой краем накатывается на пыль, песок; сверкают шарики воды; слой воды растет, медленно наступая. В местах, где пролегли тропы, неровные от корневищ травы, темных шариков овечьего навоза, вода наступала то узкими рукавами, то замывала низины широко, оставляя островки неровностей... А ведь так было по всей Обской пойме. Я подумал: «Пожалуй, к вечеру на обратном пути придется снимать ботинки...». Так оно и было.

Доярки на ферме беспокоились: если вода будет и дальше так прибывать — луга скроются под водой. Скот весь, а не только овец и телят, придется перевозить на горную сторону. А это большая морока — и перевозка, и нарушенный порядок. Но главное — чем кормить стадо? В тайге не прокормишься, а в приречье травы на такое стадо нет. Там уже пасут своих коров жители Заречного.

Так прошло воскресенье — двадцать второе июня. А утром двадцать третьего часов в десять я один поехал на лодочке домой. К полудню добрался до Заречного. Дома никого не было. Вскоре на обед пришел отец, молчаливый и задумчивый. Спросил, когда я приехал.

— Только что домой пришел, — ответил я. Он посмотрел на меня внимательно.

— Так ты ничего еще не знаешь... — Голос его дрогнул. — Война, сынок. Германец напал на нас... Вчера после обеда сообщили — приезжал кто-то из совета. — Я был в растерянности.

— А как же договор? — сказал я.

— Что договор... Второй день уж война идет. Сказали, бомбили наши города, а какие — не знаю...

— Ну, наши им покажут, — не унимался я. Отец долго молчал. Усевшись за стол обедать, сказал задумчиво:

— Не знаю, не знаю... Германец крепко воюет... Да и давно готовился видно...

В тревожном ожидании ждали газет до конца июня. Районные и окружные приходили на второй-третий день. Центральные в колхозную контору поступали (из Омска) на седьмой-восьмой с пароходами через Матлымское почтовое отделение. С почты приносили в контору пачками, как они накапливались от okazji до okazji. Из всего написанного запали слова: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами». Это из обращения Молотова В.М. к народу 22/VI — по радио. Оно было напечатано в местных газетах и мы их получили раньше.

В колхозной конторе стоял маленький батарейный радиоприемник «Колхозник» с одной лампой. Он чаще молчал —

экономили электроэнергию. А мы, ребята-подростки, так ждали первых вестей о сокрушительных ударах по фашистам наших пограничников и Красной Армии, но таких сообщений в газетах не было.

Внешне в поселке мало что напоминало о войне — призывников не было, переселенцев не призывали. К концу месяца приехали студенты из Тобольска, стало по вечерам шумно и многолюдно. Разлив воды продолжался, и с ферм на луговой стороне начали перевозку скотины — овец, молодняка, коров дойных. Скотина бродила по молодняку березняка-осинника, по прибрежному ивняку, объедая листья, ветки. В лесу раздавалось мычание — питание было скудным. Родители молодежи, вероятно, догадывались о тяжелых последствиях для общественного скота, но надеялись, что вода еще спадет и дело можно будет поправить... На правлении артели было решено начать заготовку веточного корма не позднее середины июля, как окрепнет лист. Рассчитывали на помощь учащихся школы, студентов — ведь наши родители были колхозниками.

Случайно в первой половине дня в июле я был в колхозной конторе. Склонившись над бумагами, сидел бухгалтер артели Дерябин Михаил Дмитриевич, отец Валерки. Радиоприемник был выключен. И тут начали передавать речь товарища Сталина. Радиоприемник передавал слабо, но достаточно, чтобы слышать на небольшом расстоянии. Был слышен его глуховатый, взволнованный голос и речь с сильным акцентом. Никогда раньше мне голос Сталина слышать не приходилось — ни по радио, ни в кино. «Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота! К вам обращаюсь я, друзья мои!» — такими необыкновенными обращениями начал он свое выступление... Через минуту были перечислены наши потери, захваченные врагом территории и города... Речь Сталина я до конца не дослушал — убежал сообщить новость ребятам. Была ли это прямая речь по радио или повторение ее в последующие дни — не знаю. И в газете выступление не читал, когда она пришла. А в сознании все еще теплилась надежда — скоро наши ударят по захватчикам... Чувства не могли подсказать вывод — война будет долгой...

Вскоре радиоприемник из конторы сдали по распоряжению коменданта в комендатуру. Теперь вести получали только из газет районных. Работал на заготовке веников — ветошный корм, мы зачастую обменивались новостями с фронта. Все они были малоутешительными. Чувство тревоги не проходило.

Пос. Заречное. «Тот поселок». Барак, в котором жили 8 многодетных семей — до 40—45 человек. На рисунке условно не нарисована правая часть — нары нижние и верхние, — чтобы открыть вид на переднюю часть барака.

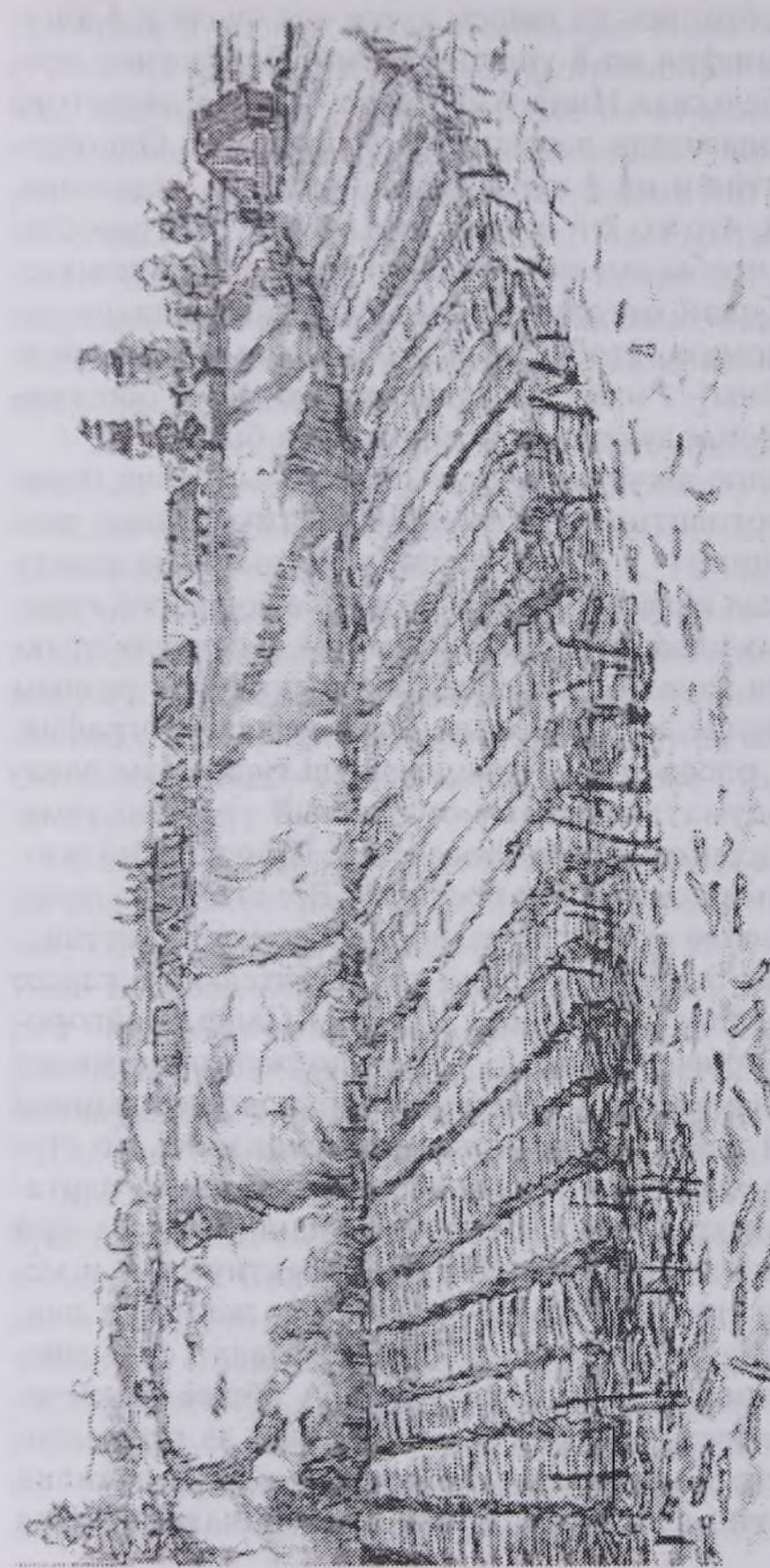
Рисунок с наброска 7 апр. 1989 г.

На третьем курсе педучилища

с 10 августа 1941 г. по 20/VI—1942 г.

В конце июля 1941 года в Заречное на мое имя и Сергея Барышникова пришли из педучилища телеграммы: явиться к первому августа на учебу на 3 месяца для срочного окончания училища. Это было так неожиданно! Стали собираться к пароходу. А они были перегружены — попасть в Матлым будет трудно. Узнали, что пароход будет брать дрова в Заречном, стоит полтора-два часа. Как-нибудь сядем. И вот пароход пристает. Идет погрузка дров. А от команды матросов пришли на пекарню — просят отпустить хлеба... Мать была там — хлеб уже расходовался строго. Как они решили — не знаю. Только нас — меня и Сережку — пообещали посадить с чемоданами с лодки. Мы наскоро попрощались дома — и в лодку. Заезжали с речной стороны — а нас не пускают. С Матлыма многие на лодках приехали — тоже рассчитывали тайком пробраться на пароход. Наконец подошли к борту матросы, которые брали хлеб и взяли нас на борт. А лодку ребята угнали к месту... Мы на берег не сходили — боялись отстать. С палубы видели наших, кто был на берегу — Сергея и моя мать. Миля...

По дороге гадали, чему мы научимся за 3 месяца, ведь еще нет никакой практики, кроме пассивного посещения уроков учителей, за которыми нас закрепляли на 2-м курсе весной... Да и не по всем предметам методики изучали... На начало августа река Обь была так полноводна, что луговой берег еще не обозначился — как будут заготовливать корм скоту в колхозах? Когда? Ведь в конце сентября уже бывают заморозки; да и травы в гривах почти нет.

Заречное, середина 30-х годов.

На берегу — дрова парходов. Однажды при большом разливе Оби в бурю раскачало изгородь, сорвало водой и разбило волнами подтопленные концы поленниц. Дрова поплыли...

Рисунок 1 апр. — 22 нояб. — 89 г.

В училище собрались на нашем курсе все число к 4 августа. Начались занятия по 8 уроков в день. Педагогику продолжала вести Бельская Нина Андреевна — жена директора училища. Преподаватели в основном были те же. Одновременно шли занятия и на 4 курсе национального отделения. Нам разъяснили, что ко 2-й четверти мы будем уже разосланы по школам, чтобы сменить мужчин-учителей, призываемых в армию. Гнали методики предметов, заканчивали педагогику... Не помню, чтобы проводили какие-то информации по ходу войны — известия шли тревожные. В общежитии и училище репродукторов, помнится, не было...

Во 2-й половине августа начался спад воды, и она покатилась. Стали готовиться к активной практике. Класс разбили на две группы — в одной группе должны были давать уроки в начальных классах средней школы, а во второй группе — в начальных классах на Перековке. Руководители практики с учителями начали подбирать темы уроков по разным предметам — чтение, русский язык, арифметика, география, естествознание, рисование, пение, физкультура. Нам давали задания продумать каждому отдельный урок по теме, составить план-черновик и его проведение. Приучали пользоваться методиками по данному предмету. Все это было ново, необычно, требовало самостоятельности и немало времени... Первыми должны были дать уроки самостоятельно в классе кто учился увереннее — Осипова, Панина Саша, Кайгородова Манефа, Стрижев Леонид... Урок должен практикант проводить в присутствии учительницы, руководительницы предмета и всей полугруппы — все рассаживались по стульям у задней стены класса и на свободных местах за партами... Записывали ход урока, отмечали удачные места при проведении урока и промашки, ошибки (фактические и методические) практиканта. После урока здесь же или в педучилище проходил разбор урока — высказывали свое мнение товарищи, иногда возникали споры. А общее заключение делала методист, она же ставила оценку за проведенный урок. Отмечала в журнале тех учащихся, кто активно принимал участие в разборе урока. Так началась наша

практика в первых числах сентября. Приезжали на занятия студен-ты второго курса; сформировались и первые курсы. Мы занимались в угловом классе на втором этаже. Я сидел с Василием Малышкиным на последней парте у окна в сторону электростанции... Жил в общежитии у базара на ул. Комсомольской на втором этаже. Нас, третьекурсников, там было человек двенадцать. Еще в конце августа по вечерам сверкали зарницы, и я видел их так ясно, кажется, впервые... Было в этом что-то тревожное и таинственное, как грозное предупреждение.

Уже в середине сентября однажды прямо с занятия нас, человек пять ребят, позвали к директору. Он сообщил, что для заготовки сена для лошадей педучилища надо ехать на покос километров за пятнадцать. Посылают нас, догоним потом по учебе. Согласны ли, дело добровольное. Мы все согласились. Нам выдали на складе новые ботинки, полушубки красные, шапки и брюки поношенные... На всех нас завхоз получил продукты: хлеб, крупа, сахар, соль, чай... Он рассчитывал, что на месте в протоке будем ловить рыбу на еду...

Я сходил домой к дяде Анатолию и сообщил, что едем на покос. В тот же день на лодке поехали на место с завхозом Никуровым. Из нас были — Сергей Барышников и я, Иван Бакулин, Леонид Стрижев, Малышкин Василий. Вода с соров скатилась в протоки, да и они уже мелели... Плоская равнина поймы едва зеленела — чуть отросли листья пырея, вытянувшегося на метр, два, три по бывшему течению воды, когда она сбывала. Трава была в иле, лежала на земле.

Мы устроили на берегу протоки балаган: на землю набросали сухих мелких веток — земля была сырой. Спали вповалку на полушубках, закрываясь байковыми одеялами и полушубками. Еду готовил завхоз в ведре, и мы ели досыта... Косили так: косой подсекали основание травы, ударив, махнув два раза косой, а затем траву вытягивали и складывали в кучки... Чем дальше от берега по склону гривы, тем меньше на траве зеленых листочков. И только в самом конце — лист к листу... Дело продвигалось медленно.

но Никуров радовался — как-никак прокормит лошадей зимой. А без лошадей — хана! На чем возить воду, дрова в училище, интернаты, на квартиры учителей... По мере нашей работы травка еще подрастала, дожди изредка смывали со стеблей ил. Метали в стожки с палкой сучковатой, чтобы не «загорело», ведь траву сушить было некогда... Перебрасывали понемногу соли, ее привезли туда же. Завхоз был доволен. Подходил срок возвращения. Никуров поехал в город узнать, нельзя ли еще на недельку нас задержать — подходил конец сентября. Когда поехал, мы наказывали узнать: как на фронте?

Вернулся он на второй день с кучей новостей. Студентов 2-го и 3—4-го выпускных на занятиях нет — всех увезли в Сургутский район на сенозаготовки и копку картофеля. Мы еще поработали с неделю — пешком домой не пройти — в протоках-ручьях еще вода; а на лодке не выбраться, мелко... И самая тяжелая весть — сдали наши Киев... Это известие затмило все наши вопросы.

По утрам стало уже холодно — подмерзло. Чаше бывал дождь, иногда сыпала крупка снежная, но ненадолго — земля была еще теплая... За неделю поставили еще несколько стожков. Осмотрели и подправили те, что заготовили ранее — трава не грелась. Наконец — завтра выходим пешком домой... Путь предстоял трудный — вброд пройти через несколько проточек, ручьев, да и дорога немалая. Мешки Никуров задумал одни увезти на лодке: на мелких местах будет толкать лодку вброд — у него были добрые бродни. За время работы наши хромовые сапоги основательно поистрепались, а низ штанов превратился в лохмотья.

Утром помогли завхозу уложить в лодку самое необходимое (косы и другой инструмент он запрятал до заморозков), хорошо позавтракали, взяли с собой по куску хлеба — и пошли... Не торопились: нам не хотелось в таком виде идти засветло по улицам города. Но мы не рассчитали свои силы — и на поддороги уже сильно устали. Уже показались огни вечернего города. Но теперь совсем рядом — еще часок... Ноги поотбивали, но шли в настроении — сделали доброе

дело. Вот перешли по дамбе к танцевальной площадке, поднимаемся к педучилищу, свету там уже нет — все ушли. Ярко светят огни электростанции. Сворачиваем направо, на Комсомольскую, и идем по тротуару к общежитию. Вот средняя школа, совпартшкола, пожарное депо; перекресток улиц — и, наконец, общежитие... Огней уже нет... Стучим, поднимаемся к себе в комнату и падаем на тюфяки кроватей... Спать... Ноги гудят... Голод не чувствуется... Переговариваемся тихо — нет сил на это...

Утром долго спим, отдыхаем — вставать неохота. Помню — решил пойти попить, бойко вскочил и упал между кроватей — ноги не держали — подошвы ног отбил... Так и у других было... Нам разрешили днем отдохнуть, а потом выходить на работу в Самаровский рыбоконсервный комбинат. Там дадут работу... Там, в столовой, в обед можно недорого покормиться...

До приезда из Сургутского района студентов мы успели еще недельку поработать на рыбокомбинате. Что делали? Укладывали в ящики консервные банки; сортировали после пропарки, откладывая в сторону бомбажные, вздутые. Перевели на укладку в ящики «рыбных сухарей»: сухой шуругай (сушеный) перекладывали в ящики слоями на пергаментную бумагу. Обломки — мелочь — отдельно, в специальный ящик — рыбная сухая крошка. Мастер-женщина, узнав что мы студенты — народ всегда несытый — сказала: «Ешьте, сколько пожелаете, но домой не вздумайте носить». И мы ели досыта, а в столовую ходили только за хлебом и чаем... Меньше расхода. А однажды она нам принесла слив подлива для консервов — смесь масла постного, томата, лука жареного и специй — вкусная вещь... Мы были довольны работой и отношением к нам и старались вовсю...

Однажды, придя с работы в общежитие уселись пить чай... А Ванька Бакулин, мой сосед по кроватям, на своей тумбочке. Мы увидели, что он открывает ножом консервную банку... Все заинтересовались — где же взял? Неужели утащил? У нас и мысли такой не было ни у кого... Он молчит, уплетает рыбные консервы... Мы все возмутились, приста-

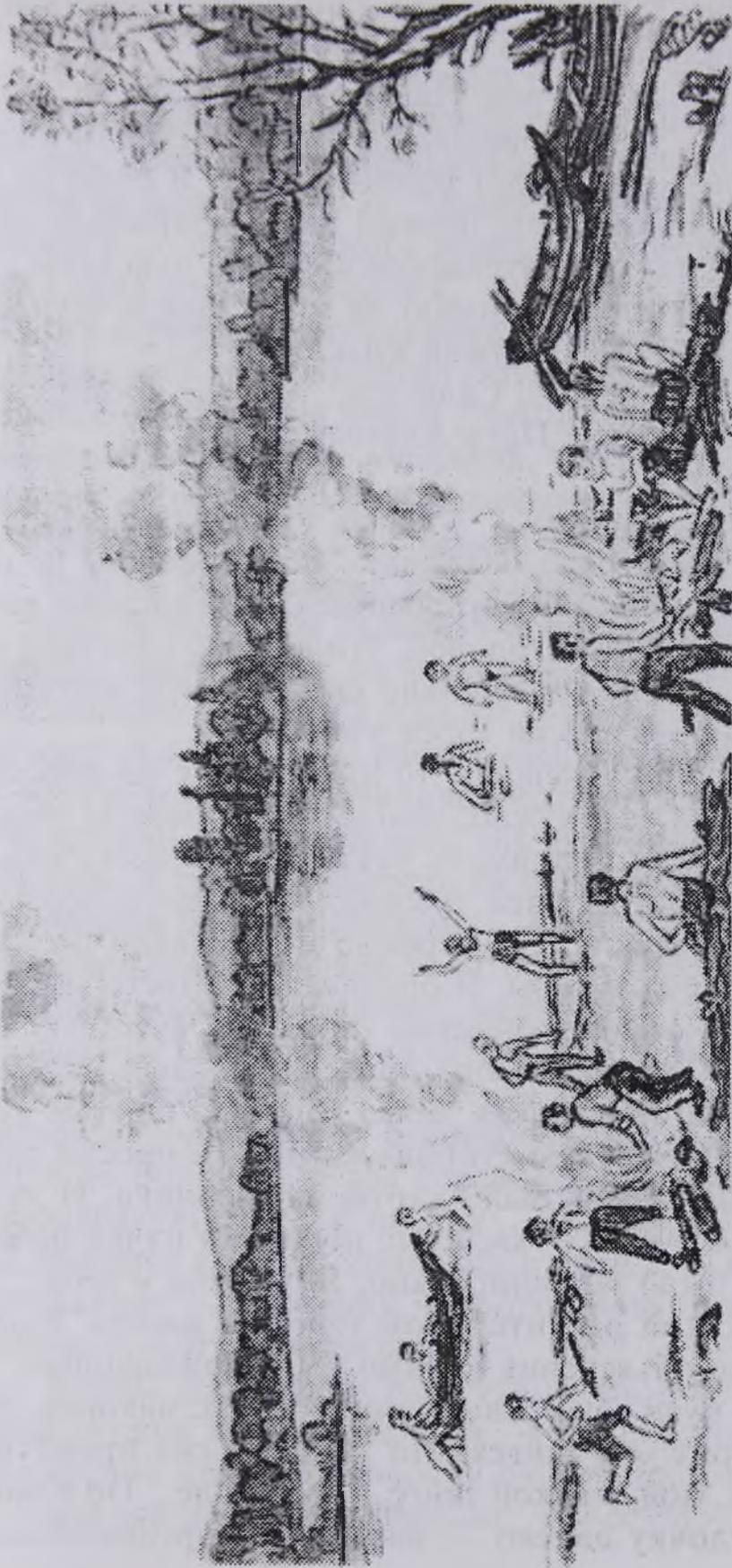
ли к нему — рассказывай, как утащил. Через проходную ведь шли — вахтер приглядывается всегда... И он рассказал, что банку положил в карман, а перед проходной взял в руки, а второй рукой снял с себя шапку с распущенными ушами и так шел через проходную, помахивая шапкой на руке — ни сбоку, ни снизу не видно...

Наш приговор был единодушным — завтра пронести не дадим. Нам из-за тебя позориться не хочется... И последние дни присматривали за Иваном. Потом я слышал, что дома у себя он числился нечестным, не чистым на руку парнишкой... И в нашем кругу потерял уважение к себе. Но он сам, видимо, не очень переживал...

В начале октября с работ вернулись студенты, кто уезжал на уборку. Начались занятия. Видимо решение подготовить нас к работе в школе за 3 месяца оказалось нереальным, и нам объяснили — учимся полный учебный год и сдаем экзамены в июне 1942 года. Я сообщил об этом дяде Анатолию и тете Поле и домой...

Вести сводок Советского информбюро шли все тревожные. Радиорепродуктор в помещении клуба на втором этаже только «шептал», так что я вставал на стул и прикладывал ухо к тарелке. Информации на эту тему в классе тоже не помню... Наш классный руководитель был, казалось, все также бодр, остроумен, но шутил все меньше, в глазах была затаенная тревога.

И тут подошло мне время давать свой первый урок — географию в 4-м классе по теме «Зона тайги»... Уже наша группа просмотрела, прослушала несколько уроков своих товарищей. Я серьезно относился к этому делу, да и интересно было — что получится. Очень волновался, но готовился. Наконец, все готово — просмотрен мой план урока и уточнен учительницей. Подготовлены наглядные пособия: примерно рассчитано время на проверку усвоения предыдущей темы, на объяснение нового материала, на закрепление его и домашнее задание. В классе этом я уже был не раз, с учащимися немного знаком... Учительница и наша преподава-

Начало августа. Речка Малая Атлымка за Белым мысом. Сюда на лодках приезжали днем или поздним вечером купаться, жарить кедровые шишки, еще непоспевшие. Возвращались поздно, шутки, песни далеко разносились над водной гладью... Ранние кедровые орешки из шишек, испеченных на костре — наш северный деликатес...

Рисунок 1 июня 1989 г.

тельница Панина Татьяна Афанасьевна подбадривали меня. И вот час настал...

Прозвенел звонок на урок. Наши уже все были на местах. Ученики шумной, но организованной толпой зашли в класс — они знали, что урок будет вести студент. Я стою за дверями класса. Сейчас сделаю первый шаг... открываю дверь, скорым шагом иду к учительскому столу, чувствую, что весь класс уже встал, поднимаю на них глаза и заученно, деревянно, словно у меня чужой язык, говорю:

— Здравствуйте, ребята! Садитесь... Я у вас проведу урок географии... Зовут меня Петр Александрович...

Слышу шепот:

— Петр Александрович... — Глаза уткнулись в конспект. Надо назвать тему урока. Называю. Волнение еще не прошло. Взгляд встретился с учительницей. Она ласково взглянула и легонько кивнула головой, что видимо означало «все в порядке». И у меня сразу сняло скованность, я стал сам собой и как-то по-хозяйски изрек ученикам:

— А сейчас я хочу узнать, что вы помните по теме прошлого урока. Это нам нужно, чтобы понять новую тему...

Ребятишки стали поднимать руки, желая рассказать-пересказать содержание статей учебника о тундре и лесотундре в СССР... Отвечали. Неуверенно показывали по карте расположение зоны тундры. Я оценивал их ответы и ставил оценки на листок (может неверно оценил?). Чувствую, время на проверку истекает. Пора объяснять новый материал. Картину-пособие по тундре я забыл убрать, а по теме «Тайга» — повесил по другую сторону карты. Попросил ребят, чтобы у всех на партах были карты из учебника. И тут со мной начался казус — объяснение по теме я начал почему-то не так, как было запланировано. Я спросил у ребят, знают ли они в какой растительной зоне мы живем. Вопрос в самом начале объяснения видимо был неожиданным. Переглядывания, руки неуверенно тянутся вверх; наконец, один мальчик говорит: «В тайге». По классу даже прокатился легкий смешок, мол, в какой тайге, — в городе... Но я понял, что закинул удочку далеко — начнется неорганизованное

обсуждение, — очень бодро подтвердил: «Правильно. Мы живем в зоне тайги. И наш город Остяко-Вогульск стоит в тайге... Найдите на карте наш город, где Иртыш впадет в Обь. Нашли. А теперь найдите условный знак зоны тайги. А теперь проверьте — правильно ли сказал ваш товарищ, отвечая на мой вопрос...». Момент сопения, негромких разговоров и — сорвавшийся взглас — «правильно». Мальчишка сиял от удовольствия.

И тут я увидел, что картина с видом лесотундры мною не убрана, как я предполагал (чтобы не отвлекать внимание учащихся от изучения новой темы!). Снять ее сейчас значит тоже отвлечь внимание учеников. И у меня как-то сверкнула мысль — надо сравнительный анализ с помощью вопросов провести, опираясь на знания учеников же...

— Ребята! Мы живем в зоне тайги, и вы многое о ней знаете сами. Я буду вам задавать вопросы, а вы смотрите на картины, сравнивайте их и отвечайте. — Начал со сравнения площадей зон, какая больше. Чем отличается растительный мир? А какие виды растительности мы еще не назвали, где богаче и почему? Начался непринужденный разговор с поправками, дополнениями. Так же — по животному миру прошлись. Я боялся смотреть на нашу руководительницу — все началось не по-писанному...

Но меня воодушевляло то, что дети работают — активно высказываются, дополняют, желающих ответить много... Наконец мы разобрали, кажется, все о природе и занятиях населения зоны тайги... Пора было рассказать последний отрывок из учебника — о постройке через тайгу железной дороги до Воркуты — для перевозки каменного угля и леса в европейскую часть, к центру...

Я подошел к карте, прицепил в районе г. Воркута условный квадрат — карточку черного цвета; поставил указку в районе г. Котлас и сказал:

— Чтобы добытый в Воркуте уголь доставить в центр страны, нужна железная дорога — вот ее длина на карте, — и прикрепил красную полоску бумаги напрямую. — Даже на глазок это расстояние больше, чем от Москвы до Ленин-

града. И на всем пути тайга, болота, реки... — И завернул патриотическое. — Раз надо — советские люди сделали за короткий срок...

Закрепления, как такового, не было. Я спросил, что они узнали нового про зону тайги... Время подходило к концу. Я чувствовал себя довольно уверенно. Внимание детей стало ослабевать — первый признак скорого окончания урока. Дети нашли статьи учебника и должны были при чтении дома вспомнить ответы своих товарищей при беседе... Зазвенел звонок. Урок окончился. Это был последний урок, они остались с учительницей. А мы пошли на разбор урока в педучилище, рядом со школой. Туда же пришла и учительница.

За урок я уже не волновался: плохой оценки не будет. При разборе девчонки отметили ряд оговорок и мелких замечаний. Я ждал, что скажет Татьяна Афанасьевна Панина за отход от плана урока; за краткое закрепление. Но она похвалила, что все прошло естественно — беседа, вопросы при активном внимании детей. Что я быстро освоился от растерянности и скованности первых минут... Учительница отметила достаточно умелое использование наглядных пособий — карты, картин и учебника. «Только почему-то наш Петр Александрович за весь урок не присел за стол ни разу. Даже оценки записывал стоя». Все заулыбались. Видимо это уже была черта моего характера в будущем...

Урок мой оценили, как отличный. Я был рад бесконечно... Своей радостью поделился с тетей Полей... Много за время работы я общался на уроках с учениками, но этот — первый свой урок — помню всегда...

Потом были уроки русского языка (изложение), арифметики (объяснение решения задач нового типа), по чтению, по рисованию даже... А когда началась сплошная практика с начала марта на 2 недели, я был оставлен для работы со 2 и 4 классами в перековской школе на 2-ю смену. В таком классе я только присутствовал на уроках, когда их проводила учительница (класс был сформирован двухкомплектно специально, чтобы осваивать методику работы в малокомплектных школах округа). Навалилось сразу — и под-

готовка к урокам, и проверка тетрадей, и ведение классного журнала... Почти на всех уроках сидела учительница первую неделю. А когда увидела, что я кое-что могу, что советуюсь с ней — спрашиваю, что трудно, — дала мне волю, на занятиях больше сидела в учительской, помогала проверять тетради. Как-никак в классах было более 20 человек. Каждый день поурочно ею оценивался; были замечания, но большинство уроков были хорошие и отличные, а общая оценка за практику «отлично».

Расскажу немного о нашей жизни. С питанием было туго — особенно к весне 1942 года. В буфете училища можно было купить 100—150 г хлеба с повидлом или вареньем. Ели на ходу всухомятку или в классе. После уроков заходили в магазин, по списку покупали 500 г хлеба, редко, когда можно было выкупить крупу, сахар, селедку или соленую рыбу. Варили для себя в интернате редко, чаще пили чай с сахаром, растягивали пайку на обед и ужин. В октябре-декабре, сговорившись, часов в 7 шли в «ресторан», усаживались за стол и заказывали лапшу или суп крупяной. Лапша была из серой, пшеничной со ржаной, муки, солодящая... Хлеба не давали... Выпивали хлебный бульон, вылавливали лапшу и отправлялись восвояси. Почти всегда в зале заставляли поляков. Они появились в Остяко-Вогульске, кажется, еще осенью 1940 года. Крупные, высокие и стройные, они и в гражданском пальто больше походили на военных... В «ресторане» они занимали 2—3 стола на одном и том же месте, сменяя друг друга... Работали ли они — не знаю... Только в 1944 году, когда в газетах появилась публикация о Катынском лесе, я догадался — это поляки, военные или гражданские, после событий в сентябре 1939 года...

К весне вид был недостаточно здоровым у многих, особенно у ребят из общежития. Девушки более умно распоряжались тем, что получали на пропитание, а мы — нерасчетливо, не вовремя, чаще — всухомятку. По этой причине для студентов 2-го и 3-го курсов русского отделения открыли столовую и в обед кормили горячим: щи, супы, пюре с рыбой, чай с сахаром, порция хлеба... Жить стало веселее. Рассчитывались из стипендии.

Надо отметить, что значительная часть времени затрачивалась на общественные дела. Педучилище всегда участвовало в концертах в окружном доме культуры народов севера, «Дэ-Эн-Эс» — говорили. Я ходил в хор и даже один раз исполнял сольную часть песни «Калина». К октябрьским праздникам писали лозунг на красном материале во всю длину фасада педучилища — расстилали в коридоре на втором этаже, размечали и писали сразу несколько человек. В воскресенье устраивались лыжные соревнования — бег на лыжах на 10 км. Пробежал я неплохо, дня за два до этого мы — человека четыре с девчатами — прошли, не торопясь, на лыжах по этой дистанции... На соревнованиях тянулся за парнем из медицинского техникума — у них это дело было поставлено лучше... На финише встречали кружкой чая или кофе, давали теплую одежду... А мы, уставшие, тянулись по городу в общежитие... спать, спать, спать...

Не первом, втором и третьем курсе со Стрижевым Л. после майского праздника направляли в сберкассу писать лозунг с призывом на заем. Ставили нам стеклянную крынку молока — литра на два, полбулки хлеба, 3—4 банки зубного порошка, кисти и оставляли одних. У входа дежурил охранник-сторож. Наша задача — написать до вечера и оставить на полу для просушки: 5 мая был день начала подписки на заем. Часть молока уходила на разводку порошка, чтобы не осыпался, а больше доставалось нам. В этот день мы наедались досыта.

Общественная жизнь

В общественную и культурную жизнь Остяко-Вогульска в период 1941—1942 годов вносил вклад и эвакуированный сюда Ростовский драматический театр (видимо, часть труппы). Приезжали они на последних теплоходах. Конечно, пароходах. Разместили их в ДНС. С ними была и часть декораций. Появились необыкновенные афиши на постановки «Бесталанна», «Наталка-полтавка», «Свадьба в Малиновке» и другие. Две постановки мне удалось посмотреть: я был потрясён увиденным и услышанным. Декорации, костюмы, содержание и исполнение — всё было вновь, впервые. «Бесталанна» и «Свадьба в Малиновке» сопровождалась театральным оркестром... Воочию я увидел и прочувствовал понятия «драма» и «комедия»... Впервые услышал украинскую речь со сцены...

А посмотреть удалось вот по какому случаю. В конце марта в окружке комсомола стали готовить программы для окружных культлодок на летний сезон. Обратились к артистам с репертуаром. Среди прочих выступлений был рассказ из времён гражданской войны — «Гурьевская каша». Просматривать всё подготовленное должны были на концерте к 1 мая, а уж там решат — что пойдёт в программу культлодок (их было три). Чтение выпало на меня — посоветовали из педучилища, видимо. Вот меня и готовил один из артистов. Выучил я наизусть рассказ, а уж потом пошла выработка техники исполнения: дикция, темп, интонация, позы... Для меня это тоже было внове, интересно... Вот и дал он мне контрамарку на галёрку. Я так был ему благодарен... «Гурьевская каша» — комедийный сюжет — был хорошо принят на концерте...

— Надо сказать, что к этому времени в Остяко-Вогульске (думаю, в начале апреля 1942 года) уже прошёл кинофильм документальный «Разгром немецких войск под Москвой», настроение у населения поднялось, засветилась надежда на поворот в войне к лучшему... Кино это мы ходили смотреть с Манефой, только-только начали дружить... Фильм демонстрировали долго, а народ всё шёл и шёл смотреть...

На окружной культлодке

Июнь—август 1942 г.
Самаровский и Коидинский районы

Военная весна 1942 года. Шел третий год обучения в училище. В июне начались экзамены. Уже получили повестки на призыв в армию мужчины-преподаватели Аверин Ю. М. — наш классный руководитель; Казапов Коронад Иванович — литератор, Величко Георгий Тарасович — физик и завуч; Гильц Владимир Христофорович — математик. Все люди семейные, с детьми. Поговаривали, что и выпускники 1923 года рождения и ранее будут призваны после сдачи экзаменов... Дома побывать не придется приезжим — проститься с родителями. А ведь мы в 1941 году приехали к первому августа на учебу трехмесячную для краткосрочного выпуска, чтобы заменить призванных в армию учителей-мужчин. Рождения 1924 года парней в группе было только двое — я и еще один. Чеманин Анатолий не учился на третьем курсе — его весной 1941 г. арестовали. Подвел Чомку язык: уж очень он неприязненно относился к националам, оговаривал за их привилегии в обеспечении. (Всю войну он провел на работах в заключении, узнал об этом после войны). Должны были призвать ребят и с национального отделения.

Экзамены сдавал я хорошо. По многим предметам готовились с Манефой Кайгородовой. Она была настойчива в учебе, знания ее были твердые, но менее подвижные, чем у меня. Так, положения методик предметов, принципы педагогики и дидактики я более быстро применял к конкретным ситуациям (теоретически). Правильнее, полнее умел делать выводы из данной пробной или воспитательной ситуации (примера). Конечно, все это на школярском уровне.

Когда шли экзамены одной из групп, остальные учащиеся ожидали в садике при педучилище своей очереди. Кто отдыхал, кто, растянувшись на траве под березками, дремал, кто рылся в учебниках, отыскивая ответы в тексте на еще не вытянутые билеты. «Ну, как? Что попало? — спрашивали девчата у каждого, кто входил в садик после ответа по билету. — Строго спрашивают? Дополнительные вопросы задают? Какие?..».

Сдавать экзамены в числе последних трудно, особенно девчонкам. Измучаются, они более впечатлительны, чаще теряются в затруднительных ситуациях, даже зная материал.

И вот все позади. Сданы экзамены. Выпускного вечера не было. Собрали в классе, сообщили общие результаты — мы все закончили обучение и получили специальность — учитель начальной школы.

Документов на руки не выдавали, их еще не оформили. Девушкам посоветовали пойти в окружной ОНО — узнать о распределении на работу, а парням — в окружной военкомат, на призыв. Уходили по призыву и наши мужчины-учителя.

Еще шли экзамены, как пришел к нам в общежитие Коронад Иванович Казапов, попросил вскопать во дворе дома, где он жил на улице Коминтерна недалеко от общежития, участок целины. Хотел оставить семье посаженный картофель. Шла война. С продовольствием было туго. Половодье 1941 года почти на нет свело поголовье скота. А какой ни будет урожай — семье пригодится. Мы дружно впятером вскопали участок, разбили лопатами глыбы земли, подготовили к посадке.

Призывался и Сергей Барышников. Он жил эти годы у родственников на Перековке, на Набережной улице. Он был старше меня на год. Учился уверенно, серьезно. Последний год частенько бегал на танцы, кажется начал играть в духовом оркестре, был вхож на танцплощадку. Перед призывом у нас состоялся разговор о войне. Тайком ходили слухи о блокаде Ленинграда и голоде в нем; о неудачах и потерях в первые месяцы войны, о большом числе наших бойцов в плену... Домой съездить не разрешили. Ладно,

что уходил на войну от своих; не так горько. Остальных ребят провожать не пришлось, как-то сборы у всех вышли в одиночку. На общем собрании меня предупредили, чтобы я явился в окружном комсомоле.

В окружном комсомоле мне объяснили, что окружная культлодка уже вышла из Самарово вверх по Иртышу два-три дня назад, что сейчас она где-то около Тюли, и что меня назначают на время работы культлодки массовиком, а чем массовик должен заниматься — все объяснит начальник культлодки. Мне сообщили, что с военного учета в окружном военкомате я временно снят, начальник культлодки об этом знает. Надо сегодня сесть на пароход, а он будет в Самарово к вечеру. Выдали пропуск — удостоверение на право выезда из города (без письменного разрешения на пароход не посадят — война идет, передвижение населения ограничено).

Я побывал у тети Поли на Перековке, принес из интерната-общежития свои вещички, все рассказал; домой написал письмо — где я и что буду летом делать. Манефы уже не было — она уехала к родителям в Елизарово. Собрать мне было нечего — тетя Поля уложила в мешок запасное белье, полотенце и мыло. На какое время меня направляют — разговора не было. Я взял остатки бумаги, карандаши и краски акварельные и распрощался. До Самарово добрался пешком, автотранспорта тогда не было. Пароход почему-то причалил в рыбоконсервном комбинате, а не у дебаркадера. Я прошел по трапу, показал свой документ и на пароходе поднялся на верхнюю палубу. Поразило безлюдье.

Была белая июньская полночь. Самаровская гора на фоне светлого неба высилась темным силуэтом. Разлив Иртыша был уже широк, но гривы на пойме уже покрылись травой и не были затоплены. Вскоре пароход отчалил без гудка. До первой пристани — Тюли — было часа четыре ходу, и я все время на палубе. Все заботы свалились с плеч, училище закончено и неплохо. Тетя Поля сообщила мне, что по городскому радио сообщили об очередном выпуске учителей, а среди лучших выпускников называли Панину, Сашу, меня и еще несколько человек. «Мы с Анатолием и порадо-

вались», — сказала она. Я тоже был рад, хотя и не думал, что буду среди лучших выпускников. И, признаюсь, не совсем поверил — подумал, что сказала для поддержки меня.

Но я был не прав. В 1985 году, когда сестра Миля тяжело болела и я был в Ханты-Мансийске, зашел в редакцию окружной газеты «Ленинский путь» посмотреть публикации об окружных культлодках. Я знал, что с дороги по телефону передавали материалы для печати. Мне выдали подшивки за июнь, июль, август 1942 года. Я удобно расположился за одним из столов и начал внимательно и не торопясь просматривать заметки. Из заметок я узнал, что летом 1942 года было снаряжено три культлодки: одна — наша — по Иртышу и Конде; вторая — по средней Оби до Сургута; а третья — по Оби до Березово. Главная задача коллективов — культурно-массовая и политическая работа с населением, рыбаками и колхозниками в условиях войны. К сожалению, часть газет уже была утрачена... И тут я вспомнил о разговоре тети Поли. Дай, думаю, посмотрю. Может есть какое сообщение в конце июня? Действительно, за 25 число сообщение есть. Приятно было прочесть фамилии своих товарищей...

На палубе было довольно свежо. Думалось об отце, матери, сестрах, о доме... О ребятах, которые уже, видимо, в пути в армию. Так и не пришлось приедем дома побывать. А призыв в армию — для войны. Как-то сложится судьба... Однообразно слышалось шлепанье колеса о воду. Слева на горизонте зазелело, начиналось утро... Чем меньше оставалось до прихода в Тюли, тем больше беспокойства: как меня примут. Каждое новое знакомство мне было тягостным...

Солнце уже не показывалось из-за прибрежных кустов правого берега, как мы добрались к дебаркадеру в Тюлях. На борту стояло сооружение, говорили — паровая мельница. Встречающих-проводящих было мало. Пароход уже отчалил и пошел дальше, а я все еще раздумывал, где искать нашу культлодку. Прошел по шатким мосткам через узенькую курью, вправо по берегу и из-за множества лодок, бударок, неводников, теснившихся в курье, увидел мачту, а на ней развевающийся флажок. Значит, надо туда. Подхо-

жу — вот она — культлодка! С интересом рассматриваю. Большой четырехгребный неводник носом уперся в невысокий бережок; якорь на четырех лапах на доброй веревке вдавлен в сырую землю. На лодке во всю ширину средней части устроен каркасный ящик с дверьми посередине спереди и с кормы. На корме — небольшая площадка для сидения; большое кормовое весло было пропущено сквозь веревочную петлю. А чтобы весло случаем не упустить — на его ручке поперечина. Мачта возвышалась над будкой метра на три; на ней была распорина — можно было поднимать парус. Длина будки была метров шесть; крыша имела скаты к бортам для стока дождевой воды. По два продолговатых окошечка по бокам будки были под самым скатом. Под левым бортом лодки причалена моторка; грязный, закопченный вид ее говорил — работает она на нефти или солярке. В носовой части — невысокая будочка: наверное это место для отдыха моториста... «Будет мое место», — подумал я.

Солнце поднималось. Изредка булькала в проточке вода — шалили щурята; я не стал никого будить — решил дождаться пока кто-нибудь проснется и выйдет... А через полчаса начальник культлодки оживленно расспрашивала меня, как добрался до Батова, не передавали ли чего из окружкома лично для нее. Вскоре все были на ногах — нас оказалось семеро. Начальник культлодки Амосова — член ВКП(б); молодая учительница из Самарово; мужчина — гармонист из Остяко-Вогульской средней школы; Анна Гарбуз — медичка; киномеханик — девушка с Перековки; моторист — мужчина лет сорока и я — массовик. Мужчины были все временно сняты с военного учета и Амосова сообщала о нас в каждом военно-учетном столе в Советах, где мы останавливались в пути.

В Батово программа массовой работы уже была у них закончена, оставалось получить продукты по специальному документу с отметкой, на какие дни получено. Часов в одиннадцать моторка, копя и чихая мотором, потянула нас к следующему населенному пункту против течения Иртыша.

До двенадцатых чисел июля мы побывали во всех населенных пунктах по берегам реки — до самого южного на границе округа. Останавливались и на полевых станах по заготовке кормов, и на рыбацких угодьях. Многих селений сейчас уже нет: часть переименовано, переселено. Помню Реполово, Батово, Горнофилинск, Цингалы, Семейка...

Расскажу, как проходила наша работа.

Днем, как правило, были в пути, мотолодка тащила нас вдоль берега против течения. По очереди правили кормовым веслом, чтобы наш «корабль» не рыскал и не сбивал ход мотолодки. Для ускорения хода иногда ставили парус, если ветер попутный. Но хуже было, если случалась поломка мотора — он глох. Моторист нещадно чертыхался, клял всех и вся: и солярка плохая; нет бензина для завода мотора. Если ремонт продолжался долго — садились на гребни или тянули неводник бечевой по двое, как бурлаки. В обед останавливались, готовили обед — суп, каша, чай... Это была забота девчат. А мы готовили дрова, устраивали огнище, благо кустарника сухого было предостаточно. На корме, под площадкой у нас всегда был запас сухих дров на случай дождя — для растопки.

Обедали на берегу, раскинув полог-парус. Если было много комаров, кое-кто убежал в лодку и кормился там. Пищи было достаточно, но я долго не наедался. Женщины видимо заметили это, и девчонки деликатно подкармливали меня...

Иногда обед совпадал с остановкой у сенокосного стана. На деловой разговор с бригадирами (а многие из них были женщины) уходило час-два: просьбы, вопросы, записи — письма домой, на фронт мужьям; иногда кого-то отправляли с нами домой (в деревню, куда мы ехали) по нужде. Среди прочего — собиралась информация и для стенгазеты или боевого листка, выпускать их было поручено мне. Фельдшер оказывала необходимую помощь, если в том была нужда. Вели беседы по положению на фронте по сообщениям Информбюро по радио. У нас был радиоприемник батарейный, но включали его только для прослушивания сводок о положении на фронтах — берегли энергию.

Передовица в стенгазете была постоянной до конца июля — о зимних военно-политических успехах (разгром немцев под Москвой, Ростовом-на-Дону); о задачах летней путины и заготовке кормов. Остальной материал собирали на месте. Обычно к началу вечернего представления стенгазета была уже готова — вывешена для обозрения. В ее содержание входили темы: помощь фронту — добыча рыбы, заготовка кормов — сено, силос; прополка картофельных полей, ремонт помещений для скота к зиме; всегда была и сатирическая тема — карикатуры на факты пьянки, прогулов, пренебрежение общей работой — были конкретны. Ко времени приезда в населенный пункт заранее было написано объявление о программе вечера-встречи.

Причалив к берегу, закрепляли лодку якорем понадежнее, начальник лодки Амосова сразу же укатила в правление колхоза или в совет, иногда и я с ней — собирал материал для стенгазеты, помогал по просьбе жителей писать заявления о разной житейской нужде, разные розыски. Уже были среди населения и такие, кто получил похоронки. Амосовой приходилось разбирать и жалобы, но такие случаи были редки. Фельдшер принимала больных, если в селе не было медпункта, проводила проверку санитарного состояния в детском садике и яслях — чаще это все в одном приспособленном помещении. Питание было однообразным, даже молоко было не всегда...

Остальные члены экипажа шли в красный уголок или клуб, если было такое помещение, и начинали обустраивать место для концерта или демонстрации кино. Если останавливались на ночь у сенокосчиков или рыбаков — устраивали походную площадку: натягивали шнур с занавесом между деревьями или вбитыми кольями, так же — задник — тыльный занавес, и сцена готова. В Тюлях, Горнофилинске клубы были в бывших церквях, помещения были большие, сцены высокие: народу набивалось много — от малышей и школьников до стариков и старух... К концу поездки по Иртышу содержание доклада явно устарело: на юге страны немцы начали наступление; пал Севастополь... Узнали мы

об этом по радио. Известие это не сообщали населению — тянули с тяжелой вестью. Газеты свежие пришли много позднее — почта ходила редко.

Вечер начинался коротким докладом. В него включали местный материал — успехи рыбаков, сенокосчиков, пропольщиков полей — обязательно перечислялись имена людей. Отмечали недостатки в санитарном состоянии детских учреждений, в организации хозяйственных работ, позорили случаи лодырничества и пьянства.

Слушали внимательно — видимо, покоряла прямота поощрения отличившихся, передовиков.

А затем начинался концерт, вела его учительница средней школы. Пьеса на 10 минут называлась «Хозяюшка»... Зимой 1941—42 года из-под Москвы отступают немцы. Зашел в дом русской крестьянки вконец замерзший немец. Вначале он скромно просил отогреться, но отогревшись, требует еды — «млеко и шпик». Хозяйка упирается — еды нет. Немец сам ищет съестное, угрожает расправой, но хозяйка успевает сообщить партизанам о непрошеном госте. В конце концов разомлевшего в тепле захватчика партизаны приканчивают... Наивная в своей незамысловатости постановка вызывала восторг — наша брала! Хозяйку исполняла Амосова, а немца — наш баянист. Затем под гармонь исполнялась песня «Синий платочек», пели девушки: Анна Гарбуз и киномеханик — девушка с Перековки. Я рассказывал сатирический рассказ из январского номера «Крокодила» «Это было под Гтатском...» — о «планомерном отходе» немцев по Смоленской дороге на запад — в форме письма ефрейтора домой. Если позволяло время, рассказывал монолог — «Гурьевская каша» — юмористический эпизод из гражданской войны.

Наши непрофессиональные выступления принимались хорошо — в это время заезжих с концертами не было, свои выступления молодежь не ставила, было некогда. Иногда под конец концерта девушки распевали под гармонь частушки на военную тему, а то и сатирические на местную — получалось неожиданно и хлестко: только приехали, а уже «дядя Федя» в частушку попал.

В зависимости от обстоятельств — приехали поздно, подготовить место для выступления не успели или на второй день — демонстрировали кинокартину. Их было у нас две в немом варианте: «Разгром немецких войск под Москвой» — документальное и «Истребители» — художественное. Первая кинолента впервые шла в кинотеатре Ханты-Мансийска (Остяко-Вогульска) весной 1942 года. Первая документальная, отражающая нашу победу. Народу всегда был полный зал. Мы ее смотрели вместе с Манефой. А в деревнях районов округа она еще не демонстрировалась, но что она есть — знали. Интерес к ней был велик: с одной стороны — долгожданная, первая победа под Москвой, а с другой — ужасы, разрушения смерть, надругательство над жизнью нашей, над верой нашей. Может впервые каждый осознавать начал, кто наш враг и какое огромное усилие и нервы будут нужны, чтобы его одолеть...

После концерта или кино под гармонь устраивали танцы. Наш гармонист играл не ахти как, но никто не выговаривал. Да и танцы-то нечасто были в это тревожное время. У учителя-гармониста был фотоаппарат «Фотокор». Было сделано несколько снимков на дневных стоянках — за обедом с видом на реку Иртыш, на причаленную к берегу мотолодку и наше жилище на воде. Фотопластинок было мало. Несколько фотокарточек я получил в августе. Сделал я несколько акварельных зарисовок — наше представление на природе. Зарисовки и фотокарточки перед уходом в армию оставил у тети Поли, но все, кажется затерялось. А жаль...

В свободное время частенько наш моторист, уже бывалый человек лет 40—45, вступал с нами в горячий спор о войне. «Я говорил, что Гитлеру верить нельзя, хоть и договор о ненападении подписан. А нам доказывали — немцы его выполняют. Вот и дождались...». По деревням шла мобилизация в армию. Самаровский райвоенкомат рассылал повестки по советам. Сборный пункт был в Самарово — там проходили комиссию: призванных командами (группами) на пароходах отправляли в Омск для военного обучения в лагерях запасных полков.

Амосова несколько раз сообщала по телефону в Окружном о проведенной коллективной работе, материал поступал в окружную газету «Сталинский путь».

В 1985 году, когда сестра Людмила тяжело болела и я приезжал в Ханты-Мансийск, мне удалось просмотреть старые подшивки газеты за май—август 1942 года. Там и обнаружил я до десятка информации о работе трех культлодок, в том числе и о нашей. Две другие плавали в Микояновском (Октябрьском) районе и по Сургутскому и Ларьянскому районам.

В третьей декаде июля мы самосплавом вернулись в Самарово. Через 2—3 дня предстоял выезд в Кондинский район (районный центр — Нахрачи) — от устья реки Конды до райцентра. Вернуться оттуда в Самарово должны были к концу августа.

А пока навестил на Перековке дядю Анатолия. Иван, кажется, уже не учился последний год. Росли малыши — Николай, Владимир, Василий... Знакомых ребят в городе почти никого не встречал. И вдруг узнаю — Манефа в Ханты-Мансийске (Остяко-Вогульске), вернулась из дома, из Елизарова, и ей через неделю надо отправляться к месту работы в школу в Ларьянский район. Дорога предстояла трудная и долгая. От Ларьяка по реке Сабун плыть на моторной лодке, а потом еще и на лодке, т. к. вода уже начала сбывать. До фактории было километров двести — на север от Ларьяка. А там была школа для кочевых семей местного населения, магазин и радиостанция. Глушь, где-то на границе с Ямало-Ненецким округом.

Там и оказалась она одна — девчонка-учительница с двумя мужчинами... Я об этом узнал летом 1943 года, получил от нее письмо и маленькую фотокарточку.

Расстались мы с ней на полдороги от Самарово до Остяко-Вогульска. Отошли в сторону от дороги, договорились писать с места работы (она знала место моего назначения на работу — Супра, в Кондинском районе, где-то там, где сейчас город Шаим...), помолчали и с грустью расстались. Как-то не думалось, что это последняя встреча...

По Кондинскому району ехали уверенно — и села были почаше, и река уже, и состав населения разнообразнее: сплавщики, заготовители, рыбаки, колхозники артелей, рабочие рыбоучастков и предприятий. А вот военно-политическая обстановка осложнялась — немец пер на Кавказ и Сталинград. Помню такие селения — Выкатное, Алтай, Красный Яр, Болиары, Тайга, Сигля, Пугля, Ленино...

Там мы встретили первых ленинградцев, находящихся в эвакуации; обратили на себя внимание своеобразной одеждой, языком переселенцы-молдаване... Как они попали сюда, я только догадывался — после присоединения Бессарабии и Молдавской АССР. В балочке, где грелись плотники, строившие здание в городе и где работал дядя Анатолий, как-то увидел журнал с иллюстрациями — наши войска вступают в Бессарабию, за Днестр. На улице стоял мороз, а на фото-снимках — жаркое молдавское лето, обильная зелень садов, радостные встречи... Эти молдаване стояли на учете в комендатуре, как спец. переселенцы...

В районный центр Нахрачи мы прибыли к вечеру. Село раскинулось вдоль левого низкого и песчаного берега реки Конды; склады, конюшни, амбарчики, баньки, вешала для сетей и неводочков тянулись влево и вправо вдоль песчаной полосы, образовавшейся после спада воды. Чуть ниже — по течению реки на бескрайнем торфяном болоте виднелись трубы и постройки экстрактно-варочного завода. Здесь перерабатывали клюкву и бруснику — выпускали экстракт, варенье, вино... Видимо, за темно-красный цвет и кислый вкус его в обиходе прозвали «Марганцовка», как я услышал это уже в пятидесятых годах.

Причалили к берегу у пристани рыбозавода. Тут же стояла лодка, подобная нашей по виду, но меньшего размера. Это была культлодка Нахрачинского райкома — летом она курсировала от райцентра до Леушей... На другой день — кажется был выходной день — состоялся в Доме культуры наш объединенный концерт. Дом культуры — новое, типовое просторное помещение с залом человек на двести; хоро-

шая сцена с подсобным помещением под ней. Зал был полон, приняли нас хорошо. Еще до концерта — на общей репетиции — мы познакомились с участниками районной культлодки. Концерт в ДК райцентра был итогом нашей работы... Мы радовались успеху, да и пора было возвращаться домой — стояли последние дни второй декады августа, лето, считай, пролетело...

И тут со мной произошла такая история... После концерта, часов в пять вечера, мы с мужчиной — коком районной культлодки — пошли к берегу, к нашей лодке. Наших еще никого не было. Когда оказались на берегу, он ловко вытащил из кармана наполовину неполную бутылку спирта, связку вяленых чебаков и попросил меня залить ее водой с неводника: у берега, на причале вода была мутной. Я поднялся на неводник, опустил бутылку в воду за горлышко. Воздух, булькая, пузырьками поднимался вверх, а посуда наполнялась водой. Готово! Я поднял бутылку — жидкость в ней непривычно переливалась, как что-то вязкое, пластичное... Это я видел впервые — шла реакция соединения спирта с водой. «Принеси стакан или кружку, — попросил мой патрон. Я принес кружку. Он налил из бутылки более половины кружки: жидкость стала светлой, чистой. — Ну, за знакомство! Все-таки целое лето делали одно дело... Пей!». Я засомневался — спирт не пил ни разу, даже запах его был мне не знаком. «Ну, ты что, боишься? Пей, ничего не будет. Только не дыши, — наставлял он меня, — а потом водой запьешь...». Я медлил. «Ну, ты мужик или нет? Когда-то надо привыкать...». — Он подбадривающе смотрел на меня, держа кружку со спиртом. И я выпил почти все махом. Захватило дух; я поперхнулся; наверно глаза были навывкате. «Воды, воды пей, — кричал он. Я шагнул в воду и зачерпнул кружкой воды, выпил жадно большими глотками. Во рту перестало палить... Но перед глазами как-то неестественно все закружилось, поплыло все мягко, ватно... — Э-э-э, брат, да ты, видать, не питок... Ладно, иди в лодку, ложись спать. Проспишься — все будет в порядке!».

Я непривычно легко вскочил в неводник, перескочил сиденье гребное и зашел в каюту, и во всем, не разувшись, по-

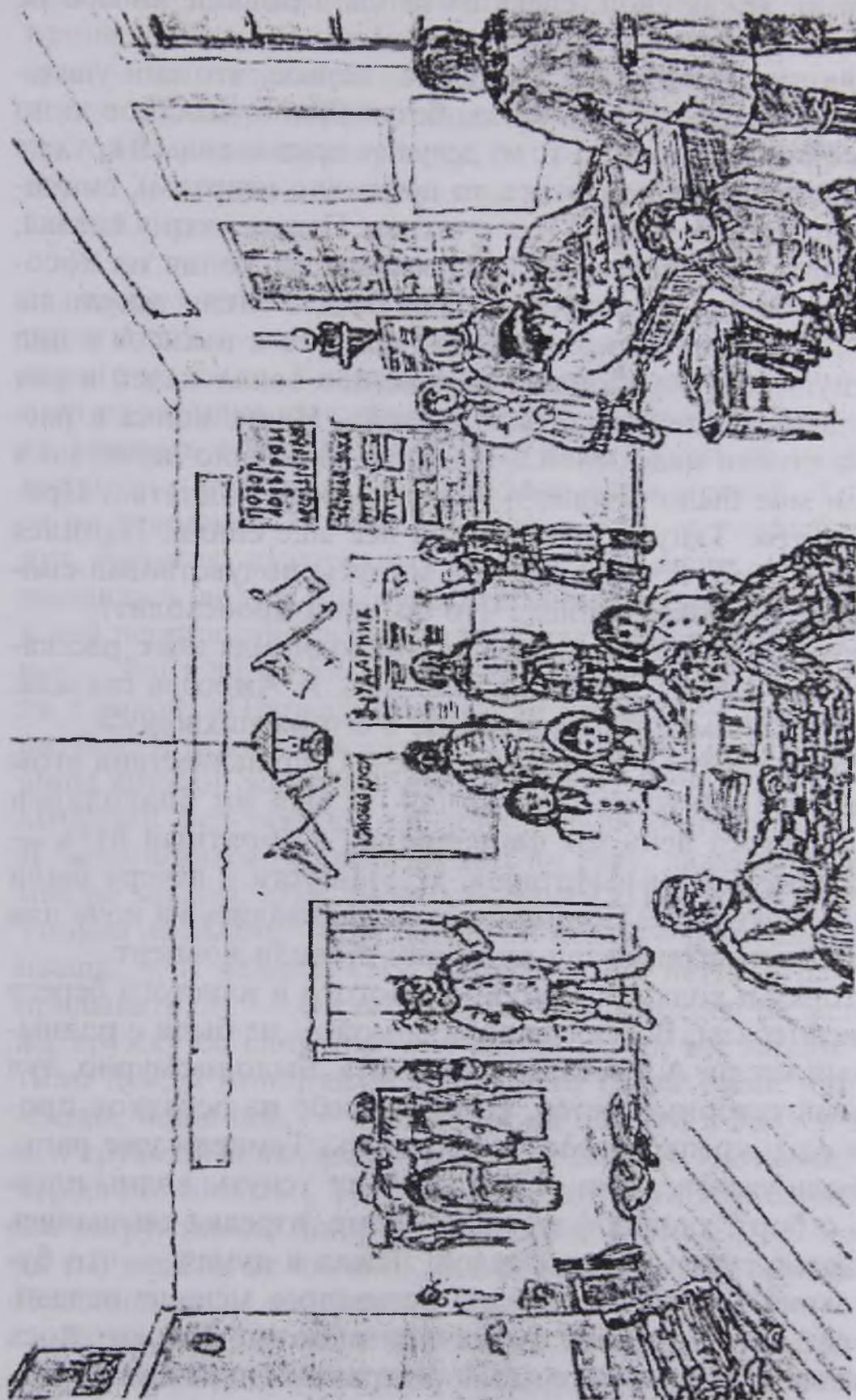
валился на лежак свой, слева от входа... Больше ничего не помню...

Когда наши под вечер вернулись, первое, что они увидели — моя неестественная поза, безжизненно бледное лицо и никакой реакции... Кто-то из девушек принес воды в кружке (она стояла на гребной лавке, из нее пахло спиртом), смочили мне лоб, лицо, виски. И я очнулся. Первое, что я сделал, — вскочил, всех растолкал локтями и, выскочив на носовую часть лодки, перегнулся через борт... Меня тянуло на рвоту, тяжело, натужно... Все поняли, что я пьян. А я пил забортную воду, судорожно, торопливо совал палец в рот — так хотелось освободиться рвотой... Наши молча и растерянно стояли надо мной... Наконец мне стало легче, но я ослаб, и мне было стыдно — глаза боялся поднять... Проспал до утра. Тянуло пить. Наши все еще спали. Напился холодного чаю, и через две-три минуты почувствовал снова легкое головокружение... Что со мной происходит?

Утром, когда все поднялись, я, не поднимая глаз, рассказал все, как было... Девчонки смеялись. А Амосова сказала: «Ну, попадись мне этот массовик, я его расчихвощу!».

Патрона своего я больше не видел. О происшествии этом мне больше никто не напоминал. Я был им благодарен за это. А через день мы направились в обратный путь — по течению Конды и Иртыша, а 25 августа к вечеру были в Остяко-Вогульске. По дороге останавливались на ночь для отдыха, демонстрировали кино или ставили концерт.

Моторку и лодку оставили у пологого и илистого берега выше нефтебазы. Все поспешили домой — не были с родными целый месяц. А я остался сторожить. Было пасмурно, дул холодный северный ветер. Наварил себе из остатков продуктов еды, крепко наелся и лег спать. Темнело уже рано, ночи были уже свежими. Я долго не мог уснуть: волны плескались о борт, хлопал флажок на мачте, изредка слышались отрывистые гудки идущих судов. Лежал и думал — что будет дальше? До начала работы оставалось меньше недели. Отпустят ли в Заречное до начала работы? Так хотелось повидаться с отцом, матерью, с сестрами Милей и Шурой...

Заречное — в избее-читальне вечером.
1934—1935 г.г. (набросок не окончен)

Поселок Зречный, лето 1933 г. «Общий котел для рабочих переселенцев». Справа — «Красная доска» и «Черная доска» с фамилиями ударников и лодырей и лентяев; «Знамена» — флаги — красное и рогожное. Столб с колоколом для сигнала на работу и с работы утром, в обед и вечером...

Рисунок 9—11.04.1989 г.

Кто из заречных ребят уже призван в армию? Я еще не знал, что всех ребят 1924 года рождения в августе собрали по районам округа и направили в запасные полки... Многие из зареченских попали под Ленинград, на Волховский фронт, там многие и погибли – Коробицин Александр, Устинов Николай, Шестаковы Авив и Иван... Не думал, не гадал я, что мое гражданское положение закончится через 12—15 часов.

В запасном полку

Август 1942 г. — январь 1943 г.

На второй день к полудню я освободился, получил расчёт за свою работу (за вычетом на питание) и пошёл на Перековку к тете Поле. Надо было узнать новости из дома, решить, как мне быть дальше. А потом в военкомате встать на учёт, может что удастся узнать о наших ребятах. Из дому особых вестей не было — отец и мать работали. В Остяково-Вогульске опять прошла мобилизация — собрали 1924 года рождения, моих одногодков. До зимы подбирают снова — военкомат рассылает повестки на призыв. Я пошёл в военкомат. В военно-учетном столе молодая девушка приняла у меня документы, нашла мою карточку временного учёта и поставила в карточки постоянного учёта.

— Вы свободны, — сказала она. Я замялся и спросил:

— Можно ли мне съездить в Заречное Микояновского района к родителям — повидаться надо, не виделся с августа прошлого года.

— Можно, но надо написать заявление военкому.

— Но меня могут не отпустить...

— Почему?

— А я с 1924 года, а его призвали уже...

— Как с двадцать четвёртого? А я поставила карточку к двадцать пятому году рождения! Я вам сейчас вручу повестку в армию. Учтите — отправка будет в начале сентября. Пока она писала, я подумал: «Всё, не видать родных. Поехал учиться, а угадал на войну».

Невесело шёл я на Перековку. Тётя Поля нетерпеливо ждала меня. Наверное, моё состояние подсказало ей, что меня не отпустили в Заречное.

— Вот повестка, — сказал я.

До прихода дяди Анатолия вечером с работы обсудили с тётей Полей, как быть. Я подал домой телеграмму, что призывают, что повидаться не придётся.

Сборы мои были недолги: в мешок положили часть моих вещей — пару нижнего белья, рубашки, полотенце. В оставшиеся дни написал письмо домой. Оставил у тёти Поли свои рисунки, фотокарточки. Взял карандаш и бумаги на письма, а также фотокарточку Манефы. Письмо ей не писал, не знал точного адреса, где-то в Ларьянском районе. А спросить в окрОНО стеснялся. У неё был домашний зареченский адрес. Пришёл ответ телеграммой из дома — приехать не могут, не отпускают. наших из педучилища никого не встречал.

Дядя Анатолий наставлял меня: слушайся командиров, не своевольничай. На войне строго — лишнего не разговаривают; слухам не верь особенно — собьют с толку. Вон по Перековке разное болтают... (Просачивалось в разное время о голоде в Ленинграде окруженном; о предательстве; что сдаются в плен). Он сам не говорил про это, а я слышал от Серёги Барышникова — жил на Набережной у родственников.

Последние дни пробездельничал в общежитии медтехникума, спали на пустых кроватях, на досках. Вечером булгачили с девчонками, кое-кто приехал уже на учёбу. Днём сходил к тете Поле, попрощался с ней и ребятами — Колюшкой, Вовой и Сашком-двухлеткой. Дядя Анатолий обещал отпроситься с работы проводить меня.

Наконец, помнится, 31 августа после обеда началась отправка на пристань в Самарово для посадки на пароход. Собралась у медтехникума целая колонна. Возраст — средний, молодёжи мало. Все с котомками за плечами: серая одежда, обувь не первой свежести — с расчётом на последний износ, на выброс. Отправить домой едва ли удастся — это уже знали многие.

Когда наша колонна подошла к универмагу, справа на самаровскую дорогу вытягивались с улицы ещё две колонны — колышущейся серой лентой тянулись в гору... Рядом и вместе шли провожающие — женщины и дети, подрост-

ки, товарищи. Меня разыскал дядя Анатолий, и мы шли рядом всю дорогу до пристани. Через час были в Самарово. Через дебаркадер-баржу втягивались в пароход. Призывники спешно прощались с родными. Попрощались и мы — дядя Анатолий обнял меня и поцеловал. Наказывал: пиши, не тyani, посылай весточку, как будет возможно... Иди Петя... Я молча уткнулся в его грудь. Пора было расставаться — уже протяжно провыл второй гудок. Шум, крики, рыдания усилились по всему дебаркадеру.

На пароходе я быстро поднялся на верхнюю палубу. Левый борт до самого ограждения был занят: кричали, махали руками, последние просьбы и наказания с обеих сторон, а ниже на барже — море плачущих, машущих платками, руками, кричащих; люди расставались и между ними — неизвестность... Раздался последний гудок. Убрали трапы, отдали причальные канаты. Пароход начал медленно отваливать. На барже стоял сплошной вой... Капитан с мостика надрывно кричал в рупор: «Очистить левый борт — опасный крен!!!» — Но его никто не слушал. Расстояние медленно увеличивалось. Казалось, люди своими мыслями, своей волей не отпускали его в дальнюю дорогу. Я ушёл на другую сторону — там были те из призывников, кто ехал на пароходе ранее.

Около луговой стороны Иртыша пароход бортом причалил к огромной деревянной барже, без надстроек и с пустыми трюмами. Палуба баржи была почти на уровне верхней палубы парохода. С этой баржей под бортом мы и добрались до Омска. Плыли мы так с полмесяца. Были редкие остановки для погрузки дров для парохода. Уже темнело, когда пароход двинулся по Иртышу против течения. Скрывалась из виду Самаровская гора с её темно-зеленой шапкой кедрача.

Я устроился в каюте на верхней палубе — было нас человек пять на два места для спанья: трое татар, знакомых друг другу, ещё парень из Белогорья и я. Питались из общего котла, но не всегда доставалось — своей еды хватило ненадолго, да и с деньгами было не густо... Весь трюм (грузовые отсеки) и нижняя палуба, III класс с его двухъярусными кро-

ватами в носовой части были «натуго» забиты людьми. Поскольку народ был сборный, многие ходили с котомками за спиной. Днём резались в карты, слушали байки, по очереди отдыхали... Путь был до Омска долгий, обычно 10 дней, а с баржей под бортом и все пятнадцать потребует-ся — так считали знатоки. Днём многие перебирались на баржу — там было свободно, а в некоторые дни и тепло, можно было поспать; в каюте места не хватало. Мы с парнем с полпути ушли из каюты — у двоих из татар болели глаза, мы подозревали трахому. Для поддержания порядка все призывники были разбиты на команды.

Однажды на палубе баржи я встретил парня моих лет. Он сидел с альбомом в руках и рисовал мужчину-ханты в национальной одежде. Кругом толпились любопытные. Карандаш ловко ходил по бумаге, добавляя характерные черты лица, одежды, позы. И всё это молча. На присутствующих — нуль внимания. По манере рисовать и результатам я понял, что это профессионал... Я был весь внимание — впервые вижу рисующего карандашом художника, да ещё с натуры. Когда он закончил работу, написал на листке число, — показал её натурщику. Тот похвалил — походит! Я стал расспрашивать молодого художника. Он был студентом Омского художественного училища; ездил в Салехард (Обдорск) на практику — рисунок. В его альбоме было много набросков: олени, мужчины и женщины в национальных одеждах, бытовые предметы и хозяйственные — лодки-калганки, нарты, чумы... Всё нарисовано тщательно, в деталях. Были и несложные бытовые сцены — люди у костра, на нартах, в лодке; под каждым рисунком — число, место, а иногда и фамилии людей. Теперь он возвращается домой в Омск, но учиться, пожалуй, не придётся — возьмут в армию. Я был рад такой встрече — она приятно нарушила однообразие времени в дороге. Вспомнил моё «утопическое» желание поступить в это училище летом 1939 года после окончания семилетки.

Погода стояла добрая, тёплая. Да и плыли мы к югу. Дни шли однообразно. Читать было нечего. Известия с фронта не сообщали. С питанием было плохо. На пристанях можно

было купить картофель, овощи, но денег не было. И вот мы с белогорским товарищем (Велижанин, кажется, звали) решили продать запасные рубашки в Таре. Остановка была вечером, уже стемнело. Пристань не освещалась, но торговля шла всюю. Моя рубашка была белая, в полоску, мало ношенная... Нашлись покупатели — две девчонки. В темноте, при отсвете пароходного освещения они рассматривали рубашку, переговариваясь между собой. Признали её маркизетовой. Я впервые узнал это о своей рубашке. Они решили, что её вполне можно перешить на блузку, кофточку... Я умолчал, что рубашка ситцевая. А Велижанин услужливо подтвердил, что да, маркизетовая. Сговорились о подходящей цене и, как говорится, по рукам... Это был мой первый торговый акт «с душком»... Торговать, прицениваться, торговаться я так и не научился. Видимо, был одной породы с тем стариком, что привёл свою корову на рынок, как говорится в одной притче.

Кажется, числа 15 сентября мы были в Омске. Иртыш уже обмелел. Вдали виднелся на фоне неба железнодорожный мост и песчаные отмели на левом западном низком берегу. Баржу оставили на якоре, а пароход причалил к пристани. Колонной по окраинным улицам пошли вдоль Иртыша к клубу им. Лобкова. Пару раз колонна принимала с дороги вправо — навстречу нам с грохотом и гарью от выхлопов проходили танки. Они нам показались маленькими, наверное, были старого образца...

В клубе мы были часа три. В ночь походной колонной двинулись к Чёртовой Яме — в запасной полк. Дорога грунтовая, разбитая, чёрная, непривычная глазу земля. Хотелось есть, рассчитывать, что нас там накормят, не приходилось, шли мы туда часа три... С Велижаниным я старался не расставаться, мы уже привыкли друг к другу, подружились. Были мы одного возраста, он окончил десятилетку в Самарово.

Чёртова Яма — место запасного полка, куда прибывали мобилизованные в армию всех возрастов. Здесь проходили первичную санобработку, проходили карантин, получали

форму армейскую, обучались азам военного дела. Гарнизон располагался на правом берегу Иртыша. Здесь — лесостепная часть. Постройки раскинулись широко. Вещи сдали в мешках в склад. Жили в землянках, узких и прямых — недалеко от берегового обрыва реки Иртыш. Землянки не отапливались, но даже ночами было ещё сносно. По утрам при ясной погоде к концу месяца бывали заморозки. Зарядка по утрам без рубашек. Умывались на реке, спускаясь по тропкам извилистого берегового ската к реке. Кормили в столовой летнего типа — под открытым небом. Бочок-таз на десятитерых разливали в железные миски. В обед были щи и рассольники — вкусно пахнущие. После длинной дороги, еды всухомятку такая пища была в радость.

«Гоняли» — строевая подготовка, изучение устава, караульной службы; знаки различия и воинские звания; не помню, чтобы рассказывали о политике, ходе войны, а в это время ведь шла уже Сталинградская битва. Я лично узнал об этом позднее. Впервые был в караульной службе. После полуночи стоял на посту на дальней окраине гарнизона у каких-то складов. Стоял с незаряженной винтовкой, но на ней штык. С непривычки хотелось спать; глаза сами закрывались и сознание на какой-то миг отключалось — наступал полусон. Лучше ходить: туда-сюда с винтовкой наперевес. Но при этом плохо слышны посторонние звуки — шаги, шорохи. Остановишься, прислушаешься... Время как бы остановилось... Три часа на посту — не так и много. Перед рассветом стало прохладно. Начали вырисовываться очертания охраняемого объекта номер такой-то... И, наконец, смена караула со всеми установленными атрибутами.

Были на полигоне тактических занятий. Слегка волнистая степь с редкими обломанными берёзками, кустиками, многочисленными пеньками была сплошь изрыта, вытоптана, разворочена. Тут были окопы и окопчики; пулемётные ячейки и гнёзда; пехотные — для стрельбы лёжа, стоя, с колена; окопы полного профиля; землянки для временного укрытия от дождя, снега, для перекура во время непогоды. В стороне — рвы и надолбы, полоса со спиральями Бруно; полоса

противопехотная с колючей проволокой... Полосы препятствий со рвами, условными переходами, перепрыгиваниями, перелазаниями, подползаниями... Все это предстояло осваивать: вырабатывать навык, понимать назначение их, делать, копать самим, преодолевать растерянность...

Подумалось: сколько тысяч уже прошло за этот год с лишним здесь — молодых и пожилых, неженатых и семейных, селян и горожан, местных, сибирских и эвакуированных, неискущённых в жизни, как я, и с опытом мировой и гражданской войны, всех преобразований 20-х и 30-х годов... И ведь немало уже сложили свои головы там, на фронте... Вот и наша очередь подошла...

И вот неожиданно (наверное, так в армии бывает часто) многих из нашей землянки в конце сентября направляют на уборку урожая с полей подсобного хозяйства гарнизона Чёртовой Ямы. Наверное, здесь поили, кормили одновременно несколько десятков тысяч человек призывников. Сержант могучего роста, лет двадцатидвух-трёх, был нашим начальником. Он объявил, что будет там до конца уборки. Предстояло убирать картофель, капусту, морковь и свёклу... Спать — в шалашах; работать, не считаясь со временем и погодой. Нам выдали армейские фуфайки б/у, шинели взяли с собой. Шли на место долго, с привалами. Реденькие сёла. Перелески — колкí берёзовые. Дороги наезжанные — стояло сухо. Вдали видели тактические занятия — шли учения танкистов...

Поля хозяйства были огромны. Среди полей, ближе к полевым дорогам виднелись возвышения — это были хранилища-землянки, длинные, с двухскатной дерновой крышей и двумя въездами (входами) в торцах. Работал на полях наш брат — армейцы, но были и колхозники, в основном на лошадях с телегами. Картофель возили на телегах в плетёных корзинах, реже в мешках, и ссыпали в окна продухи в стенках. Картофель хранился в ларях вдоль стен с обеих сторон хранилища.

Хотя по утрам было уже холодно и подмерзала вода, днём было тепло. Трава желтела. Листья берёз и осин осыпались при порывах ветра. Ели досыта. Спали в шалашах на сухой

траве, прикрыв вход-лаз травяным матом. Все были разделены на разные участки, и сержант распоряжался работами, переходя за день из одной группы в другую, решая разные организационные неурядицы... Реденько уходил на село — приносил вести, скудные и нерадостные, с фронта.

Так мы проработали числа до пятнадцатого... В последние дни зачастили дожди. Поля и дороги раскисли. По утрам на поле раскладывали костёрчик — жгли сухую, пожухлую ботву картофеля. Уборки было ещё много. И вот приказ — в гарнизон! А там объявили — призывников 1924 года рождения направляют в другой запасной полк. Выдали сумки со своими вещами (у кого их не растаскали и кто не успел за это время отправить домой) — и мы в Омске, грузимся в товарняк без нар. Повезли на восток. Сказали — до Новосибирска. Потянулись степи, озёрки, колки, поля... Листья уже облетели. Проехали Барабинские степи (учили по географии СССР в 7 классе: название, как бой барабана — барра-ба!!!) — камыши озёр, подмёрзшая в них вода... Кто ехал в остальных вагонах — не знаю. Но наших было, наверное, человек 300—400. Поздно вечером, уже в темноте, остановка на станции пункта питания. Команда: выходи из вагонов строиться! Кое-кто захватил свои мешки-котомки. А я не нашёл свою в темноте, была в изголовье положена на полу. Решил — никуда не денется. Пошли между составами. Земля подмёрзла. В столовой продовольственного пункта нас накормили в две смены. И вот мы снова в тёмном вагоне. Шарю в темноте — мешка моего нет... Ладно, утром найдётся... Утром осмотрел всё — нет мешка. Ребята спрашивают:

— Что ищешь?

— Свой мешок с вещами, — отвечаю. — Вчера перед уходом не нашёл. Все возбудились как-то сразу:

— Кража! У своих!!!

Один парень — омич-горожанин — боевой и расторопный, кричит:

— Ребята, у кого есть мешки — берите в руки и переходите на эту сторону — сейчас проверим. Остальные — на левую половину. Будем смотреть!

Так и сделали все. Стали по очереди вытряхивать содержимое — моих вещей не было... И вот подходит сумрачный парень, нехотя достаёт вещи, я просматриваю их и узнаю среди них свою рубашку, мешок и ещё что-то...

— Вот это моё, — говорю.

И тут все взорвались: «Вор! Куда девал остальное? Когда взял?» — И обступили с криками. Парень стоял молча, не поднимая глаз. Тогда омич крикнул:

— Ребята! Давайте выбросим его из вагона на ходу.

Схватили за шиворот. Уже кто-то начал раскрывать дверь, отталкивая в сторону за край. И тут парень закричал: «Всё расскажу...». Тайком перед выходом в столовую положил мой мешок в свой. А там после первой очереди — успел продать кое-что своё и моё... И навзрыд заревел... Все как-то обмякли. Я собрал свои вещички в мешок и махнул рукой:

— Чёрт с ним! Не вернёшь теперь... Не трогайте его...

Все разошлись по своим местам. Колпасов (он был из района Колпашево на Оби или Каргасок — не помню точно) забился в угол и так лежал до приезда в Бердск.

В Новосибирске издали видел железнодорожный вокзал — ребята показали. Говорили, что он лучший в стране, построен перед началом войны... За Новосибирском пошли сосновые леса. Выгрузились в Бердске засветло. Колонной пришли в гарнизон запасного полка.

Бердские лагеря были расположены в густом сосновом бору недалеко от обрывистого берега Оби, километрах в пяти от Бердска. После оформления дел в штабах, стрижки наголо и санпропускника нас зачислили в пулемётную роту и расположили в одной из огромных полуземлянок в левой половине. В правой располагалась пулемётная рота. Таких землянок было много — прямо в лесу, рядом. Стены были из брёвен — стена наполовину-треть в углублении, перекрытия на столбах-основах для нар покрыты тонким лесом, утеплены сверху землёй по двухскатной крыше. С торцовых сторон землянки по 2 двери — для каждой роты свой выход. Внутри — нары. Посередине на две стороны — в 4 яруса:

у спин — по три яруса. Мы с Велижаниным старались быть вместе — спали на четвёртом ярусе, там было тепло, хотя иногда и душно. Под боком — матрац ватный; сверху одеяло серого сукна, подушка ватная комом — под голову. На ночь под себя или матрац укладывали портянки, варежки, носки. К утру они подсыхали. Здесь же сушились обмотки. Вечером и утром освещение: лампа у дневального при входе в землянку, да ещё пара фитилей в конце каждой роты. Днём через оконные проёмы свет проникал, и было довольно светло... По утрам без рубашек выбегали на зарядку, чаще — бегом по кругу, затем обтирались снегом слегка и бегом в землянку-казарму обтереться полотенцем, которое было на поясе увязано на время зарядки.

Кормили в столовой-полуземлянке формой в букву «Н». Палочки — место для еды, а перекладина — кухня для обоих крыльев. На кухне вложено в печь десять огромных котлов, где варили супы, каши, заправки, кипятили чай, воду для мойки посуды... Пролёты столовой были по 50—60 метров, не менее, в торцах по входу — зашёл-вышел повзводно, поротно. В «зале» по обе стороны дощатые столы, не у всех сиденья. Днём там было светло, а утром и вечером — полутемно от редких светильников — ламп и фонарей. Когда в ноябре стало холодно, на полу намерзал лёд — капало с потолка.

Теперь мы знали, что на фронт повезут нас пулемётчиками. В октябрьский праздник приняли присягу поротно — политрук читал текст присяги, а мы хором повторяли. Сообщили, что о принятии присяги будет записано в красноармейские книжки. Командиром роты пулемётчиков был старший лейтенант Ребров, командир взвода — лейтенант из пограничников-дальневосточников, но учил пулемётному делу старший сержант — лет тридцати, большой умелец по материальной части пулемёта, наш «дядька» в повседневных делах — «помкомвзвода», как официально значился.

Строевая, тактическая подготовка шла на поле в километре от гарнизона. Поле это, как две капли воды, походило на поле в Чертовой Яме. Там у нас для взвода было две зем-

лянушки. В них можно было только сидеть. В уголочке даже печурка-чувальчик была для тепла и освещения в вечерние часы, когда было уже темно и холодно. Там разучивали уставы, теорию материальной части пулемёта. Помкомвзвода разбирали пулемёт и показывали части. Мы должны были назваться и указать её назначение. Учились разбирать замок пулемёта, смазывать его, собирать. Разбиралась теория стрельбы по целям, причины ошибок по целям неподвижным и двигающимся. Всё это в ближайшие дни показывалось на местности. По очереди в каждом взводе устанавливали в пулемётной ячейке «максим», по команде устанавливали прицел, отыскивали на местности цель и по команде «огонь» нажимали на гашетку... Как правило, один из нас был за командира расчёта, второй — наводчиком, третий — за подносчика патронов. А потом менялась цель, менялись люди... Часто с пулемётом делались пробежки на 100, 200 и более метров в сборе: один со станком, второй с пулемётом, третий с коробкой (лента и груз — 10 кг). На пути — ямы, окопы, разные препятствия — всё припорошило снегом... Руки мёрзнут от железных деталей, ноги скользят на неровностях, глаза слезятся от пара изо рта, ноздрей; но после такой пробежки становится тепло. С радостью передаём всё это следующим и бежим уже налегке дальше, дальше по полю...

Зато вечером час-полтора в землянушке был полуотдых; помкомвзвода — старший сержант — рассказывал истории из парашютной службы на Дальнем Востоке. Как важно хорошо управляться с пулемётом в боевых условиях, где счёт идёт на минуты, чтобы быстро обнаружить неисправность и пустить пулемёт в дело...

Иногда разборкой пулемёта занимались в дневное время в казарме-землянке. Тут уж каждую часть можно было пощупать. Обнаруживались умельцы как помкомвзвода, собирали замок с завязанными глазами. У меня таких способностей не обнаружилось.

Однажды в ноябре мы поднимали с берега через обрыв верёвками брёвна-восьмиметровки. В перерыв подошёл политрук — уже пожилой мужчина, казавшийся нам старым.

— и стал читать статью Василия Гроссмана «В дивизии полковника Гуртьева» из газеты «Правда». Это был рассказ очевидца о том, как дивизия переправлялась через Волгу и с ходу вступила в бой с прорвавшимися к Волге немцами. Наверное, мы впервые услышали такое откровение о трудности, бескомпромиссности солдат и командиров на поле боя в условиях городских развалин, важности результатов сражения для каждой стороны. Кажется, это было за несколько дней до начала нашего наступления под Сталинградом.

Боевая подготовка в ноябре-декабре включала и практическую стрельбу из пулемёта по неподвижной цели — 3 патрона; по движущейся и скрывающейся цели — 15 патронами. Стреляли одиночными по цели и из винтовки. Стреляли на стрельбище. В эти дни обед и ужин совмещались, спать укладывались мы раньше.

В эти месяцы я был обнаружен как ротный запевала и умелец выпустить боевой листок. Несколько раз политрук брал меня с роты, уводил в свою землянку (там он жил с командиром взвода), оставлял материал для оформления боевого листка или стенгазеты, выкладывал пять-шесть картофелин для приготовления в камине в золе печёнок и уходил в роту по своим делам. Я за два—три часа успевал всё сделать — оформить боевой листок и съесть печёнки.

А быть запевалой — труднее. Было какое-то неистовое правило — с полей в землянку, в столовую на обед и ужин двигаться с песней маршеобразной. А петь не только мне иногда не хотелось, но и многим в роте — на холоде, в напряжении, в нагрузке. Чувствуешь усталость и собачий голод, скорей бы в столовую и на нары до вечерней проверки в 10 часов. Как правило, песню начинали на ходу, на подходе к гарнизону. С полей возвращались роты, тут и там гремит песня своя, ротная, любимая, под песню и ходить, кажется, легче бывает. Зачастую при входе в гарнизон роты встречают гарнизонное начальство — дежурные по гарнизону, кто-нибудь из командиров штаба, командиры батальонов. Уж тут подвести нельзя — иначе вернут и заставят пройти мимо с песней. Да и командиру роты накачка будет. А его подво-

дить не хочется, он казался нам заботливым. Те же землянушки он как бы не видел, не ведал. А они ведь были конспиративными почти у всех. Обнаружить их даже днём среди хаоса на поле не всегда возможно было. По ротной песне узнавали, чьё подразделение на подходе. Какие песни были в ходу? Теперь уж забылось многое. «Красная армия, чёрный барон снова готовит нам царский трон», «По морям, по волнам», «Если завтра война...», «... и на Тихом океане свой закончили поход», «На марше равняются взводы. Гремит под ногами земля...», «Каховка», «Эх ты, Толя...», «Дан приказ ему на запад, ей в другую сторону...» и другие.

Я запеваю или ещё кто-нибудь. Дружно подхватывают. Проскакиваем благополучно проверку. Есть возможность пораньше проникнуть в столовую у землянки, уже посланы дежурные туда занять очередь, собрать свободные бачки, миски. Занесли в землянку матчасть — пулемёт, винтовки, лопаты, кирки. Постройлись. Раздаются команды: «Равняйся! Рота, смирно! Вместе с песней шагом марш!». И тут не зевай — запевай с первого шага левой ноги. Зазевался, понадеялся, что кто-нибудь затянет, и первые шаги роты — без песни. И началось... «Отставить! Приставить ногу! Равняйся! Смирно!». Косим глаза — миномётчики лихо прошагали мимо. Упустили время. Теперь уж мы за ними будем, а это значит, ждать придётся на улице. И снова: «С места с песней шагом марш!», — и мы запеваем, но уже не так азартно, не так дружно, как надо бы.

Случалось такое и с миномётчиками. Вечером, лёжа на «четвертом этаже» пересмеиваемся с миномётчиками (наши головы разделены только доской за изголовьем): «Вы что, черти рыжие, вперёд нас проскочили?». А те в ответ: «Зазеваетесь, так и завтра то же будет». Мотаем на ус — надо заранее сговариваться о песне, о подхвате. Питаться во вторую очередь хуже. Во-первых, надо ждать на морозе у столовой. Во-вторых, еда больше на бурду походит — все перемешано. Правда, чаще добавки бывают или сам потихоньку у дежурного выпросишь.

В бердских лагерях по-настоящему был в гарнизонном наряде — стоял на посту при входе в прачечную. При смене

караула мой напарник шепнул мне — в прачечной в печке, в золе лежат печёнки, можно есть их. В обязанность входило подбрасывать дрова в печку, чтобы утром можно было работать, женщины-прачки закончат работу и пойдут по домам.

Через полчаса после заступления на пост спускаюсь по ступеням в прачечную-землянку. Топится печка, отбрасывая переменный свет в помещение. Там, за перевёрнутыми лоханями, за паром, в полутьме моются три-четыре женщины. Распушены волосы, в рубашках, как призраки, но переговариваются, пересмеиваются. Я стыдливо отвожу глаз. Такие видения мне ещё не встречались. В золе нашёл картошку — печёнки, немного уже обуглившиеся. Выкатил на пол, остужаю. Прислушиваюсь. Окатывают друг друга, видимо совсем разделись. Беру картошки в карман, поднимаюсь вверх на пост. Через полчаса они уходят, поднявшись гуськом по ступеням. Печку не остудили, а то по утрам нельзя будет работать.

Ночь, ясно, безветренно. Морозец пронимает быстро, надо топтаться на месте. Винтовку закинул на плечо, не по уставу это. Хлопаю в ладони — грею руки. Когда становится совсем худо, спускаюсь к печи, поправляю поленья, подбрасываю один-два. Разводящий приказал: дрова экономь, лишь бы не потухло... Дрова-то наши готовят. Думается о доме, об отце, матери, сестрах. Гадают, где я. Письма всё-таки писал редко. Понимаю, что весточка нужна, если даже не успею в Бердске получить ответ из дома. Где-то друзья-одноклассники? Долго ли ещё будут обучать — к концу декабря основное уже считается освоенным. В последние дни общее настроение приподнято. Весть о нашем наступлении под Сталинградом нам сообщили прямо в поле — строили группами и какой-то начальник (в зимней форме видел впервые такого высокого звания военного) из военного округа. Он призвал готовиться к боям, овладеть военной специальностью. Вести теперь почаще сообщали в казарме, а то и в полковом клубе; даже посмотрели несколько кинофильмов днём, в выходные дни или праздник (ведь 5 декабря праздновали день Сталинской Конституции СССР).

В этот раз в караульной службе была вся наша пулемётная рота, а миномётчики-соседи дежурили на кухне. Вечером они явились сытые, даже не ходило большинство на ужин. Нам было завидно: работать на кухне считалось большой удачей, — сытно и в тепле. Что это значило на деле — узнали в конце декабря. Миномётчики в этот раз ушли в караульную службу, а пулемётчиков назначили на кухню. В седьмом часу, ещё до начала ужина, нас распределили по местам — 10 человек к топкам десяти котлов, человек 15 ушли на рубку дров-сырняка (валили лес, распиливали на чурки, кололи их на четверню, подвозили на лошади и подтаскивали к топкам). Человек 30—35 чистили картофель, капусту, резали лук; часть делали уборку в столовых, мыли посуду, а во время завтрака, обеда и ужина подносили от котлов к раздаточным окнам в посуде первое, второе (на обед) и чай. В четыре раздаточных окна разносили пищу, старшины отсчитывали её, а со стороны кухни проверяли командиры взводов и помкомвзвода дежурного подразделения. Человек пять трудились в хлеборезке. Но чаще хлеб выдавали на 10 человек и его делили на столе — десять кусков с довесками. Делили у всех на глазах; кто делил, — получал горбушку. Остальные — по жребию: кто-то отворачивался, а другой, указывая на кусок, спрашивал: «Кому?» — «Сидорову». — «Кому?» — «Петрову...».

В истопники попал и я. Мы сменили отдежуривших уже сутки истопников. Вид у них был весьма страшный: полное равнодушие к топкам — огонь еле теплился, благо ужин был почти готов; ребята устали и почти спали, привалившись к стенке; из-за пазухи шинелей и карманов торчали пайки хлеба — у котлов они и так были сыты. Кое-кто оставлял в котелках или мисках кашу — это они уже не осилили. Наши заготовители дров уплетали это с удовольствием. Им после ужина предстояло всю ночь заниматься в лесу заготовкой дров-сырняка... За каждым из нас была закреплена определённая топка, а главный повар управлял нами, покрикивая: «Два чая — шуруйте! Ещё не кипело! Каша — убавь жару! — пригорит... Котёл из-под каши от обеда — притуши

огонь. Ссейчас начнут котёл чистить — сегодня пригорело, просмотрели...». Запахи стояли в воздухе, в парах над котлами...

По тому, как начали греметь бачки, а повара разливать супы, чай, участились у окон крики: «Третья рота — получай! Химрота, добирай остаток! Санрота — считай бачки. Где хлеб для сапёров?..». Можно было знать — начался ужин, с полей пришли уставшие, промёрзшие, готовые всё и сколько угодно проглотить люди. Значит, уже была снята проба дежурным по гарнизону и санитарным врачом, и образцы её стоят в шкафу до окончания ужина.

А в это время, усевшись на скамейки, десятки наших пулеметчиков начинают чистить для завтрака, обеда картошку. Чистят ножами, сбрасывая в огромные баки. Что это будет — в суп, на пюре? — знает повар и его помощники; меню на завтра уже утверждено, и продукты получены на складе и вручную — на носилках, в мешках, берем (рыба-горбуша мороженая) и в ящиках — перетащены в склад кухни и закрыты до времени под ключ. Наша забота — быть начеку с топкой. Уже немного припасли дров — сырых, сосновых, расколотых крупно. А для быстрой топки надо иметь потоньше. Иду на улицу, во двор — колю на более мелкие. Колются дрова неплохо — сучков почти нет, проморожены. Подсказываю и ребятам про запас. Укладываю стоя против раскрытой топки, чтобы чуть подсохли хотя бы сверху — лучше возьмется огнём...

К концу ужина, не выходя в зал, ужинаем. Повара наливают каждому в котелок или миску — будем сыты. Предупреждают, чтобы не потухло в топках — растопить вновь не так просто... Часам к десяти шумы стихают — ужин закончен. Приятное тепло разливается по телу — клонит ко сну. Дремлем накоротко. Уже котлы вымыты; счищены пласты пригоревшей каши (от обеда). Пришлось по очереди перегибаться внутрь котла, а на дне очищали когда — ребят удерживали за ноги, так глубоки котлы. Все эти оскрѣбки поглощены нашей многочисленной братией с кухни и из леса.

Залита в котлы вода шлангом, постепенно прогревается на медленном огне. Пришли из леса заготовщики дров и ото-

греваются в нашей кочегарке после сытного ужина с разными добавками.

После полуночи команда по котлам: «Начинай шуровать супы и чай!». Часа через два: «Прогрей воду для посуды». Бачками засыпается картофель, крупа, когда вода для этого поспела. Пар закрывает нас от кухни... Стараемся держать огонь во всю силу. Важно не прозевать с дровами, пока большой огонь в топке. Слышно, как черпаки шаркают по бокам и днищу котлов. Вот и закипело... Значит, сварится ко времени. А где-то в котле варится заправка — мука, жир в виде киселя. Её добавляют в котлы, когда супы сварятся полностью, почти перед раздачей... Часам к пяти пища готова. Повар кричит: «Супы, чай — держите огонь ровно! Можно передохнуть... Смотрите, чтобы к обеду были наготове...».

И так до 6 часов вечера, времени передачи следующей смены, как и мы, пришедшей с надеждой досыта поесть, побыть сутки в тепле... К концу смены усталость до предела — ведь почти сутки без сна. Есть уже не хочется! К топкам — равнодушие, скоро смена!

Весь наряд с кухни уходит к семи часам — редко кто ужинает — с пайками от обеда и ужина в кармане. А в казарме укладываемся спать, спать... Изнанка этого наступает ночью — кого-то рвёт, кто-то «почту гоняет» (прослабило). Сказывается необычная для пищеварения нагрузка...

Утром миномётчики «скулят» над нами: «Ну, как подежурили на кухне? Спать нам не давали — «козлов кормили!» (т. е. рвало — не успевали с нар соскочить).

Скажу, что с учётом военного времени нас кормили неплохо: регулярно, довольно разнообразно, но объём казался недостаточным. Не учитывался объём — особенно страдали люди крепкого телосложения от природы, для поддержания формы им так не хватало еды!

В самом конце декабря или в первых числах января 1943 года в подразделение принесли газеты. Я был дневальным, и время для просмотра было. А материал был интересным — в Красной Армии вводилась новая форма (повседневная

и парадная) и новые воинские звания. Две или три полосы газеты полностью были заняты фотографиями этих погон и других знаков воинского отличия — армейских, воздушных, военно-морских частей, их описанием и правилами ношения. От рядового до генералов, адмиралов и маршалов. В этой же или другой газете были фотографии мундиров, головных уборов... Погоны, да ещё золотые для парадной формы... А ведь у нас было понятие «золотопогонники» — это «белые», враги заклятые... Не укладывалось в голову, особенно трудно воспринимали люди средних лет, которые «золотопогонников» сами видели. Газету затаскали до дыр. Все примеривали форму, погоны для себя, для помкомвзвода, для взводных и ротного...

Не думали-не гадали, что генерала во всём блеске новой формы мы увидим в ближайшее время... А сами мы получили форму и погоны к лету 1943 года уже в действующей армии. Радостные известия из-под Сталинграда создавали хорошее настроение — надежда, что новый год будет для народа и армии более удачным. Непонимание, почему союзники не открыли в 1942 второй фронт, несколько смылось известиями об их победе в далёкой Северной Африке...

Все мы в разговорах приходили к мысли — наступает и наш черёд.

31 марта—Июня 1981 г.

По дороге на фронт

Середина января — вторая половина марта 1943 г.

Стояли январские ясные, морозные дни. В сосновом лесу было безветренно. Настроение было тревожно-приподнятое. Писали письма домой, чтобы знали о решительных переменах в нашей жизни. Нас начали готовить к отправке. Всех постригли «под Котовского», вымыли в санпропускнике. Мы оделись во все новое: нижнее белье, верхнее. Пуговицы, хлястики были кожаные. Выдали новые валенки (О, радость — ноги в тепле!), по 2 пары фланелевых портянок. Шапки с шерстяными подшлемниками, варежки с перчатками. Шинели. Мне досталась приятного зеленоватого цвета английского сукна. В вещмешках лежали запасные портянки, котелок и стальная фляга в чехле. Ремни — тканеплетеные тоже с гужиками из сыромяти. Все это занесли в красноармейские книжки.

Наконец, нас построили (все роты, подготовленные к отправке). Наверное, теперь мы походили на солдат, хотя бы внешне. Перед нами выступил генерал (многие видели лично впервые, да еще в новой форме, при погонах!) из Сибирского ВО. Суть выступления: воинам-сибирякам командование доверяет добить немцев в Сталинградском котле. Отправляют нас в ближайшее время.

А поздним вечером — построение со всеми вещами. С нами попрощались, напутствуя, командир роты Ребров, командиры взводов. Рядом то же происходило у соседей-минометчиков. Построились в колонну по четыре — и марш

на станцию Бердск на погрузку. Вагоны-телятники стояли на запасном пути. Развели по вагонам по 40—50 человек. Началась погрузка. Мы залезали в вагоны, помогая друг другу. В вагонах стояли печки-буржуйки, они были не топлены. По обе стороны у стен нары дощатые в два яруса. Освещения нет. И вот погрузка закончена. С ротой едет наш помкомвзвода — один на три вагона. Толчок паровоза — и мы поехали. Прощай, Бердск в середине января! Прощай, Сибирь-матушка! Увидимся ли еще...

Я плохо разбирался в обстановке, а ребята-омичи еще рассчитывали увидеться с родными по дороге на запад. Остановка. Мы на сибирской магистрали... И снова поехали. Лежим на нарах, прижавшись друг к другу. Мешки под головой, одна из лямок одета на руку — чтобы не потерять, не забыть... Задремали. Едем уже с час — скоро Новосибирск должен быть. Вдруг в вагоне какой-то шум. Двери вагона слегка раскрывают, выглядывают... Знатоки обнаружили: едем не на запад, а на восток. Все говорит об этом. И расположение рельсов на путях, и Полярная звезда должна быть справа, а в окошко ее видно слева по ходу поезда. В чем дело? На ближайшей остановке узнали — она расположена на восток от Бердска. Зачем нас везут на восток? Все повскакивали, возмущены — нет ясности. Все узнали к утру. Помкомвзвода сообщил: везут на ст. Юргу — весь состав. Снега забили железнодорожные пути, станции, разъезды — застопорилось, замедлилось движение. Грузы военного назначения и хозяйственного задерживаются. Будем расчищать в Юрге — важном железнодорожном узле.

В Юрге мы работали с неделю. Лопатами, ломami кололи стоптавшийся, затвердевший лед. В первую очередь на пересечении рельсов, у стрелок. Погода стояла тихая, морозная. Однажды подошел эшелон, в нем люди из Средней Азии — в халатах ватных, шапках мохнатых — выглядывают из вагонов. Несколько человек с чайниками медными (домашними) побежали к кипятилке за горячей водой. Бегут, а на ногах обувь — какие-то тапочки, да штаны летние. Бегут-бегут — и присядут, холод пробирает. Набрали кипят-

ку — и обратно также. Куда везли их — не знаем. Говорили наши — на работы мобилизовали, наверное. После войны, уже жили семьей, Нюся говорила, что в Челябинске на ЧТЗ, да и на других предприятиях много было людей (в основном средних лет — 35—40) из Средней Азии.

На одном из кирпичных станционных зданий из красного кирпича увидели отлитую пластинку с текстом «...установлена в память о революционных событиях 1905—1907 гг.»

Кормили нас на продовольственном пункте горячим два раза; на вечер выдавали сухим пайком. На буржуйке не варили, а чаще концентрат и пайку хлеба съедали всухомятку. Нашей заботой было поддерживать огонь в печке, топили каменным углем — брали на станции или с проходящих эшелонов, если они останавливались. Спали на нарах, не раздеваясь, только иногда снимали шинель и закрывались снизу, со спины и сверху... Шутили: «У солдата три шинели: одну — подстиляет, второй — закрывается, а третья на стене висит».

Через неделю — двинулись на запад. В Новосибирске повели в огромный санпропускник — баню; несколько этажей — прожарочная, от шинели до нижнего белья; мытье — огромный цех с каменными скамейками, кранами холодной, горячей воды, душем... Выходили для одевания. Там на выкаченных из прожарки каркасах висело наше имущество — остывало. Металлические пряжки ремней обжигали. Сыромятные гужики на брючных ремнях, пуговицы — все съезжилось, не протащишь... Ночью эшелон отправили из Новосибирска. Кое-кто успел воспользоваться остановкой здесь — сообщили о своем проезде через Омск в ближайшие дни. И надо сказать встречи у счастливых состоялись: кого встретили у эшелона, а кто на смелился заскочить и домой, если жил недалеко. Рассчитывали, что если и отстанут догонят на попутном. Сказывалась городская сметка, умение найти выход. Для нас, деревенских, эти расчеты были темным лесом. Правда и эшелон наш продвигался медленно, с остановками не только на узловых, но и на разъездах. Кормились хлебом или сухарями, концентратами каши (рис, пшено; вместо сахара — иногда брикет киселя), консервами. Од-

нажды получили консервы «Частик» Самаровского консервного комбината. Этикетка была. Это была встреча с родными местами. Вспомнилось, как мы в октябре 1941 года работали с неделю на комбинате...

В Челябинске были в конце января. Нас поставили на запасные пути, объявили: дорога перегружена, пропускают и отправляют грузы первой необходимости — в Челябинск — коксующиеся угли из Кузбасса, военные грузы... На вокзале — пусто. Стояли сильные морозы с ветром. Редкие прохожие, уткнув носы в воротники или прикрывшись варежками от ветра, с заиндевелыми ресницами, усами, воротниками спешили по своим делам. И еще — в стороне стоял человек с протянутой рукой в варежке — просил милостыню... Но люди проходили мимо, не останавливаясь. Это потрясло меня...

В вокзале было сравнительно тепло илюдно... Здесь можно было переждать, обогреться. На продпункт нас водили раз в сутки — не хватает продовольствия, не успевают подвезти... Сводили в баню — шли долго, за город, вдоль путей.

В Челябинске у меня жили родные, сестра Мария Щелкунова на ЧГРЭСе, с семьей. На улице Сони Кривой — тетя Анюта (сестра отца) Николаева с семьей. Где-то в Челябинске жила и тетя Маня Беринцева с семьей — тоже сестра отца. Но адресов у меня не было, даже письмо я не мог написать. Не видел я их с лета 1929 года... У тети Мани сын Василий перед войной служил на западе у Белостока, и вестей от него не было. Об этом она писала тете Поле. Домой я написал, что едем на фронт, проезжали через Челябинск...

И вот приносят в эшелон радостную весть. По радио сообщили — под Сталинградом немцы уничтожены, взято много в плен, из них — 22 генерала. Мы были рады безмерно, но и огорчены — опоздали... Юрга задержала... Сообщение нас всех подбодрило: наша начинает брать... Обсуждали, комментировали, что знали о тех местах; делали предположения, конечно героические... Не знали мы тогда о фактическом положении ничего — информация газет и радио была недостаточной, да и та до нас все эти осенние-зимние меся-

цы не доходила. И о попытке Манштейна выручить окруженных не знали ничего. Не было под рукой ни карты страны, ни других источников... Да и считали, что такая подробная информация не полагается. Ведь везде были вывески-плакаты — «Не болтай — враг подслушивает!» с предостерегающим пальцем и огромным ухом врага...

Наконец, получив продукты в продпункте, мы двинулись дальше. С интересом наблюдали в окошко или приоткрытую дверь, как переваливаем через Южный Урал — эшелон проталкивался с паровозом-толкачем. В котловине — Златоуст — родина булата. Остановка. В котловине морозно и тихо. Дымы из труб столбом тянутся вверх.

Уфа — остановка. Кажется, погода стала сразу теплее. По дороге вдоль полотна идут женщины с санками, котомками, зачастую — в лаптях. Это для меня была новость. Лаптей я не видел почти. От Урала к Волге — местность всхолмленная, местами очень высокое полотно дороги железной. Видны чаще деревни, а в них церкви — мечети. Из Уфы наш путь лежит на Куйбышев. На каком берегу он — я так и не понял тогда. Днем на станции пригревало бок вагона, но было еще холодно. А на путях составы, составы... Видели и санитарные составы. К Куйбышеву подъезжали вечером — подолгу стояли на запасных, пропуская эшелоны. Не помню, долго ли там пробыли. Дальше путь лежал на Пензу. Запомнилась Сызрань, видимо название... А в Пензе мы задержались надолго. Сначала несколько дней стояли на подходе, а затем эшелон поставили на крайний путь, справа шла шоссе уже в черте города и домики пригорода. Никто не объяснял, почему стоим. Через день-два водили на продовольственный пункт и кормили горячим. В остальные дни — сухой паек. Стоим неделю, пошла вторая... Скоро день Красной Армии. Нас повели на концерт в зал вокзала. Мест для сидения было мало, и большинство сидело на полу. Выступало человека три: эвакуированный музыкант-старичок рассказал о музыке, ее значении в жизни человека. На пианино демонстрировал разные гаммы — минор, мажор; звуки-подражание, звуки-настроение. Видимо для большинства

из нас такая беседа была впервые. Я слушал со вниманием. Вспомнился наш учитель пения, тоже эвакуированный музыкант... А затем исполнил музыкальный этюд, содержание которого рассказал нам... Вслушивайтесь, и вы услышите шопот листвы, пение просыпающихся перед восходом солнца птичек. Пастух зовет рожком выгонять коров на луга, и они мычат. Лают во дворах собаки... Просыпается день. Называлась эта вещь «Утро в деревне».

Старичок уселся за инструмент. И мы притихли, вслушиваясь в поток звуков. И ведь обнаруживали голоса, сомневаясь и радуясь, как бы пробираясь на ощупь. Такое дело было впервые. За это мы наградили исполнителя громом аплодисментов. Затем была пара коротеньких шуточных этюдикиков... Выступили певцы под пианино, под гитару... Запомнилась песня «Чилита», игривая и уверенная... Певец в годах немного жестикулировал, а при словах «...понравился ей парень из нашей пекарни», он большим пальцем правой руки указал куда-то за плечо... Это вызвало дружный смех — реакция была мгновенной — молодец, Чилита, голодной не будет... Это была реакция на трудное, полуголодное для многих время. Мотивчик запомнился, и часто в вагоне кто-нибудь мурлыкал его, вызывая улыбку. Подшучивали друг над другом, когда разваривали на печи свои концентраты или открывали консервные банки (на двоих) для еды: «Не собираетесь ли Чилиту пригласить?».

Кое-кто уже протоптал дорогу на городской базар. Днем начинало притаивать; сводили в баню; дни шли однообразно. Наш помкомвзвода принес весть — наверное простоим до начала марта, нет распоряжения, куда направлять...

23 февраля нас вывели на площадь к какому-то парку, поздравили с праздником. Мы дружно кричали «ура» по-уставному... А затем прошли до главной улицы города, и мы, построившись в колонны по восемь, с песнями прошли по улице города... Народ был в недоумении — такие «парады» в военную пору в Пензе, думали мы, бывали ли?.. А через пару дней в том же парке нам зачитали приказ Верховного главнокомандующего — Сталина. Приказ был длинный, чи-

тали долго; переминались с ноги на ногу, слушали с интересом. Впервые узнали более подробно о Сталинградской битве; что осенью наши отступали до Кавказских гор; а теперь бои отодвинулись к Донбассу, Харькову... Пробита дорога к Ленинграду... Радость была большая... Началось долгожданное наступление на запад. Дело в том, что среди нас были в эшелоне и старших возрастов — ленинградцы тоже были, с Украины... Одного мужчину-ленинградца считал полноватым на лицо. Оказалось, что он болел дистрофией в окружении, его эвакуировали, и вот он снова едет на фронт. Он не знал о судьбе своей семьи так же, как и ребята с Украины... И снова кричали «ура!!!» от души...

Долгое стояние на одном месте имело ряд последствий. Первое. По вечерам из вагонов все чаще стали разноситься песни. Видимо, душа требовала разрядки — ведь думалось о родных, близких, о войне, о своей судьбе... Пели «Ермака», «Галю», «...Днепр широкий», «Славное море, священный Байкал» и другие протяжные, немного печальные... Находились знающие стихи Есенина «Письмо к матери», «Письмо матери». Иногда текст был неполон, но содержание хватало за душу... Для меня это было открытие, ведь кроме фамилии поэта и оценки его творчества, как упаднического, и личности, «не нашедшей дороги в новой жизни», я ничего не знал... Созвучны были нашему положению и заботы матерей о нас и невозможность ответить лаской родным...

Пошли в ход и блатные песни — мотивчики — задорные, бесшабашные, жалобные.

Второе. Хотя уходить от эшелона нам не полагалось, но все-таки удержать было трудно. Узнали по солдатскому радио, что продукты для сухого пайка получают на два-три дня, а для поездки надо не менее, чем на неделю. Что эшелон стоит на запасных путях уже около месяца. Чтобы его вытянуть на проходные пути, требуется время. Значит, для получения продуктов с продсклада, для маневров требуется 4—5 часов. Этого вполне достаточно, чтобы пошляться в городе, на базаре, сфотографироваться и... продать кое-что из обмундирования! Да, продать или обменять за углом

киоска, складика, забегаловки новые валенки свои на поношенные, в придачу — рубли. Пошли в ход белые перчатки, портянки запасные фланелевые... О таких операциях знали немногие, вначале не догадывался и наш помкомвзвода... Уже несколько отчаюг задержали патрули и передали начальнику эшелона... И из нашего вагона были обменщики. На доплату, как правило, покупали что-то из еды или фотографировались... Насмелился и я. На базаре ко мне подошел парень в черных поношенных валенках (не подшитых!). «Махнем?», — спросил он. Я отчасти был готов к такому началу, ребята рассказывали. Отошли за угол. — «Примеривай мои!». Примерил, подходяще... Он достает десятки, уж не помню сколько. Беру их и сую в карман. Одеваю его второй валенок, нагнув портянку, — и в разные стороны... Сначала хотел сфотографироваться, но дело шло к вечеру, очередь, да и получать через день-два... Решил пройтись по рынку. И все деньги проел — картофельные лепешки, стакан молока, еще что-то... И на фотографию не осталось. А так хотелось послать домой...

Возвращаюсь. Осматриваюсь — валенки, как валенки; тоже черные, не домашние... Только сзади чуть разрезаны сверху: парень был пониже меня. В вагоне у дверей помкомвзвода нашего брата встречает. Поднимаюсь в вагон. Посмотрел — все в порядке. Залезаю на верхние нары, уже лечь собрался, слышу голос помкомвзвода: «Вишняков, когда же ты успел валенки так износить? Пятки-то скоро проносятся...». Наверное, я смутился, покраснел... Все было ясно для старшего. На базар я больше не ходил... Наверно не один десяток перчаток, подшлемников, портянок, новых валенок и серых и черных осталось в Пензе.

И третье. На одном месте мы стояли почти месяц, вот уже и начало марта. Начинает таять, на путях станции особенно — все черноватое: пыль, мазут, разные отходы из топков (зола, шлак)... Но вытаивали и нечистоты, которые мы еженощно, да и ежедневно оставляли («заминировали») на путях, на откосе в сторону шоссе, под вагонами... В февралe еще частично все это скрывал снег, а теперь все обна-

ружилось. Всем эшелонем пришлось нам «грехи» ликвидировать. Старшой сообщил, что у начальника эшелона могут быть неприятности в связи с этим...

И вот наступил день, когда вдоль вагонов пошли осматривающие — постукивают молотками, крышками букс, подливают масло в камеры... Из двух вагонов — в наряд, за продуктами. В мешках тащим через пути сухари, концентраты, консервы... Значит отправка! И вот в ночь мы поехали. Поехали ходко, настоялись в Пензе. Мы не знали причину столь долгой задержки нашего эшелона по дороге на фронт; догадка пришла позднее... Но понимали, что таких случаев во время войны было немного... Уже в запасном полку рассказывали, как прямо с колес — на передовую, в бой.

Ночью слышим — скрип в буксе. Все усиливается... Приоткрываем двери — из буксы заднего колеса летят искры, правда редко... Буксы горят!!! Это опасно... Ребята решают навернуть тряпку и поджечь ее, чтобы на повороте, изгибе дороги махать огнем — может, машинист заметит, замедлит ход. Так и делаем, но ход не снижается. А в буксе — скрип, искры летят... Мы волнуемся. К счастью — остановка на разъезде. Ребята бегут к паровозу, сообщают. Приходят мастера, подбивают паклю; спрашивают — осматривали ли состав в Пензе перед отправкой... И, уходя, сказали: «Кто-же это из вас надумался всю подбивку вытаскать из буксы? На растопку, видно, тянули?». Когда они ушли — поднялся шум. Мы договаривались в Пензе из букс паклю не трогать, только обмакивать тряпки в масло. Наверняка соседи по вагонам вытянули...

Поезд до Ртищево дотянули. А в Ртищево эшелон развернули, вагон наш вытянули, прицепили спереди пульмановский вагон и поместили там. Вагон казался нам огромным, холодным — тепла от него не хватало. Нары были с одной стороны... В Ртищево (или Поворино?) мы впервые услышали ночью воздушную тревогу. Вдруг послышались паровозные гудки — тревожные, многочисленные. Старшой крикнул: «Воздушная тревога! Всем оставаться на своих местах!». Послышались с разных сторон хлопки зениток. А через не-

многое время — и гул самолета. Раздался воющий, противный звук — это падала бомба, взрыв. Но не близкий. Вагон слегка как бы обдало воздухом... А через пару минут — отбой! Не слышно ни зениток, ни шума самолета. Всего одна бомба была брошена... Мы еще долго молчали. Так вот как это бывает! А ведь всего одна бомба, да еще и далекоовато упала. Да и ночью не видно, куда бросили. Да и самолет-то наверное на разведку летал... А если... Как могло быть, мы еще не знали, а на утро пошли байки, смех. Один рассказывает: «Смотрю, сосед мой, когда залаяли зенитки, начал шарить свой вещмешок. Спрашиваю его — зачем он тебе сейчас понадобился. А он говорит — сухари еще там остались, надо съесть, а то убьют, так и останутся...». Второй дополняет: «Когда тревога началась — мы лежали с Сашкой рядом, прижались, боязно. Вот сейчас бомбежка начнется... А как бомба завизжала да взорвалась, нас обоих, как по команде, с верхних нар на нижние какая-то сила переметнула — спастись на нижних нарах решили...». Смех. Разрядка.

Все еще было не ясно — на какой фронт нас везут. Старшой видимо тоже не знал. Но в Поворино положение определилось — поехали на юго-восток, значит в сторону Сталинграда...

Стояли солнечные деньки. На разъездах, станциях стало видно больше воинских частей, автомашин, грузов на площадках, платформах... Началась прифронтовая полоса. Все чаще попадали эшелоны санитарные...

Однажды на ходу через открытую дверь на снегу под откосом мы увидели труп голого человека. Как и почему он оказался там? Еще одного — в том же виде... не можем понять. Брошен вроде недавно... На ближайшей остановке все прояснилось. Наш эшелон остановился, а рядом стоит тоже товарный. И часовой с винтовкой расхаживал вдоль вагонов... Мы раскрыли двери. Часовой понял, что мы едем на фронт впервые, не обстрелянные, «зеленые»... Кричит:

— Хлопцы! Желаете живых немцев посмотреть?

— А где они?

— Да все вагоны пленными немцами забиты. Из под Сталинграда вывозим, — сообщил солдат. — Смотрите! —

Он распахнул наполовину двери, там были пленные: исхудавшие, в разной одежде — укутаны ноги, головы; накинута какие-то капюшоны маскировочные, грязные. Увидев нас, они как бы отшатнулись — так неожиданна была эта встреча. Рывок. Двери захлопнулись. — Мрут, как мухи, отощали... Кто умрет — разденут и на ходу выбросят. А одеждой укрываются...

Так вот как трупы оказались в канавах, и голые... Вагонное окошко медленно опускалось на ремне — из окна показались любопытные из немцев. Интересно же было им узнать — какой силой еще располагает Красная Армия? Кто будет противостоять тем, кому придется сдерживать Восточный фронт вермахта...

Где-то с половины пути до Сталинграда эшелон пошел медленнее. Дорога была однопутная. Начались степные районы с балками, оврагами, редкими остатками селений, разъездов... Еще везде лежал снег, но уже сильно таяло днем. Это были места, до которых фрицы не дошли, но где было сосредоточение наших тылов фронта; все эти места были изрыты, разбомблены, приспособлены к условиям прифронтовой полосы...

Все ближе Сталинград. Эшелон идет все медленнее. Все чаще останавливается: на одной из остановок увидели такую картину. Рядом с полотном в южную, правую сторону простиралось поле под снегом. Но угадывалось — это поле боя. Везде лежали какие-то ящики; разбитые орудия; там и сям — лошадиные трупы, видимо и людские. Мы высыпали из вагонов. Любопытство брало верх — не найдется ли какое оружие — наше или немецкое... И находили потом рядом с путями — замороженное в подтаявший снег, извлеченное из-за ящиков с боеприпасами или еще черт знает с чем... Уже бегут вдоль эшелона сопровождающие. Кричат: «По вагонам! Место заминировано!». Но кое-кто из эшелона видимо успел ухватить огнестрельное... Повезли дальше, тихо, осторожно...

И тут случилось то, что никак не ожидалось. Послышались выстрелы — стреляли из винтовок — одиночно. Но хлоп-

ки были хорошо слышны. Даже грохнул взрыв — видимо кто-то бросил гранату в степь... Минут через десять эшелон снова остановился. Нам приказали выйти из вагонов. Старшие осмотрели нары, углы, чтобы ничего не осталось... Впускали в вагон по одному, предупредив, что в случае чего дело пахнет трибуналом... И все-таки мой друг Великанов успел вытащить затвор из немецкой винтовки и спрятать в вещмешок, а винтовку выбросил в окно еще до проверки. Мы долго потом бились над этим затвором, старались его разобрать. И он его все-таки разобрал, допек. Был этим доволен... Еще долго спорили кричали. Наверно наш «стреляющий эшелон» был необычен со стороны. Благо в степи никого не было — ни жителей, ни селений, ни войск. Степь была мертва, прикрытая снегом.

Недалеко от Сталинграда на одной из станций в вагон подседа женщина с котомкой. Она из здешних мест, из деревни. Ездил посмотреть, что осталось. Едем мы по местам, где немцы наступали, а потом были в окружении, пока их не оттеснили в сторону Сталинграда. Мы слушали, притихшие. И вообще, после Поворино песни стихли. Аппетит пропал... Шутки поубавились...

К Сталинграду приехали как-то сразу, из степи. Еще ранее — далеко в степи — виднелись береговые склоны реки. До них было километров двадцать — там был Дон. А теперь справа виднелась на фоне вечернего неба огромная покатая высота. Впереди показалась та, левая, сторона Волги — тополя вдоль берега, дали серые, почти бесснежные. И темный лед реки. Паровоз повернул направо и потянул вдоль Волги. Пути были восстановлены еще совсем недавно... Кругом — остовы вагонов, какие-то сгоревшие остатки на площадках, разбитые постройки, искореженный металл. И все это среди грязи, луж, мутных потоков воды. Надо всем стояла туманная испарина. Очертания терялись. Наступила ночь. На остановках почти не видно людей — военных, гражданских, больше — железнодорожники... Ночью были в Бекетовке. Утром миновали Красноармейск. Слева скрылась Волга. Дорога пошла в степь... Еще лежал снег. Железнодоро-

рожные войска раскидывали его из канавы вдоль путей, выбрасывая на снежный бруствер трупы наших и немцев. Ведь в бою каждый стремится иметь прикрытис. И для наших бойцов и для «фрицев» полотно было таким укрытием. Полотно было совсем невысоким — место-то степное, ровное. В степи были видны какие-то поленницы. Возможно подобранные трупы... Ведь здесь шли с конца лета до нового года страшные бои. На полдороги до Котельников стали попадаться немецкие танки, сожженные, подбитые — ближе к полотну и в степи... Снег теперь лежал уже в оврагах... Везде следы еще недавних боев... Миновали Манычское озеро, в камышовых зарослях (помнилось по географии за VII класс). На станции «Гигант» в кучах горело зерно; таяло; дым стлался по окрестностям... До Ростова оставалось не более двухсот километров...

За время пути из Пензы мы изрядно пообтерлись, понатерпелись и обовшивели. Откуда они только брались... Думали, как будем по грунтовым дорогам в валенках — ведь днем грязь, лужи... Но это было еще впереди. Все думали, как бы скорее попасть в часть. Теперь-то мы почти наверняка знали — везут на Южный фронт, за Дон.

На фронте

Южный фронт, конец марта 1943-го — начало июля 1943-го.

В последней декаде марта в 1943 году наш эшелон из пятидесяти вагонов по полсотке в каждом рано утром прибыл на станцию километрах в 30—35 от Батайска. Стояло хмурое, ветреное утро. Снега на полях уже не было видно, только кое-где в оврагах-балках. Быстро выгрузились из вагонов, почти наспех получили сухари и концентрат — кубики каши, приладили вещевые мешки и походной колонной с интервалами двинулись по вконец разбитой дороге в сторону Батайска. Все мы были в валенках, к утру лужи подстыли и движение было более-менее упорядоченным.

К полудню стало теплее, появились лужи, грязь. Колонна расчленилась на небольшие группы; двигались по обочинам дороги, выбирая место посуше. Валенки промокли — идти стало труднее. Там и тут валялись искореженные, сожжённые остатки военной техники и снаряжения — немецкой и нашей. Двигались с небольшим отдыхом весь день. На ходу жевали сухой паёк — сухари и кашу-концентрат. К вечеру устали, а до Батайска было ещё далеко. Было странным — нас почти никто не догонял, ни на автомашинах, ни на лошадях. Надо учесть, что ходить мы разучились; только от Челябинска до этой станции мы пробыли в вагонах почти два месяца. Последние километры уже в темноте «тёпали» с трудом: валенки были тяжелы, да к ночи они снова стали смерзаться.

Поздно, часов в 10—11 дошли до Батайска, сгруппировались. В районе железнодорожной станции слышались паровозные гудки. Город лежал в темноте — соблюдалась све-

томаскировка. Это уже была прифронтальная полоса. Долго шли по улицам с одноэтажными домами. Наконец, в большом деревянном зале летнего клуба наша группа человек в 250—300 расположилась спать на полу — вповалку... Помещение не было натоплено, но мы были тепло одеты и рады были этому пристанищу. Перед рассветом на окраине слышались взрывы бомб, стрельба из зениток, тревожные паровозные гудки — это был налёт немецкой авиации. До линии фронта за Ростовом оставалось 25—30 км.

С рассветом мы разбрелись по прилегающим садам, незаселённым усадьбам собирать всё, что могло гореть, — надо было в котелках разварить концентрат (человека на 2, 3, 4), попить горячей воды с сахаром. Всё это выдали нам утром.

Было приказано всё закончить за один час, остальное время находиться в помещении и не демаскировать себя с воздуха. Днём тоже были налёты на железнодорожную станцию, но всё это было достаточно далеко от нас.

После обеда, часа в четыре (ещё было светло, день был безоблачный) вышли из Батайска по шоссе на Ростов. Справа вдоль шоссе шла железная дорога, но движения по ней не было: мост на Дону был взорван, да и дорога была во многом разрушена... Движение здесь было сильное: в сторону Ростова нескончаемо двигались конные повозки, пехота, реже — автотранспорт. Слева, в сторону Азова и у устья Дона желтели заросли камышей... А впереди в дымке — Ростов, за рекой, на право берегу. Перед вечером на город был налёт немецких самолётов, ухало крепко и глухо, кое-где над развалинами домов виднелся дым.

Почти стемнело, когда подошли к Дону правее железнодорожного моста, перейдя через полотно железной дороги. Дон ещё был покрыт льдом, потемневшим и, видимо, рыхлым и малонадёжным. По льду были выложены доски-плахи многими ручейками от берега до берега. На той стороне чернели развалины города, на фоне пожаров и неба — трагичными силуэтами. Железнодорожный мост громадой нависал над рекой слева от нас. Не знаю, был ли он уже восстановлен.

Сгруппировались на правом берегу уже в темноте, на улице, что шла на север и по которой начиналось шоссе

на Новочеркасск. Долго шли по улице-дороге. Пахло гарью. Почти все дома были разрушены. Наконец, вышли в степь. Выяснило. Начало подмерзать, но было тихо. Идти легче — не так жарко. И снова колонна распалась на группки, растянулась. Такой ход более удобен, но скорость передвижения замедляется. Шли всю ночь, направление было одно — на Новочеркасск. Чуть притулишься на обочине передохнуть — промораживает быстро. То и слышатся команды: «Не спать! Встать, вперёд!».

К утру отдохнули в необжитых глинобитных или саманных домишках, полуразрушенных, без стёкол, косяков и полов... Местность — холмистая, с редким кустарником; дорога — разбита, грязна. Так передвигались и днём, мелкими группами — друзья, знакомые по вагону. Устали, многие отстали — натёрли ноги... Ещё засветло пришли в Новочеркасск. Там, видимо, стоял штаб армии (узнал позднее, после войны). Отставшие подходили ещё долго...

Ночевали в классах какого-то учебного заведения — трёх- или четырёхэтажного. Не кормили. Нас было так много в каждой комнате (классе), что даже вповалку улечься было трудно. А ночью выбраться по нужде можно было только ползком или шагая по спящим. Было всё — и ругань, и смех, и ссоры... Ночью было жарко и глухо. Спать было неудобно, но спали — брала усталость.

На следующий день нас повели в баню, мы не были в бане с Пензы — дней двадцать с лишним, завшивели. В городе водопровод не работал. Нас перед мытьём предупредили: дадут на всё про всё по тазику воды полугорячей. Перед мытьём остригли ниже пупа, дали по кубику чёрного мыла; помазали какой-то вонючей тёмно-коричневой жидкостью волосяные покровы тела. С этими украшениями нас впускали в моечное помещение. Кто рассчитывал, что ещё дадут воды — просчитался: развёл грязь, а смыть было нечем, надо было мыть только голову и смыть мазь вонючую. Смиловившись, по ковшу ещё наливали... К тому же в моечном помещении было прохладно.

Недалеко был базар. Пока остальные мылись — мы бродили под навесами, смотрели, что продают. Скучно было на

прилавках: макуха, семечки подсолнуха, лепёшки из чего-то... Но это купить было не на что — в карманах было пусто.

Вечером двинулись в Радионово-Несветаевское — в нашу дивизию трёхсотую, в полки. Шли дорогой вдоль степной речки ещё севернее Новочеркаска. В логах ещё кое-где лежали остатки снега, льда. На первом привале в маленьких костерках из полыни грели или кипятили (если удавалось) воду, ели сухари; кто-то успел сварить концентрат каши. И снова шли всю ночь. Утром были на месте. Хаты села стояли в садах, ещё голых и черных, неприветливых. Нас, пулемётчиков, распределили по батальонам полков пехотных и развели в подразделения; началось оформление красноармейских книжек — сделали записи (дивизия, полк, батальон), сообщили почтовый номер 04042, часть X. Сообщили, что нужно отписать к родным домой о прибытии в действующую армию, чтобы знали, куда писать». Накормили горячим из полевой кухни (суп пшённый с тушёнкой — вкусно! каша перловая — «дробь барабанная» — и чай!).

Часть стояла на отдыхе — выведена с передовой после стабилизации фронта на р. Миус после наступления в январе-феврале-марте. Бросалось в глаза — малочисленность подразделений — рот, взводов. Ждали пополнения. Вымыли и в походной бане. В брезентовой палатке воду подавали по трубам на душевые распределители, могло вымыться до 20—30 человек. Всё бельё прожарили в бочках-автоклавах так, что гужики на ремнях и пуговицы на брюках сжались-съежились: так что застегнуть бельё было трудно.

Выдали ботинки, обмотки, но зимнюю форму ещё оставили. Видимо, командованию батальона было интересно узнать, как мы обучены. Две роты (неполные пехоты) и нашу пулемётную роту (несколько расчётов пулемётных) повели на тактическое занятие на всхолмлённую местность. Мы перебежками следовали за наступающими пехотинцами (из пополнения — рядовые, командиры отделения — из «стариков»), падали, устанавливали пулемёты для стрельбы, но не стреляли. А через час устроили стрельбу из пулемётов по мишеням. Метрах в трёхстах в окопах сидели бой-

цы и поднимали на 10—15 секунд мишень над окопом, надо было за это время дать очередь. Если было попадание — мишень поднимали над окопом... Наши успехи были скромными.

Итак, мы теперь в боевой части, в действующей армии. Кто-то спрашивает, нельзя ли перевестись в разведку — разведчики были окружены славой; их жизнь казалась менее регламентированной, вольной...

Спали в хатах, на полу — на соломе или кукурузных будылях; портянки подстилали под себя, чтобы за ночь они высохли. Мы начали писать домой весточки, но писать было не на чем — бумаги было мало.

Через несколько дней часть вывели во второй эшелон обороны, на ровное поле со жнивьем. Оборону заняли ночью. Позади виднелись полуразрушенные хаты какого-то хутора. Днём сквозь изморозь и туман в двух-трёх километрах проглядывали возвышения, береговые обрывы или склоны оврагов, там была наша передовая по левому склону реки Миус. А на той стороне были немцы.

По полю со жнивьем изломанной линией в полроста шёл окоп, он заканчивался блиндажом-колодцем, сложенным из железобетонных полутораметровых балок. Амбразура для пулемёта — в сторону противника. Но пулемётов у нас ещё не было винтовки с парой обойм. Приказ — днём в рост по полю не ходить! Кормёжка — один раз в сутки — вечером, как стемнеет. На день давали сухари, но маловато. Объясняли — на Дону половодье, продовольствие поступает с трудом. Варим уху из сазанов с крупой слабо очищенной, слабо посоленной — соли тоже не хватало. Времени было много. Днём хорошо пригревало, и над жнивьем шёл волнами прогретый воздух. Днём отсыпались, ночью по двое дежурили в блиндаже у амбразуры. Иногда ночью под утро нас проверяли, как мы несём службу...

По партийному поручению

С июля 1946 года в Заречном я был единственным коммунистом. И только по приезду на работу нового директора детского дома Акимова Александра Семеновича нас стало двое, а потом трое — с лета 1947 года, когда прибыл на должность завбольницей вояка-санинструктор. На собрания мы ездили в Малый Атлым на лодочке — один в гребях, второй — на корме, третий пассажиром. Собрания проводили в помещении Совета на втором этаже. Это был еще крепкий старый купеческий дом, за тридцать лет повидавший многих хозяев.

В первичной организации нас было человек 12—15: начальник почтового отделения Медведев Н.В., председатель рыбкоопы Будылгин П.Х., председатель Совета Моисеев, секретарь Совета — жена Будылгина; несколько матлымских рыбаков; я с Акимовым А.С. Кандидатом в члены ВКП(б) была Доровина Антонина — деваха из местных...

Секретарем был Медведев Н.В., довольно добродушный мужчина, глуховатый; говорил негромко, кратко, была в нем настойчивость в деле и принципиальность. Обсуждали вопросы в основном хозяйственные — выполнение планов по рыбодобыче, сенозаготовкам, содержанию скота в зимний период, торговле. Вопросы подготовки к выборам и их проведения; подписка на заем; о работе изб-читален, медпунктов на территории Совета и другие.

Вскоре Медведев обнаружил, что мне не представляет труда написать протокол собрания более-менее грамотно: записать суть выступления коммунистов, подредактировать постановление. И я надолго стал неофициальным «писарем» по оформлению и переоформлению протоколов. Выберут

вести собрание партийное одних, запишут они на черновик, а оформлять протокол мне передают... Вот и сижу, пишу. Акимову скажет, чтобы выделил время для этого, если написать надо было срочно.

...Лето 1947 года было полноводное — вода поднялась высоко, протоки разлились, затопило гривы, а потом и кусты подтопило. Широким потоком по луговой стороне катилась вода... Только самые высокие места виднелись узкими полосками.

Шел июль. Вот-вот ожидали, что вода станет на меру, а значит и начнется рыбалка. Готовы ли рыбаки к началу этих работ? Видимо в Совете была нужда знать состояние дел на местах. И вот меня посылают в командировку в Захарку — юрты километрах в пятнадцати на луговой стороне, а в них — рыбартель. Председателем артели была Дятлова Парасковья, а муж ее был бригадиром рыбаков.

Медведев сообщил: «Ехать надо на лодке, попроси у Акимова пару ребят надежных. А в Захарку вас подбросит рыбоучастковый катер. Он мимо пройдет дальше, а вы на ходу отцепитесь у юрт. Надо узнать все — готовы ли неводы, сети... Где думают рыбачить, где плашкоуты надо ставить, когда рыбалка начнется?.. Как рыбаков снабжают?.. А Дятлову Парасковью... Кажется, Ильиничной зовут-величают, привезете с собой, послушаем ее на партийном собрании. Утром подъезжайте к рыбоучастку, я уже договорился насчет вас...».

Утром, часам к девяти, мы были на месте. Лодку взяли в артели, а гребцы — ребята из детдома поехали с охотой.

На реке шел вал, дул низовой, но это нас не беспокоило: лодка причалена тросом за кормой, а мы — в каюте...

Перевалили Обь. Качало. Катер шел под углом, волны накатывались справа и чуть с кормы. Зашли в Поснокортскую протоку, а потом «нырнули» влево и где-то вышли на Полуденную протоку. Часа через два на узкой полоске земли показалась Захарка — с десятков домиков; конюшни без клока сена на поветях; шатры — из плавника и кустарника; вешала. По берегу носились собаки — видели посто-

ронний народ. Дальше вдоль берега протоки виднелись кусты, течение было сильным. Капитан катера посоветовал: «Сбавим ход — отцепляйтесь! Если будете ждать — завтра к утру пойдем обратно с плашкоутами мимо — прицепитесь... Самим не перевалить — за день Обь раскачается...».

Мы благополучно подгрести к берегу, сошли. Покачивало, два часа на волнах. Так бывает часто. В домике, где жила Дятлова, аккуратная молодая женщина, было тепло, уютно и чисто. Встретили нас приветливо, выслушали просьбы. А потом рассказала, что рыбаков в Захарке почти никого нет — выехали к месту лова «калатить» и ремонтировать запоры. Там и снасти. А насчет выезда в Матлым сказала:

— Ждать катер до утра не будем. Поедем в вашей лодке после двенадцати ночи, ветер притухнет немного к утру... Как доберемся до Оби — может до солнцевсхода и перевалим. А нет — дождемся катера. И с ним перевалим.

Так и порешили. Ребята улеглись на полу отдыхать. Я пошел по берегу протоки. Горного берега было не видно. Куда ни посмотришь — вода, трава, вытянувшаяся на сорах по течению; кусты по колено в воде.

Действительно, поздно вечером ветер ослабел; течением быстро успокоило гребни валов — можно было ехать. К двенадцати чуть притемнело — погода была обычная. Уселись в лодку. Решили ехать напрямик — по сорах с общим направлением на Матлым. Дятлова эти места знала хорошо.

Едем; переехали сора и соришки; протоки; пробираемся через гривы с кустарником — для нашей лодки глубина достаточная... Часам к трем заподувало. А к солнцевсходу, когда мы выехали к берегу против Атлыма — низовой ветер всюду трепал тальник и кусты на береговых, откосах и гриве. Воздух был необычайно чист. Матлымская гора в зеленой шапке кедрача, строения на берегу от здания Совета до калмыцкого поселка казались рядом — рукой подать, но двухкилометровая полоса реки яро пенилась гребнями волн; переваливать было нельзя. Между затопленными кустами и деревьями мы заплыли выше и решили здесь ждать подхода катера. По нашим расчетам он тоже должен был переваливать отсюда...

Солнце не выглядывало из-за низких облаков, на ветру было холодно. Что делать? Ребята мерзнут... Решили: заплывем вглубь затопленной гривы, наберем с кустов и деревьев сухих сучьев и устроим костер на полотах из сучьев над водой — хотя бы немного обогреться. Так и сделали. Не без труда разожгли на настиле костерчик. Он быстро разгорелся — искры несло в нашу сторону. Нам пришлось поставить лодку с наветренной стороны. Тепло обогревало понемногу — стало веселее. Скоро настил прогорел; остатки костра рухнули в воду. Но мы успели слегка перекусить. И тут услышали отдаленный, то громче, то тише, шум катера.

Идет! Скорей к берегу, чтобы нас увидели, чтобы не прошел мимо... Быстро выезжаем. Шум приближается. Вот он — до него не более полукилометра. За катером два ныряющих на волнах плашкоута: ветер давит в их высокие борта — они парусят... Но что это? Катер пошел на перевалку... Опоздали!!! Машем веслами — возможно увидят... Нет, не видят... На катере не до нас: его и плашкоуты бросает с волны на волну так, что нам страшно, и мы уже больше беспокоимся за них. И вдруг плашкоуты совершенно беспомощно запрыгали на волнах, а катер стал от них удаляться. Да, их оборвало, видимо, лопнул канат-буксир. Кто-то высочил из каюты — машет в сторону катера рукой. А плашкоуты под напором ветра понесло против течения к берегу, к тальнику. Катер делает разворот направо и возвращается обратно к плашкоутам. Женщина-шкипер успевает бросить якорь, чтобы посудыны не выбило на береговую мель. Вскоре и мы подъехали: привязали лодку, перебрались на плашкоут. Недалеко от нас на якорь стал и катер — прибрежный тальник не дал выбить посудыны на мель.

Буря продолжалась весь день. Весь день я с ребятами валялся на прогретом солнцем мхе. Дятлова ушла в каюту к шкиперу. Рассказывали разные истории. От нечего делать отыскивали среди водной стихии девятый вал. А я про себя думал: дома беспокоятся, знают, что мы где-то на этой стороне — сухого места нет... Представил, как бы нам пришлось «кукарекать» вчетвером на лодке...

К вечеру ветер переменялся и стал стихать. Благополучно перевалили. В рыбоучастке встретился с Медведевым: он ждал нас, беспокоился. От почты и конторы рыбоучастка было видно, что катер с плашкоутами на причале... Распрощавшись с ним и Дятловой, на своей лодке направились домой, в Заречное. Там на берегу я отдал остатки продуктов ребятам, и они побежали в детдом, полные впечатлений: такую бурю на реке они видели впервые...

Подходил к концу июль, вода на реке нехотя стала на меру, но все еще не сбывала. Пришло время покосов и рыбной ловли на сорах и протоках, а план III квартала был на нуле. Меня снова направили в командировку на дальний участок рыбородобычи в сторону Лорбы — на рыбацкий стан у запора.

В этот раз я поехал один: неизвестно было, сколько я там пробуду — день, два, неделю... Было сказано: надо дать знать, как начнется спад воды и рыба пойдет из соров — у завесок начнется лов рыбы неводами.

В артели взял лодочку-душегубку. Их готовили в пром-артели — двухносые, с распорами из досок и одним сиденьем, они действительно могли душу загубить при неосторожном плавании на них или, по крайней мере, искупать. На них удобно было грести двухлопастным веслом. В носовую часть вбил гвоздь и закрепил им цепь. Дома собрали мне продукты: пару буханок хлеба, немного сухарей, сахара, чай, бидон (рассчитывал собрать смородины). Одежда полетному — пиджак, сапоги кирзовые, кепка — погода стояла теплая. Рыбоучастковым катером из Матлыма забрасывали на дальние участки покосников — везли сенокосилки, конные грабли, вилы, косы, хозяйственную утварь. Все это было загружено в два неводника. До покосов было часа четыре езды. Катер шел по протокам, в основном по течению. Я присматривался, стараясь запомнить характерные места. «Так как обратно добираться придется на лодочке», — думал я, — «по крайней мере, до Оби». К концу пути проехали пару сенокосных стоянок — люди только еще устраивались, по гривам бродили лошади, отмахиваясь хвостами

от пауков и комаров. Наконец, катер убавил ход. Мне указали в сторону, где среди сора виднелся низкий островок с избой в густом тальнике. Вдали маячили стойки сорового запора... Я отвязал лодочку, сел в нее и отчалил.

Встретили меня на берегу мужчины, женщины, несколько мальчиков. Я поздоровался и объяснил бригадиру, зачем приехал. Из разговора выяснилось, что рыбаки жили здесь давненько: ремонтировали запор, ставили завески, а теперь ждут спада воды. Это должно наступить со дня на день. А пока два-три раза в сутки смотрят завески, чистят от тины и мусора, поднятого водой. Рыбы почти нет — она гуляет на сорах. Но на еду добывают...

Рыбаки (в основном — ханты) жили в бараке без окон, с открытым проемом дверным. Посредине стоял грубо сколоченный стол на распорах-крестовинах. Еду и чай варили на костре. Спали в палатках, натянутых вдоль стен. Дети жили тут же. Комаров на острове было не так много — ветер его обвевал со всех сторон.

Вечером, когда все уселись за стол есть уху, я вынул из мешка буханку хлеба и стал нарезать себе кусок-два для еды. И тут я заметил: все как-то странно смотрят на меня. В чем дело? Выдали глаза детей: они с жадностью смотрели на хлеб, на только что отрезанные куски... Я повел глазами по столу — хлеба ни у кого не было. Я смущенно передал хозяйке булку и попросил разрезать на всех. Чай я тоже отдал на общий стол, а сахар достался ребятишкам...

На следующий день мы ездили с рыбаками к запору, смотрели завеску — набрали на уху к ужину. Чайки реденько сидели на запоре. Недалеко на якоре стоял неводник с набраным неводом. Бригадир оставил на ночь дежурить рыбаков: контрольная метка за ночь поднялась над уровнем воды — значит вода хорошо спала, на 4—5 сантиметров. Это значит, что рыба вот-вот пойдет из соров в протоку через горловину сора, где установлен запор с завеской... У всех было какое-то возбужденное состояние: ужин прошел торопливо, доели остатки хлеба и сухари; мужчины и женщины побыстрее залезли в палатки, видимо раньше укладывались спать.

Перед утром слышались крики сторожей: «Пошла! Рыба пошла!!!». Все повскакали, быстро оделись, спешно направились к запору. У завески крутились чайки. Все распределились по своим местам: женщины — в гребни; мужчины — выбрасывать невод, править лодкой; бригадир — «на пяте» — среди береговой травы, почти по колено в воде. Остальные стояли у места притонения, ближе к завеске. Начался первый заброс невода. Женщины дружно гребут; согласованно с движением неводника выбрасывается невод: от «пяты» тянется плавным полукругом шнурок поплавков на верхней тетиве невода. Невод выброшен, и лодка устремляется к месту притонения — от конца крыла в воду ложится веревка, за нее будут подтягивать невод. Вот уже выбирают длинное крыло — реденько видны запутавшиеся в ячейках щуки, язи... Мотня уже выровнялась — там непрерывно кружатся чайки, ловко бросаются в воду, выхватывают рыбешку и улетают, глотая на ходу... Приближается пятовщик. Сомкнулась тетива нижняя — теперь рыбе некуда уйти, нижняя тетива с грузилами тянется по дну. Мотня все ближе; в замкнутом полукружии невода все чаще всплески рыбы... И вот то, что стало уловом — в мотне. Подводят небольшой неводничок — и рыбу из мотни переваливают туда. Все радостно переговариваются, кричат — напряжение ожидания прошло. Начался долгожданный лов, а это — еда, заработок, выполнение плана, продукты на «целевое». Это работа без отдыха: надо успевать, пока рыба будет какое-то время задержана завесками у запора. Устаешь черпать...

Все, зачем меня посылали в командировку — на виду, можно ехать обратно с долгожданной вестью. До позднего завтрака-обеда сделали несколько заметов — уловы увеличивались. Рыбу размещали в садки — до прихода катера с плашкоутами. А я собирался домой. Бригадир подсказал, как добраться до Поснокорта; женщины положили в нос лодки несколько распоротых, подсоленных рыббин и прикрыли травой. Я бросил в лодку сумку с пустым бидончиком и потащил лодку по траве до воды. Обернулся. Повариха и ребятишки махали руками, я тоже махнул им и поплыл на прото-

ку. Обратный путь был почти до самого Поснокорта против течения, ехать пришлось вдоль берега. Погода стала меняться — потянул ветер, стало прохладнее. И там, где порывы его были вдоль протоки — появлялись крутые волны. По берегам виднелись кое-где кусты смородины, и я решил остановиться и побрать ее в бидон.

Пристал к берегу. Весло оставил в лодочке, цепочкой прикрепил ее к кусту у самого обрывчика, а сам пошел брать смородину. Через полчаса бидончик был полон, для наших будет хороший подарок... Возвращаюсь к лодке, а ее нет. Не то место? Нет, вот этот куст! Ба, да и цепочка тут — конец ее в воде. Где же лодка? Сорвало течением с гвоздя... В сердце — тревога. Пробежал метров двадцать ниже по течению к повороту реки... Вот она!!! Недалеко от берега, из-за нависших кустов видна. Если упущу время — течением снесет за кусты к повороту. А там ветром будет относить к середине реки, прибьет к тому берегу. При таком течении едва ли переплывешь... Что делать?

Времени на раздумье нет. Возвращаюсь на старое место. Сминаю на самом берегу траву, ставлю бидончик, чтобы было с реки видно; спешно раздеваюсь и тоже рядом с бидоном укладываю — одежду, сапоги... На всякий случай... Лодку из-за кустов уже отбивает к середине. Расчет такой: плыву по течению к лодочке, хватаюсь за нос или борт и гребу к берегу. Залезть в лодку на плаву нельзя — слишком мала «душегубка». Вода тоже не так тепла — долго в воде не продержишься, да и течение быстрое.

Плыву. К счастью, из-за кустов на мысу волны почти нет. А под тем берегом — есть. Меня уже подхватывает течением и тащит к лодке. Но она, чертовка, как перышко, вертится в зависимости от порыва ветра — гонит даже против течения. Мне не успеть за ней, если промахнусь... Приближаюсь к ней, гребу против течения, но все равно сносит. Совсем близко... Но вот опять вильнула и резко отошла в сторону... повернулась носом к ветру и замерла на месте. Напрягаю все силы, надо ухватить ее, иначе... Еще, еще... Плыву на боку, так удобнее, ты на одном уровне. Только не от-

стать, успеть до порыва ветра... И вот я хватаюсь за боковую доску у носа. Все — наша взяла! Но пока шли маневры, я уже выплыл на середину протоки, а тут такое течение... Помаленьку подгребаю к берегу, благо ветерок помогает, но все-таки вместе с лодкой сносит к повороту реки. Ну и пусть, там сяду нагишом в лодку и доеду до куста, где цепочка висит... Вот и ноги касаются земли у обрыва. Я прижимаюсь к берегу, не выпуская лодку, и расслабляюсь ненадолго — перевожу дух... Осторожно переваливаюсь через борт, сажусь и — весло в руки — пошел! Вот он новый землепроходец — нагишом... С трудом объезжаю кусты, силы поубавилось, но холода не замечаю... Вот и куст с цепочкой. Надо лодку зацепить на гвоздь в носу лодки. А, вот в чем дело: гвоздь отшатало, он повернулся, и цепь выпала — снялась с него, когда лодку стало ветром отбивать. Что же? «Сама себя раба бьет, что не чисто жнет», — говорила в таких случаях мать. А тут дело совсем плохо могло кончиться: только одежда и бидончик, да плавающая лодочка-душегубка могли кое-что пояснить... Цепочку на кусте едва ли кто усмотрел бы...

Меня бьет дрожь... Быстро одеваюсь и минут пять с напряжением приседаю на одном месте, и в лодку. Гребу веслом что есть силы — надо согреться до поту.

Через полчаса слышу: где-то идет катер; звук такой, как у зареченского «Стахановца». Вот он появляется из-за поворота — тащит пару неводников. Они замечают меня: лодочка-то артельная, да и отец знает, что я где-то здесь должен быть. Катер делает поворот — мы почти рядом. Отец кричит: «Не ездь через Обь, там буря! Жди в Поснокорте, через две ночи будем там. Едем полозья рубить за березняком...». Я кричу, что у меня все в порядке... Катер пошел дальше... А я продолжал продвигаться к Поснокорту. Представил картину: вот они встречаются на протоке артельную «душегубку» с веслом в ней; возможно, на берегу приметят одежду и бидон. Причалят... Горько думать — отцу все станет ясно. Он-то знал, куда и на чем я поехал. Да и одежда моя... Эта возможная драма из-за неряшества в деле (не ук-

репил как следует гвоздь) всю жизнь у меня в голове стоит, и я ее помню до мелочей...

В Поснокорте был поздно вечером, в сумерках. Попросился переночевать. Хозяйка затопила железную печурку, напоила горячим молоком. Спал я на полу и простуды еще добавил — дуло из всех щелей пола. Утром начался кашель, голос охрип. Ждать попутчиков не рассчитывал: кто меня возьмет с лодкой на борт. Надо ждать наших. Купил в магазине еды, сахару, чай — пил горячий густой напиток. Наконец, наши вернулись. Лодочку подняли в неводник, полный березовых стволиков для полозьев, оглобель и дуг. Меня принесли на катер в каюту — кашлял от простуды... Через пару часов мы были дома.

За ужином я рассказал, как все было. Мать ахнула и чуть не плакала. Отец молчал. На другой день Нюся решила прогреть меня в бане. Простуда постепенно прошла.

А в Матлым секретарю я послал записку, что рыба у запора на Осиновом острове начала ловиться два дня назад...

Как я ездил медаль получать

В мае 1975 года я летал в Игрим, в Управление строителей-монтажников газопровода — пробивал решение о пристрое к зданию школы. Обрато вернулся часов в пять. Иду мимо дома Поздняковых, и вдруг мне застучали в окно. Захожу, а там целая компания. Все уже слегка навеселе. Оказывается, отмечают День Победы. Расспросили, какие результаты поездки — дело-то всех интересовало, т. к. материальное положение школы было тяжёлое — площадей не хватало... Пока рассказывал — уж и место мне приготовили, и с праздником поздравили.

Начались разговоры, воспоминания фронтовые и прочие. Зашёл разговор о наградах: за что награждали; как и где приходилось их получать; что многие и не знали, что награждены, а если и знали — не получили их в части: убит, ранен, запомывал часть, время...

И тут я сорвался. Говорю, хотите послушать, как я ездил медаль получать — «За отвагу». За бои в Донбассе летом 1943 года. Все закричали: «Давайте...». Я уже тоже был в настроении. Думаю, расскажу всё в юмористическо-драматической манере, всё начистоту. Впервые так рассказывал. И понесло... Через пяток минут овладел вниманием, особенно женщинам было интересно: Вишняков и такие «чудеса» с ним случались...

Была середина августа 1945 года. Мы жили в авиагарнизоне Гресс-Диркаиле, на берегу Балтийского моря. На Дальнем Востоке началась война с Японией. А у нас шла демобилизация старших возрастов. Пошёл слух, что будут демобилизовать досрочно, как специалистов: учителей, шахтёров, других крайне нужных специальностей. Я написал

заявление на имя заведующего Остяко-Вогульского округа, чтобы мне выслали документ, подтверждающий мою специальность: это было официальное распоряжение из штаба БАО. «Ответ придёт не скоро, — думал я, — дорога дальняя». Это было заманчиво. Сколько ещё придётся служить на общих основаниях, никто не говорил. Домой о возможной демобилизации я не писал, но мысль о встрече с родными не покидала меня.

Вспомнил, что за участие в боях в июле 1943 года нам говорили, что представлены к награждению, что мне полагается медаль «За отвагу». Но как её получить ещё до мобилизации, если получу документы? Да и до отъезда она была бы кстати. Вот у старшины Семина «Слава» III степени, а у меня нет боевой награды...

Был слух, что в Раушене стоит штаб II гвардейской армии в неё входила наша 87-я стрелковая дивизия летом 1943 г. Нельзя ли попытаться узнать там в наградном отделе. Поговорил с Семиным. Он одобрил это и мы в ближайший свободный день решили побывать там. Я получил разрешение на поездку у ст. лейтенанта Еремеева — начальника гарнизонного Дома офицеров, а Семин выправил в штабе документ на увольнение до 20 часов, где было сказано: старшине Семину (с ним один человек) разрешено увольнение в Раушен до 20 часов, подпись дежурного по части, число, печать. Значит, я числился при Семине как «один человек», без звания, фамилии.

До Раушена добрались на попутных. Места были знакомые. В Раушене я уже был не раз. Курортный городок на северном побережье Земландского полуострова. Широкая, свободная планировка в сосновом лесу. Одно-двухэтажные коттеджи с разнообразными балконами, верандами, лоджиями, мансардами. Асфальтовые дорожки. На берегу пляж со всеми атрибутами. Картинная галерея с остатками картин маслом — в основном пейзажи этих мест. На пляже — пусто, редкие военнослужащие. Немцев нет, пустынная даль моря, размеренный шум волн. Походили, посмотрели. Немцев, видимо, выселили из Раушена. Прекрасное курортное место. Совершенно не пострадавшее от военных невзгод.

Наконец узнали, где расположен наградной отдел армии. Зашли. Я показал свою красноармейскую книжку, сотрудник записал фамилию, имя, отчество, год рождения и часть, где я служил летом 1943 года, и велел зайти минут через 10—15. Действительно, через минут десять передаёт мне листок папиросной бумаги (продавали такие наборчики в военторгах), а на нём запись: «За отвагу» — приказ, номер, год, месяц, число.

— А как получить? — спросил я с наивной надеждой, что и получить можно тоже быстро. Ответ его не лишил меня надежды, что получу медаль до демобилизации, но и не удовлетворил. Теперь я знал точно, что награждён.

— Из части, где служишь, сделают запрос, а мы вышлем. Было бы что получать...

Я бережно положил тонюсенький листок в красноармейскую книжку и вышел. Недалеко от дома, под соснами, Семин угощался пивом из бидончика — угощают красноармейцы из гарнизона. Все горячо поздравили меня.

Но что делать дальше? Все решили, что запрос из части — дело долгое. Нельзя ли получить быстрее, лично? Вот знать бы, где стоит наша дивизия, поточнее. Нам уже рассказали, что она дислоцируется на восток от Раушена, в глубине полуострова. В ту сторону часто едут повозки, фуры по шоссе. Может, возьмут, подбросят меня? А как с отпускным документом? Ведь там фамилия Семина, а я — с ним «один человек». Ну и что, у меня есть красноармейская книжка. Всё выходило подходяще, но сомнение было. Семин решительно протянул мне отпускное удостоверение, сказал: «В штабе скажу, что отдал тебе — поехал награду получать в части».

Я свернул документ и положил в красноармейскую книжку, а потом положил в карман, где лежала моя кандидатская карточка, завёрнутая в целлофановую бумагу. Мы пошли в сторону от шоссе.

Вскоре показались подвозчики на трёх повозках. Они пообещали подвезти в сторону Кранца. Я запрыгнул в заднюю незагруженную фуру, помахал Семину рукой и развалился

на брезенте. С часик я ещё осматривался — куда едем? — а потом задремал. В правом боку что-то покалывало, ныло — видимо, с пива, которого выпил-то с полкружки. Ехали мы не скоро — то шагом, то лёгкой рысцей. Видимо, уснул от размеренной езды. Разбудил меня окрик:

— Эй, сержант, вставай! Приехали. Мы сворачиваем. Я огляделся: солнце уже скрылось, была ночь, но светлая, как у нас на севере. Шоссе с деревьями по обочине, поля. Где я?

— А мне куда направляться?

— Прямо по шоссейке часть стоит, это недалеко.

Я вылез из повозки, отряхнулся. Ездоки свернули влево на грунтовую дорогу. Я остался один. Было прохладно. Ожидать до утра смысла не было. Лёгкая зорька на западе потухла — стало темно.

Двигался по шоссе, не совсем уверенный, что примут меня в части в объятая как долгожданного... Среди ночи. Вскоре вдаль показались редкие огоньки, видимо, там селение. Я прибавил шаг. Знал, что меня должны окликнуть. И всё-таки это произошло неожиданно.

— Стой! Кто идёт? Часового не было видно.

— Пароль? — громким шёпотом спросили из темноты.

— Не знаю.

— Руки вверх! Стоять на месте, — резко хрустнули оттуда же. Я поднял руки. Послышался негромкий разговор, видимо, решали, как со мной поступить. С обочины дороги поднялся человек.

— Оружие есть?

— Нету...

— Иди сюда!

Я подошёл; руки вверху — весь на виду. Солдат с автоматом на плече провёл обеими руками по бокам одежды от плеча до колен.

— Опустить руки. В самоволке был?

— Нет, — ответил я, — из другой части.

Второй часовой, не вставая с обочины, распорядился:

— Веди в караулку, там разберутся.

И вот я перед начальником караула. Часовой уже доложил, что задержанный шёл по шоссе, пароль не знает, оружия нет.

— Документы есть? Почему двигался ночью?

Я выложил всё, что было в кармане и коротко рассказал, как оказался вдали от своего гарнизона. Лейтенант распорядился: ремень, обмотки и обувь снять, до утра спать на нарах.

Выполняя распоряжение, улёгся на нары, где спала смена. Да, попался кур во щи. Ведь меня наверняка принимают за дезертира. Вот тебе и медаль. И документ увольнительный чужой. Подозрительно. Правда, лейтенант, рассматривая фотокарточку в кандидатской, вроде признал меня с тем, кто на фотокарточке. Но там я остриженный наголо, худющий. Да и фон — кирпичная стена. А в общем я знал, что со всеми задержанными поступают так, по уставу караульной службы. Ладно, что не в кутузке.

С невесёлыми думами я всё же уснул. Утром накормили, как и всех свободных от наряда. А через полчаса прибыл сержант с автоматом на шее, как я понял из разговора, из «Смерша». Перепроверил документы мои, отдал ремень и обмотки, оформил на меня расписку и повёл меня по назначению. Контрразведка помещалась вдали от поселения, на немецком хуторе — зелёном островке среди полей. Остановились у крыльца здания. Часовой у входа доложил сержанту, что старший лейтенант ждёт: «Заходи, докладывай».

Сержант с документами зашёл в помещение, оставив меня под присмотром часового. Я подумал: долго меня тут не задержат. Сейчас не военное время, связь не так занята. Созвонятся и выяснят, кто я такой, и распорядятся забрать меня. Конечно, скандал. ЧП для гарнизона — старший сержант в самоволке. Было стыдно перед старшим лейтенантом Ерёминым — начальником гарнизона Дома офицеров. Минут через десять меня ввели в комнату. Впереди за столом сидел старший лейтенант — «опер», как говорили в армии. Часовой доложил: задержанный доставлен для допроса. Опер долго рассматривал меня, перебирал документы. Видимо, вид у меня был растерянный и виноватый, тем более было непо-

нятно, как гвардии старший сержант пошёл на грубое нарушение устава. Нет, надо основательно выяснить, что это за личность, думаю, так думал он обо мне.

Часовой стоял у двери, переминаясь с ноги на ногу. Начался допрос. Вначале опер предупредил меня под роспись, что я буду отвечать за ложные показания, за сокрытие правды. Я расписался в начале протокола. А дальше начался диалог: вопрос-ответ-запись, иногда после уточнения. Фамилия, имя, отчество; год и место рождения; кто родители, где проживают, чем занимаются; когда переехал на север Омской области. Ага! в 1930 году! Выслали? За что? Значит, раскулачили... Опер оживился: тут что-то может быть. Дальше: где учился, где призывался, где был в учебном запасном полку, когда прибыл на фронт, часть, был ранен... Как оказался в заградотряде; в штабе заградотряда. Я рассказывал, не особенно торопясь, но и не вдаваясь в подробности. Опер внимательно слушал — записывал и всё. И тут я в его руках заметил полулисток, на котором ещё осенью 1943 года было дано разрешение на допуск меня к работе с документами в штабе заградотряда. Тот самый документ, который я выдрал из папки, когда уничтожали все бумаги (сжигали на костре) по акту-описи. Вот до чего довело меня тщеславие: как же, Вишняков секретные документы в руках держал, не лыком шит...

Видимо, заметив на моём лице растерянность и беспокойство, старший лейтенант довольно сурово сказал:

— А теперь расскажи подробно, как этот документ оказался у тебя. Совершенно секретный, — подчеркнул он голосом с расстановкой.

Мне стало не по себе: вот когда у нечестного дела сошлись концы с концами. С волнением в голосе я рассказал всё, как было.

— Как же ты решился на это? Ведь тут ясно сказано, кому этот документ направлен. — Он зачитал. — «Командиру 255 заградительного армейского отряда капитану Школьникову».

— Но там говорится... — промямлил я... Старший вспыл, быстро выскочил из-за стола:

— Мальчишка! Будь военное время, не сносить бы тебе головы по своей дурости. Самое малое — познакомился бы со штрафбатом. — Он несколько раз прошёлся перед столом и снова сел на место. Дело двигалось медленно, а не всё ещё было выяснено. — Рассказывай, как оказался в расположении?

Я неторопливо рассказал, как со старшиной Сёминым ездили по одной увольнительной в Раушен, как я узнал в наградном отделе о награждении меня медалью «За отвагу» ещё в 1943 году, как я надумал поскорее получить медаль и поехал с попутчиками; как один оказался на дороге ночью и вышел на пост...

Опер записывал. Наверное, ему стало ясно, что дело обычное; диверсией и шпионажем не пахнет. Но нарушение Устава — серьёзное: изъятый документ — допуск к работе при штабе — и увольнительная на чужое имя.

Закончив писать, старший лейтенант объявил: «Прочитай и подпишись на каждом листке внизу за свои показания». Я не стал читать, что написано и расписался на каждом листе. Допрос закончился. Меня вывели на крыльцо. Солдат принёс котелок с едой, кусок хлеба и ложку. «Рубай, сержант, пока кормят», — сказал он. Я начал есть, но аппетита не было. Голова трещала от заботы: чем всё это кончится? Подвёл своего начальника... Сёмину тоже влетит — отдал да отпустил меня с документом на своё имя. Вот так «получил медаль»!

Через полчаса снова ввели в комнату. Опер вручил красноармейцу с автоматом на плече пакет и сказал: «Будешь сопровождать в штаб, — куда — не сказал, видимо, место знакомое, — передашь под расписку арестованного и пакет. Вернёшься — доложишь!». Повернувшись в мою сторону, добавил: «Не вздумай бежать, и так наделал глупостей... Отправляйтесь!».

Мы двинулись. Я впереди в 3—4 шагах, а сопровождающий позади — с автоматом на шее. Я понял, что дорога ему была знакома. Шли напрямую по тропинкам через поля, перелески, пересекая дороги — шоссе и просёлочные — в об-

щем направлении на север. И ни разу не шли через селения. Разок остановились передохнуть. Солдат молчал, мне с ним разговаривать было не положено.

Погода стояла прекрасная — конец лета. Стеной стояли хлеба, кое-где даже сжатые в снопах. Красные черепичные крыши контрастно смотрелись на тёмной зелени деревьев и картофельных полей. Идти было легко. Я с интересом смотрел на незнакомые места, меняющийся пейзаж. Солнце клонилось к западу.

И всё-таки мы разговорились на остановке. На вопрос, как я попал в «Смерш», я рассказал коротенько про свою вчерашнюю «одиссею».

— Значит, тебе нет смысла бежать, — сказал он.

Я с недоумением посмотрел на него. А он добавил:

— Мне больше дезертиров сопровождать приходилось. Опер предупреждал — держи ухо востро...

«Какие дезертиры? Война кончилась три месяца назад, — подумал я, — тут что-то не то. Темнит...».

За полчаса до прихода до места потянуло холодком, морем. К запаху моря мы уже привыкли в гарнизоне. И вот мы в городке. Какой? — так и не узнал за дорогу. Доставили на второй этаж, поднялись по лестнице со двора, офицер получил пакет с документами, написал расписку.

— Как в дороге? Осложнений не было?

— Всё в норме, товарищ капитан, — ответил сопровождающий. — Разрешите отбыть.

По звонку явился сержант. Капитан распорядился, чтобы меня поместили в КПЗ. Но не рядом с теми, что сидят, а через камеру. «Эге, — подумал я, — видать дорога в Гросс-Диршкаим будет не скорой».

Повели во двор. КПЗ — во дворе. В проходной предложили снять обмотки, ремень, снять пилотку. Пришлось вывернуть карманы брюк — нет ли острых предметов (ножа, бритвы), а также бумаги, карандаша... Дежурный ввёл меня через небольшой, замкнутый с оградой из колючей проволоки по верху, дворик в помещение типа гауптвахты. Но это уже была самодельная, во всём чувствовалась неаккуратная

работа. В маленький коридорчик выходило четыре двери с крепкими засовами и навесами, над дверьми — узкое зарешеченное оконце. Из двух оконцев справа выглядывали не без любопытства «жители» этого заведения. Дежурный откинул закрой и выдвинул засов двери, крайней слева, и открыл дверь, и приказал зайти, и проинструктировал: не кричать, по нужде — внутри параша, выносить позднее; еду приносят три раза в день. Прогулки по очереди раз в сутки; света в камере ночью не будет — только из коридорчика через окно в двери. Спросил, есть ли вопросы. Вопросов не оказалось. Дверь захлопнули, загредел засов, дежурный вышел.

Я осмотрелся. Вдоль левой стены — топчан из досок. Перед дверью свободное место — два метра в длину, метр в ширину. Я поднялся на топчан, дотянулся до окна — слева в окошечки видны были лица моих соседей. Громким шёпотом они спрашивали: кто такой, из какой части, за что посадили, нет ли закурить?.. Я не успел ответить. Вошел дежурный и зычно крикнул: «Не разговаривать!». Но, думаю, больше для порядка. До вечера я всё-таки успел узнать, что оба они дезертиры, что им нет ещё и 30 лет, что сбежали до 9 мая, т. е. в обстановке военного времени, хотя после падения сопротивления немцев на Земландском полуострове закончилось до конца апреля, а значит, и фактические военные действия. Но их вина определена по условиям войны, а теперь они сидят и ждут амнистии... Настроение у них не было подавленным.

Спал на голом топчане, подложив руку под изголовье. Думалось, получил ли вести обо мне Еремеев? Куда меня передали из «Смерша»? В штаб 2-й гвардейской Армии или нашей — Воздушной? Если Семин в тот же день сообщил в штаб, где я и зачем поехал, то всё равно не знают, куда я попал. А что задержали — знают точно... Будут ждать запроса. О доме думалось. Теперь за эти дни отправил бы письмо домой... Стыдно становилось за верхоглядство и самоуверенность. Пожалуй, служба в штабе заградотряда этому способствовала... А жизнь шла и идёт по строгим законам Армии.

Прошло три дня по заведённому распорядку: кормёжка, прогулка, вынести из параши, передача нас от дежурного по КПЗ к другому дежурному. Редкие разговоры с соседями полушёпотом; лежание на топчане в полутьме в тишине — каждый шорох слышно.

Наконец, около полудня на третий день дежурный крикнул:
— Вишняков, на выход!

В проходной оделся — подогнал обмотки, ремень, пилотку; умылся. В сопровождении дежурного поднимаемся, заводит в комнату. Справа, у окна сидит старший лейтенант Еремеев. Я обрадовался, но смущённый отвожу взгляд — мне стыдно...

— Ваш? — спрашивает штабист.

— Мой, — отвечает Еремеев.

— Распишитесь в передаче-приёмке. А ты, старший сержант, свои документы получи под роспись... Листок о награждении в красноармейскую книжку вложен, вот кандидатская...

Оформление закончено, мы выходим во двор, нас выпускают на улицу. До чего же хорошо — лёгкий ветерок, бледно-сероватое небо и зелень, автомашина — старший лейтенант приехал на ней. Уселись. Поехали. Молчали. Вот это и тяжело. Стыдно — подвёл начальника, мы выехали за город. Дорога шла вдоль низкого берега моря, справа от нас катившего барашками волны. Наконец, старший сказал с лёгким сарказмом в голосе:

— Поведай, как ты втюрился в эту историю. Основное мне уже рассказали. Детали, детали нужны...

И я рассказал детали...

А медаль «За отвагу» № 2951981 за участие в боях в июле 1943 года в Донбассе я всё-таки получил, но... только через десять лет, когда работал в Больше-Каменском детском доме.

Вызвали в райвоенкомат в Октябрьское и вручили вместе с удостоверением. Сама медаль и муаровая лента к ней были не первой свежести. Видимо, была в ходу у кого-то...

Рассказ о Перегребинском космодроме

Школьный новогодний праздник в Юбилейном году решили отметить необычно: в одной из классных комнат устроить «космодром с ракетой» для учащихся младших классов. Подобрался актив — завуч Голиков Анатолий Иванович (физик), учитель физвоспитания и рисования Пасин Анатолий Федорович, учитель труда Бурлаков Георгий Яковлевич. Обсудили детали. Вначале решили, что макет ракеты будет установлен только для посещения и осмотра учениками. Но потом додумались, что ракета должна летать с пассажирами.

Каждый внес свои предложения, задумки. И работа закипела, хотя знали об этом немногие. В мастерской изготовили остов ракеты из реек, и за день до Новогоднего вечера перенесли в класс вечером, в темное время. Уже в классе ребята обшили остов картоном, побелили и раскрасили, придав вид ракеты. На окна-иллюминаторы наклеили пленку. Внизу под решеткой пола, обтянутой красным материалом, установили электролампу, а в ведро с водой — вибрационный стиральный электроприбор. Внутри на стенке на уровне глаз — табло отсчета времени с цифрами от 5 до 0 (начало старта). Нехитрый переключатель был вынесен на стол у стенки класса. Помогали это делать ученики Кашапов Борис и Сихварт Володя.

Класс был затемнен, окна завешаны, свет выключен. Только одна лампочка на столе при входе в класс узким пучком света выхватывала из темноты «ракету». Здесь же — на столе — лежали «гермошлемы» для будущих пассажиров-космонавтов. Когда закончили подготовку — испытали, по очереди побывав в ракете при подъеме, свободном полете и «спус-

ке». Это была репетиция для обслуживающего персонала. Все волновались: как-то завтра получится...

...В этот вечер на Новогоднем празднике около дверей одного из классов была большая очередь. На дверях огромными буквами было написано «КОСМОДРОМ». Счастливых по два человека пропускали в класс. Ведущие в классе измеряют рост — выше полутора метров в полет не берут! На будущих космонавтов одевают гермошлемы. Предупреждают: при полете будет шумно — не бойтесь, это работают моторы ракеты при подъеме и спуске... Следите в иллюминаторы за звездным небом, не трусьте... Ведущий Генкель Виктор за руки в полутемноте подводит к ракете, открывает дверь-люк, и внутри ракеты загорается свет... Космонавты заходят внутрь и осматриваются. Двери закрываются. Раздается голос из динамика: «Приготовиться к полету в космос!» Свет в ракете гаснет. Поочередно вспыхивают цифры табло — 5, 4, 3,2,1 — «Пуск!!!». Под ногами пассажиров вспыхивает ярко-красный свет, и одновременно раздается оглушительный рев мотора, корабль дрожит... В иллюминаторы видно, как «звезды» ползут вниз. «Летим!» — слышно из кабины.

Но вот мотор внезапно стихает — красный свет под ногами гаснет. Тишина... Корабль вышел на орбиту...

Из динамика команда: «Приготовиться к спуску!». И снова гремит мотор, и бушует под ногами огонь... Удар! Приземлились! Вспыхивает внутри кабины свет, двери открываются. Ошалелые пассажиры неуверенно идут на выход с «космодрома» в коридор, предварительно сняв гермошлемы. А ведущие уже готовят к полету следующую пару «космонавтов»...

Новогодний вечер в разгаре — важно вышагивает Дед Мороз, постукивая посохом о пол; Снегурочка ведет хоровод вокруг нарядной елки; снуют туда-сюда Почтальоны, раздавая поздравительные открытки и посылочки с подарками. Гремит музыка. Ревниво следят за детьми мамы и бабушки, занявшие стулья вдоль стен класса, — чей костюм лучше? Уж скоро будут раздавать подарки, а очередь у клас-

са-«космодрома» не убывает. Оживленно обмениваются с теми, кто побывал «в космосе». А побывали уж пар 20—25!

А. Ф. Пасин успел сделать несколько снимков с вспышкой (в классе — темно!). Все шло так, как и ожидалось, но тут случилось неожиданное...

Когда взяли на корабль двух сестер, из которых одна была в возрасте четырех лет (не хотела отставать от старшей!), и отправили в полет (с шумом и ревом мотора, вспышками ярко-красного света под ногами!), мы оказались в аварийной ситуации. Малышка дико закричала: «Мама!!! Боюсь!!!».

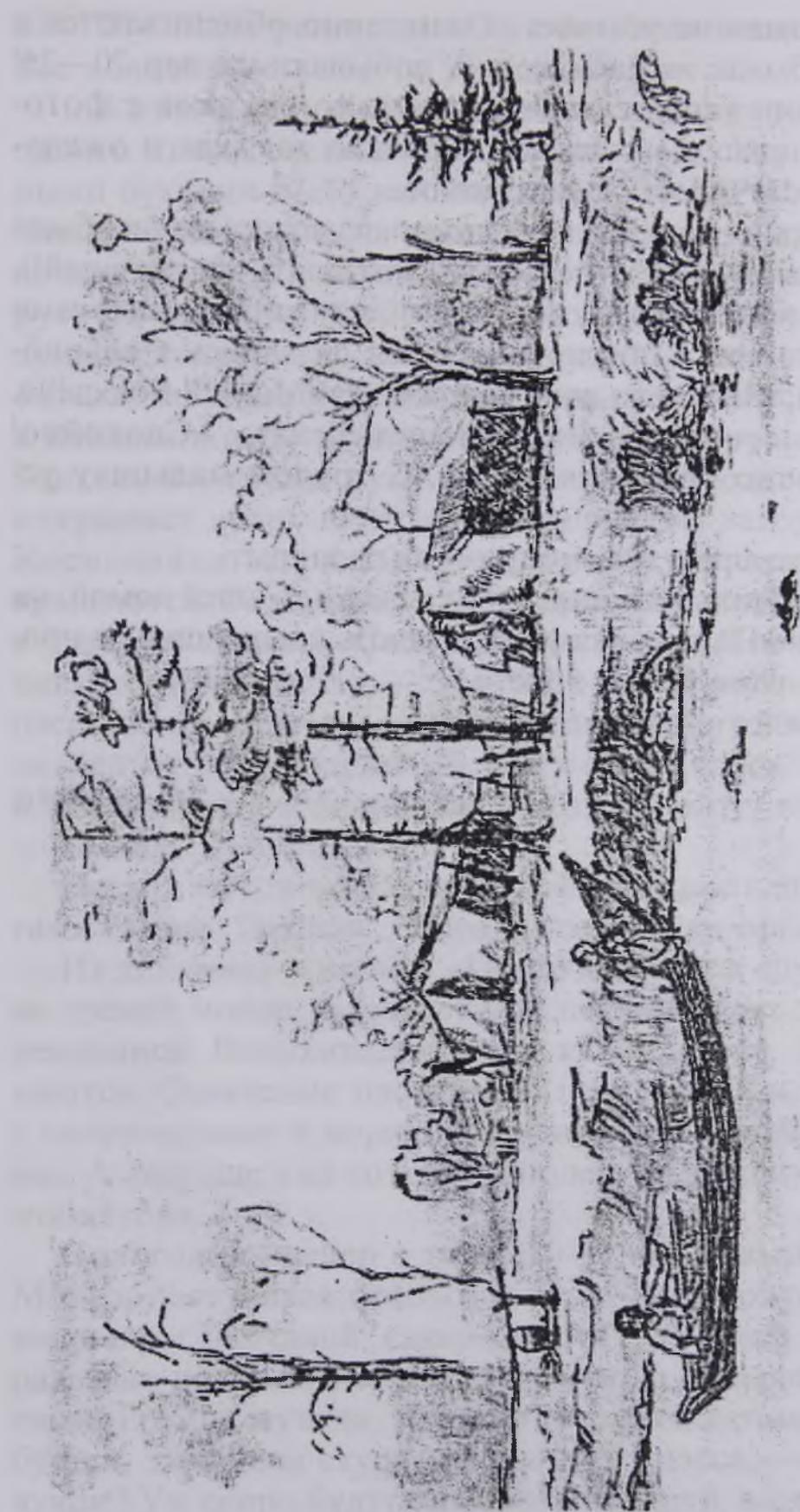
Пришлось срочно по микрофону передать: «Спокойно! Корабль срочно приземляется!..». С трудом малышку успокоили...

...Поздно вечером «космодром» был закрыт.

Когда, окончив праздник, я шел с сыном Сашей домой, он спросил меня: «Папа, а как ракета сквозь крышу школы пролетала?». Он тоже был в полете.

Я не удивился — дети есть дети.

Март 1989 г.

Большой Камень.

Поездка с дегьми детского дома на лодке в поход по реке Кормужиханка — июнь 1951 г.

Рисунок 7 янв. 1990 г.

«Шишкоряг» около Половинки, т. е. приехали добывать кедровые шишки в кедрачах у поселка Половинка, от Заречного — в 6 км в сторону пос. Подгорного. Сезон начался в конце августа, заканчивался в октябре со снегопадом.

Рисунок 1 июня — 22 ноября 89 г.

Белый мыс

На Белый мыс ходили компаниями, группами, редко сговариваясь заранее, а чаще стихийно. Лучше в хороший летний день — солнечный и тихий (по мосткам). Справлялись — есть ли у кого спички, ножички: надо развести костёр, по дороге делали свистки из веток ивняка весной, вырезали тросточки, палочки с кружевными узорами. Если разлив реки был высок — по берегу посёлка не шли, а поднимались наверх, шли дорогой у обрыва. Оттуда была хорошо видна пойма между Матлымкой и Матлымской горой, покрытой кедрачом; телеграфные столбы стояли на узкой, исчезающей вдали полоске низины.

26 марта 1988г.

Содержание

Страницы детства	5
В ссылку	23
Как мы ездили кротов ловить	47
Как я узнал про начало войны	52
На третьем курсе педучилища	58
Общественная жизнь	71
На окружной культлодке	73
В запасном полку	89
По дороге на фронт	107
На фронте	120
По партийному поручению	125
Как я ездил медаль получать	135
Рассказ о Перегребинском космодроме	145
Белый мыс	150

В авторской редакции.
Составитель: Захаров В. К.
Редакционная коллегия: Борисова Р. А.
Лукиянова Т. Э.

Сдано в набор 15.04.2002 г. Формат 60x84. Набор компьютерный. Гарнитура Times New Roman Cyr. Усл. печ. листов 8,55. Заказ № 900. Тир. 1000. П/о "Север", г. Серов, ул. К. Маркса, 19.

X

75492004

Окружная библиотека

